

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

2019. Т. 27(1–4). № 4

ISSN 1999-9917

Научный журнал.

Издается с июля 1993 г. Выходит четыре раза в год.

Учредитель – федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (Академия ФСИН России).

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-74889 от 11.02.2019.

Главный редактор А. А. Крымов

Адрес редакции, издателя, типографии: 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1.
E-mail: editor62@yandex.ru. Тел.: (4912) 93-82-42.

<https://mcp.editorum.ru/>

Дата выхода в свет 27.12.2019. Цена свободная.

Распространяется на территории Российской Федерации и зарубежных стран.

Подписные индексы:
объединенный каталог «Пресса России» – 73800;
интернет-каталог «Российская периодика» (www.aipk.org) – 73800.

Все права защищены.

Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.
Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.
За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.
Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Индексация:

Российский индекс научного цитирования;
КиберЛенинка;

Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук.

© Академия ФСИН России, 2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Крымов Александр Александрович,
главный редактор, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Аксенова Галина Ивановна,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань)

Антонян Юрий Миранович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Блинков Олег Евгеньевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Гаврилов Борис Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Кашуба Юрий Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Лебедев Семен Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Наумов Анатолий Валентинович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Огородников Владимир Иванович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Плешаков Владимир Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Поздняков Вячеслав Михайлович,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)

Полищук Николай Иванович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Поникаров Владимир Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань)

Ромашов Роман Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Старостин Сергей Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Сухов Анатолий Николаевич,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань)

Тюгаева Нина Алексеевна,
доктор педагогических наук, профессор (Россия, Рязань)

Черемисова Ирина Валерьяновна,
доктор психологических наук, доцент (Россия, Волгоград)

Черный Евгений Владимирович,
доктор психологических наук, доцент (Россия, Волгоград)

Чистяков Алексей Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Шаталов Александр Семенович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Юнусов Абдулжабар Агабалаевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

EDITORIAL BOARD

- Krymov Aleksandr Aleksandrovich,**
Editor-in-chief, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Aksenova Galina Ivanovna,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Antonjan Jurij Miranovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Blinkov Oleg Evgen'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Gavrilov Boris Jakovlevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Kashuba Jurij Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Lebedev Semen Jakovlevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Naumov Anatolij Valentinovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Ogorodnikov Vladimir Ivanovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Pleshakov Vladimir Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Pozdnjakov Vjacheslav Mihajlovich,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Polishhuk Nikolaj Ivanovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Ponikarov Vladimir Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Romashov Roman Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, St. Petersburg)
- Starostin Sergej Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Suhov Anatolij Nikolaevich,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Tjugueva Nina Alekseevna,**
Doctor of Pedagogic Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Cheremisova Irina Valer'janovna,**
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor (Russia, Volgograd)
- Chernyj Evgenij Vladimirovich,**
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor (Russia, Simferopol)
- Chistjakov Aleksej Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Shatalov Aleksandr Semenovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Junusov Abdulzhabar Agabalaevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Миссия журнала

В фокусе приоритетного внимания любого государства постоянно находится проблема преступности. Она очень давняя и чрезвычайно серьезная, в силу этого постоянно требует научного осмысления. Разумный человек всегда властен над своими поступками. Но иногда, особенно в условиях социальной неустроенности, разламывающих общество противоречий и конфликтов, он совершает поступки, противоречащие закону. Предупредить, уберечь, помочь – в этом и состоит цель, во имя и ради которой создан журнал «Человек: преступление и наказание». Слово «человек» в его наименовании не является терминологической новацией. Человек в сфере действия уголовной юстиции в широком смысле – вот магистральная и основная проблематика журнала. К ее освещению и раскрытию во всем многообразии возможных аспектов приглашаются правоведы, управленцы, психологи, педагоги, философы, социологи, религиозные деятели, медики-психиатры – все, кого интересуют и волнуют человеческие проблемы в таком их специфическом понимании. Важными направлениями деятельности журнала являются публикация результатов междисциплинарных исследований по вопросам модернизации систем исполнения наказаний, уголовно-исполнительной политики, участия в этом процессе гражданского общества, защиты прав и законных интересов осужденных, объединение усилий ученых различных стран в решении общих пенитенциарных проблем.

Периодичность

4 выпуска в год.

Принципы работы редакции

научно обоснованный подход к отбору, рецензированию и размещению публикаций; свободный открытый доступ к результатам исследований, использованным данным, который способствует увеличению глобального обмена знаниями; соблюдение международных этических редакционных правил.

Journal mission

The problem of crime is always in the focus of priority attention of any state. It is very old and extremely serious, that is why it constantly requires scientific understanding. A reasonable man can always control his actions. But sometimes, especially in conditions of social disorder, breaking the society of contradictions and conflicts, he commits acts against the law. To warn, to protect, to help is the purpose for which the journal “Man: crime and punishment” was created. The word “man” is not a terminological innovation. A man in the sphere of criminal justice in a broad sense is the main problem of the journal. Lawyers, managers, psychologists, teachers, philosophers, sociologists, religious leaders, physicians, psychiatrists and all who are interested and concerned about human problems in such specific understanding are invited to cover and disclose it in a variety of possible aspects. Important activities of the journal are the publication of the interdisciplinary research results on the modernization of penal systems, penal policy, participation of civil society in this process, the protection of the rights and legitimate interests of convicts and combining the efforts of scientists from different countries in solving common prison problems.

Publication Frequency

Quarterly

Principles of editorial work

scientifically proven approach to selection, review and publication placement; free and open access to research results, used data, which contributes to increasing of global knowledge exchange; compliance with international ethical editorial rules.

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Плата за публикацию

Публикация в журнале бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Авторские права

Авторы, публикующие статьи в журнале, сохраняют за собой авторские права и предоставляют журналу право первой публикации работы, которая после публикации автоматически лицензируется на условиях [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/), позволяющей другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в журнале.

Политика свободного доступа

Журнал предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту, исходя из следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Publication fee

Publication in the journal is free. The editors do not charge authors for preparation, placement and printing of materials.

Copyright

Authors who publish articles in the journal retain copyright and grant the journal the right to publish the material for the first time, which is automatically licensed after publication on the terms of [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/). It allows others to distribute this work with the obligatory preservation of references to the authors of the original work and the original publication in the journal.

Free access policy

The journal provides direct open access to its content based on the following principle: free open access to research results contributes to increasing of global knowledge exchange.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Редакция принимает статьи по электронной почте (editor62@yandex.ru) на русском или английском языке при соблюдении следующих требований.

Заглавие

Не более 10–12 слов. Не допускается использование аббревиатур и формул.

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество приводятся полностью, без сокращений. Редакция рекомендует единообразное написание транслитерации ФИО. Редакция использует при транслитерации ФИО стандарт BSI с интернет-сайта <http://translit.net>.

Аффилиация (принадлежность автора к определенной организации). Указываются: организация (место основной работы) – название согласно уставу организации; город – полное официальное название; страна – полное официальное название.

Должность указывается полностью, без сокращений. Адъюнктам, аспирантам, докторантам и соискателям необходимо указывать свой статус и кафедру, к которой они прикреплены, полностью, без сокращений.

Ученые звание и степень указываются полностью, без сокращений.

Индивидуальные номера авторов в системах ORCID, Scopus Author ID.

Контактная информация – e-mail (публикуется в журнале).

Аннотация

Объем: от 250 до 400 слов, определяется содержанием статьи. Включает в себя характеристику темы, объекта, целей, методов и материалов исследования, а также результаты и главные выводы исследования. Целесообразно указать, что нового несет в себе научная статья. Не допускаются аббревиатуры, впервые вводимые термины (в том числе неологизмы). Для статей на русском языке рекомендуется пользоваться ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования».

Ключевые слова

5–10 слов и (или) словосочетаний. Должны отражать тему, цель и объект исследования.

Текст статьи (объем, структура)

Объем от 40 000 до 60 000 печатных знаков с пробелами. Редакция рекомендует использовать структуру IMRAD для оформления статьи с выделением следующих частей: введение (Introduction); методы (Materials and Methods); результаты (Results); обсуждение (Discussion). Каждая часть должна иметь заголовок (примерно до 5 слов). Данная структура является опорной и может быть адаптирована (расширена и (или) более детализирована) в зависимости от особенностей и логики проведенной исследовательской работы.

Текст статьи (оформление)

Текстовый редактор – MS Word. Поля – 2 см. Шрифт – Times New Roman 14 пт. Интервал – 1,5. Выравнивание – по ширине. Абзацный отступ – 1,25 см. Нумерация страниц – сверху по центру.

Ссылки в тексте

Приводятся по тексту статьи в квадратных скобках [1, с. 2; 4, с. 7–9], [8, т. 1, с. 216; 9, ч. 2, с. 27–30], нумеруются согласно литературе.

Ссылки на собственные публикации не рекомендуются.

Библиографический список

Оформление по ГОСТ Р 7.05-2008.

Смирнов П. В. Название : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 276 с.

Петров С. Ю., Иванов Р. Б. Название // Название журнала. 2019. № 3. С. 17–19. URL : www.nazvanie.ru (дата обращения: 15.01.2019).

Источники приводятся в порядке их цитирования и не повторяются. У статей указывается интервал страниц (С. 54–59), у книг – общее количество страниц (542 с.).

ARTICLE REQUIREMENTS

The Editorial Board accepts articles by e-mail editor62@yandex.ru in Russian or English, with the observance of the following requirements.

Title

Up to 10–12 words. Abbreviations and formulas in the title of an article are not allowed.

Information about authors

Names are given in full, without abbreviations. The editorial office recommends the uniform spelling of names' transliteration in all articles of the author. The editors transliterate names according to the standard BSI from website <http://translit.net>.

Affiliation. Author's full affiliation (including position, name of the department, faculty and university, address and e-mail address). If the author affiliates him/herself with a public organization or institution, please, supply adequate information on the organization's full title and address.

The position is indicated in full, without abbreviations. Adjuncts, graduate students, doctoral students and applicants must indicate their status and the department to which they are attached, in full, without abbreviations.

Academic title and degree are indicated in full, without abbreviations.

Individual numbers of authors in the following database systems: ORCID, ResearcherID, Scopus Author ID.

An abstract

250–400 words, determined by the content of the article. It includes the characteristics of the researched problem, objectives, research methods and materials of the study, as well as the results and main conclusions of the study. It is advisable to point out the main scientific result of the work. Unencrypted abbreviations, for the first time entered terms (including neologisms) are not allowed. For articles in Russian language it is recommended to use the Interstate standard 7.9–95 «Summary and abstract. General requirements».

Keywords

5–10 words or phrases. The list of basic concepts and categories used to describe the problem under study.

Main body of the article

Structure. The body of the text should be divided into meaningful sections with individual headings (1–5 words) to disclose the essence of this section. Every article should contain Conclusions, where the author(s) are expected to ground meaningful inferences. Implications for a future research might also find their place in Conclusions. The Editorial Board recommends using the IMRAD structure for the article. This structure is reference and can be adapted (expanded and (or) more detailed) depending on the characteristics and logic of the research.

Text of the article (design)

The text may contain tables and figures, which should have separate numbering (one numbering system for tables; another – for figures). They should be placed in the text at the appropriate paragraph (just after its reference).

References in text

References must be in Harvard style. References should be clearly cited in the body of the text, e.g. (Smith, 2006) or (Smith, 2006, p. 45), if an exact quotation is being used.

Excessive and unreasonable quoting is not allowed. Self-citations are not recommended.

Bibliographic list

At the end of the paper the author(s) should present full References in the alphabetical order as follows:

Sources are given in the order of their citation in the text (not alphabetically) and are not repeated. Interval of pages of scientific articles and parts of books must be indicated (pp. 54–59), and in monographs, textbooks, etc. – the total number of pages in the publication (p. 542).

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЙ ФОРУМ

- 428** *Бородина А. М., Дворянсков И. В.* Уклонение от отбывания наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: проблемы предупреждения и регламентации ответственности
- 435** *Казакова В. А.* Общественная опасность деяния как критерий классификации правонарушений
- 442** *Сыч К. А.* Концептуальные проблемы вины в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (постановка проблемы)
- 450** *Шаталов А. С., Акчурина А. В.* Вопросы выявления и расследования преступлений, совершаемых осужденными с использованием средств коммуникации и информационных технологий

ЛИНЗА ВРЕМЕНИ

- 460** *Реент Ю. А.* Предыстория создания учебного заведения (к 85-летию Академии ФСИН России)
- 465** *Шурухнов Н. Г.* Инструкция смотрителю губернского тюремного замка 1831 года: основное содержание, сущность, актуальность

ВЕКТОР УПРАВЛЕНИЯ

- 481** *Поникаров С. В., Поникаров В. А., Смолев С. М., Строилов С. В.* Компоненты доказывания в правоохранительной деятельности сотрудников подразделений специального назначения, выполняющих функции в сфере исполнения уголовных наказаний
- 490** *Горбань Д. В., Ефремова О. С.* Проблемные вопросы деятельности субъектов профилактики правонарушений и пути их решения
- 496** *Чернышов И. Н.* Планирование потребности в персонале учреждений уголовно-исполнительной системы: поиск эффективных методов

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ – ИСПРАВЛЕНИЕ

- 504** *Васильева М. А., Зубенко Е. В.* К вопросу об установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам о незаконной добыче водных биоресурсов и рубке лесных насаждений
- 510** *Прысь Е. В., Наруцкая Н. В.* Взаимодействие коллегии присяжных заседателей и профессионального состава суда в уголовном процессе
- 520** *Чернышев Д. Б.* Проблема принуждения к даче показаний как уголовно-процессуального механизма получения доказательств

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

- 529** *Пастушеня А. Н., Симакова Т. А.* Ресоциализация как процесс социально-психологического и духовно-нравственного развития личности осужденных
- 536** *Тюгаева Н. А., Александров Б. В., Воронин Р. М., Огородников В. И.* Развитие личности осужденных к лишению свободы в процессе их физического воспитания: теоретико-методический аспект
- 543** *Щербаков Г. В., Черехович М. М.* Методика анкетного изучения мнения осужденных о воспитательной работе с ними
- 554** *Ильянова О. И.* Проблемные вопросы распространения негативной информации о деятельности сотрудников органов внутренних дел в сети Интернет

ПЕРСОНАЛИИ

- 561** *Вуз и профессор: взаимосвязь судеб (к 85-летию Академии ФСИН России и 70-летию профессора Н. Г. Шурухнова)*

TABLE OF CONTENTS AND ABSTRACTS

SCIENCE FORUM

- 565** *Borodina A. M., Dvoryanskov I. V.* Evasion of punishment in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities: problems of prevention and regulation of liability
- 566** *Kazakova V. A.* Public danger of an act as a criterion for classification of offences
- 568** *Sych K. A.* Conceptual problems of guilt in the current Criminal code of the Russian Federation (statement of the problem)
- 569** *Shatalov A. S., Akchurin A. V.* Issues of detection and investigation of crimes committed by convicts using means of communication and information technologies

TIME LENS

- 571** *Reent Yu. A.* Background of the educational institution establishment (to the 85th anniversary of the Academy of the Federal penitentiary service of Russia)
- 572** *Shurukhnov N. G.* Instructions to the caretaker of the provincial prison castle of 1831: the main content, essence, relevance

MANAGEMENT VECTOR

- 573** *Ponikarov S. V., Ponikarov V. A., Smolev S. M., Stroilov S. V.* Components of evidence in law enforcement activities of employees of special forces units performing functions in the field of criminal penalties execution
- 574** *Gorban' D. V., Efremova O. S.* Problem questions of subjects' activity of offences prevention and ways of their decision
- 575** *Chernyshev I. N.* Planning the staff requirement in institutions of the penal system: search for effective methods

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

- 576** *Vasil'eva M. A., Zubenko E. V.* On the question of establishing the circumstances to be proved in criminal cases on illegal extraction of aquatic biological resources and logging of forest plantations
- 578** *Prys' E. V., Narutskaya N. V.* Interaction of jury and the court in criminal proceedings
- 579** *Chernyshev D. B.* The problem of coercion to testify as a criminal procedural mechanism for obtaining evidence

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

- 581** *Pastushenya A. N., Simakova T. A.* Resocialization as a process of socio-psychological and spiritual-moral development of convicts' personality
- 582** *Tyugaeva N. A., Aleksandrov B. V., Voronin R. M., Ogorodnikov V. I.* Development of convicts' personality sentenced to imprisonment in the process of their physical education: theoretical and methodological aspect
- 583** *Shcherbakov G. V., Cherekhovich M. M.* Methods of questionnaire study of convicts' opinions on educational work with them
- 584** *Il'yanova O. I.* Problematic issues of negative information spread about activity of employees of Internal Affairs bodies in the Internet

PERSONALIA

- 585** University and Professor: connection of fates (to the 85th anniversary of the Academy of the Federal penitentiary service of Russia and the 70th anniversary of Professor N. G. Shurukhnov)

УДК 343.368

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.428-434

АНАСТАСИЯ МИХАЙЛОВНА БОРОДИНА,

инспектор Сердобского межмуниципального филиала,
Уголовно-исполнительная инспекция УФСИН России по Пензенской области,
г. Сердобск, Российская Федерация;

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: am.borodina@mail.ru;

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ ДВОРЯНСКОВ,

доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник отдела разработки методологий
исполнения уголовных наказаний без лишения свободы
центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний
и психологического обеспечения профессиональной деятельности
сотрудников уголовно-исполнительной системы,
НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: diw@yandex.ru

**УКЛОНЕНИЕ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ
В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ ПРАВА ЗАНИМАТЬ
ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ ИЛИ ЗАНИМАТЬСЯ
ОПРЕДЕЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ:
ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
И РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Для цитирования

Бородина, А. М. Уклонение от отбывания наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: проблемы предупреждения и регламентации ответственности / А. М. Бородина, И. В. Дворянсков // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 4. – С. 428–434. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.428-434.

Аннотация. Цель исследования – внесение предложений для изменения действующего законодательства, регулирующего уголовные и уголовно-исполнительные правоотношения, возникающие в процессе отбывания наказания. В статье рассмотрены нормы отечественного права, устанавливающие порядок отбывания наказания, характеризующегося поражением прав, в различные периоды российской истории. Проведен анализ норм зарубежных источников, ре-

© Бородина А. М., Дворянсков И. В., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

гламентирующих исполнение указанной меры государственного принуждения. При изучении действующих нормативных актов, которые определяют порядок и условия отбывания наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, привлечения к ответственности за неисполнение приговора суда, установлено, что в настоящее время существует определенный механизм, который предполагает незачет в срок отбывания наказания времени, в течение которого осужденный замещал запрещенную должность или занимался запрещенной деятельностью. Указанная мера реагирования на противоправное поведение лица является недостаточно эффективной, так как фактически осужденный не претерпевает реальных негативных последствий. Изучены также мнения различных ученых, которые в основном подтверждают необходимость изменения порядка и условий отбывания наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Высказаны предложения по изменению норм Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов Российской Федерации.

Ключевые слова: лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, злостное уклонение, уголовно-исполнительная инспекция, наказания, не связанные с изоляцией от общества, уголовное наказание.

Уголовная и уголовно-исполнительная политика в России в настоящее время направлена на смягчение применяемых уголовных наказаний, в связи с чем увеличивается количество лиц, осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией осужденных от общества. Указанные наказания в основном исполняют уголовно-исполнительные инспекции (УИИ) Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России) по месту жительства осужденных.

Статистика свидетельствует о том, что каждый год количество лиц, состоящих на учете в УИИ, увеличивается, особенно резкий рост составила такая категория, как осужденные к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Согласно данным ФСИН России, в 2018 г. по учетам УИИ прошло 145 703 осужденных к указанному виду наказания, для сравнения в 2017 г. данная категория граждан составила 140 179 чел., 2016 – 96 939, в 2015 г. – 31 122 чел. Темп роста числа осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью к 2015 г. составил 4,97 (официальный сайт ФСИН России: <http://xn--h1akkl.xn--p1ai/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20YII>).

Особенности исполнения уголовных наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденных от общества, были исследованы: А. В. Бриллиантовым, А. В. Быковым, М. Т. Валеевым, Б. Н. Воскресовым, А. Г. Габараевым, И. В. Дворянсковым, А. В. Звоновым, Н. Н. Кулешовой и др. Различные аспекты уклонения от отбывания наказания рассматривали в своих работах В. А. Анфиногенов, С. Л. Бабаян, Т. Г. Антонов, О. Г. Демидов. Наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью было раскрыто в трудах С. А. Боровикова, К. Н. Карпова, Н. В. Ольховика, В. А. Уткина, А. Ю. Чупрова.

В связи с увеличением числа указанных осужденных повысился и уровень совершения повторных преступлений после постановки на учет в УИИ. Так, С. Л. Бабаян и В. А. Анфиногенов отмечают, что соотношение количества осужденных к лишению пра-

ва занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, совершивших повторные преступления, к числу лиц, прошедших по учету, составляет 9,35 % [1, с. 7].

Наиболее частым явлением стало также уклонение от отбывания наказания осужденными к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, при этом сотрудники УИИ не имеют возможности применить к ним меры воздействия [2, с. 84].

Наказание в виде лишения права в том или ином виде исполнялось на территории Российского государства в течение многих веков. Например, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. был закреплен такой вид наказания, как лишение всех особых прав и преимуществ, которое могло назначаться пожизненно. Осужденный мог быть лишен избирательных и сословных прав, духовного сана, титулов и др.

В советском уголовном законе также было закреплено наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, однако, по сравнению с современным положением, УК РСФСР с 1982 г. содержал в себе нормы, которые предусматривали ответственность за неисполнение приговора суда, которую могли нести как администрация организации, в которой работает лицо, которому запрещено занимать какую-либо должность, так и осужденный, занимающийся запрещенной деятельностью.

Рассмотрев нормы российского права, регламентирующие исполнение указанного вида наказания, можно сделать вывод о том, что в настоящее время срок лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью значительно сокращается, а также отсутствует уголовно-правовая ответственность за уклонение от отбывания наказания, что мы считаем недопустимым.

Однако длительность применения указанного вида наказания может свидетельствовать о том, что лишение определенных прав является достаточно эффективной мерой государственного принуждения, при этом для ее исполнения необходимы невысокие финансовые и организационные затраты [3, с. 171].

Следует отметить, что лишение прав достаточно широко применяется в зарубежных странах. В Испании уголовный закон предусматривает лишение права на занятие определенной деятельностью (ст. 42) и отстранение от должности (ст. 41). Уголовное право Болгарии закрепляет такую меру государственного принуждения, как лишение права занимать государственную или общественную должность (ст. 37). Во Франции лица, повторно нарушающие запрет на управление транспортным средством, могут быть подвергнуты конфискации автомобиля, что является эффективной превентивной мерой.

Статья 47 УК РФ раскрывает содержание наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Норма предусматривает два вида запрета: занятие определенной должности или занятие определенной деятельностью. Должности, которые осужденный не может занимать по решению суда, определены Указом Президента РФ от 31 декабря 2005 г. № 1574 «О реестре должностей Федеральной государственной гражданской службы» и Федеральным законом от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации». По мнению О. Н. Уварова, осужденный лишается права на занятие деятельностью, осуществление которой привело к совершению им противоправного деяния, за которое он был привлечен к уголовной ответственности. Лишение рассматриваемых прав представляет собой недопущение фактической и юридической возможности заниматься определенной деятельностью или занимать определенные должности [4, с. 67].

Уголовный закон также устанавливает, что данный вид наказания может назначаться как основной или как дополнительный вид наказания. В качестве основного вида наказания лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью может назначаться на срок от одного до пяти лет. Дополнительно наказание назначается на срок от шести месяцев до трех лет, кроме случаев, предусмотренных статьей Особенной части УК РФ: срок наказания может составлять двадцать лет.

Указанное наказание исполняется УИИ, однако субъектами также являются администрация организации, в которой осужденный работает, и орган, правомочный аннулировать право на занятие определенной деятельностью.

При исполнении наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью главной проблемой остается невозможность осуществления контроля за осужденными и неполнота норм, регламентирующих реагирование сотрудников УИИ на неисполнение ими приговора суда [5, с. 7].

Названные проблемы приводят к тому, что осужденный имеет реальную возможность заниматься запрещенной деятельностью, при этом не претерпевая фактически реальных негативных последствий. Так, приказом Минюста России от 20 сентября 2009 г. № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» установлен порядок незачета в срок наказания времени, в которое осужденный замещал запрещенную должность или занимался запрещенной деятельностью. На практике данная норма реализуется следующим образом: сотрудник УИИ, получая информацию о факте занятия осужденным запрещенной деятельностью, выносит постановление о незачете указанного срока в период отбывания наказания, обычно данный срок составляет 1 день, следовательно, осужденный будет снят с учета на 1 день позже. Эта процедура не влечет за собой серьезных негативных последствий для осужденного, соответственно он продолжает заниматься запрещенной деятельностью и в последующем совершает преступления, связанные с уклоняющимся поведением (ст. 264.1 УК РФ). В. А. Уткин высказал мнение о том, что данное предписание имеет небольшой предупредительный потенциал [6, с. 61].

Многие ученые, исследовавшие особенности наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обращали внимание на указанные проблемы. Так, в монографии под редакцией А. В. Быкова «Исполнение наказаний и иных уголовно-правовых мер, не связанных с изоляцией осужденных от общества: история и современность» отмечается, что для повышения эффективности рассматриваемого вида наказания необходимо внести изменения в уголовно-исполнительное законодательство, ввести нормы, которые конкретизировали бы деяния, являющиеся нарушением порядка и условий отбывания наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, а также установили бы ответственность за совершение указанных деяний [7, с. 86].

Н. Н. Кулешова обратила внимание на то, что такая цель наказания, как исправление, не может быть достигнута при исполнении рассматриваемого вида наказания. Осужденный оказывается исправившимся лишь формально, так как лица, лишённые определенных прав, игнорируют приговор суда и часто занимаются запрещенным видом деятельности, за что могут быть привлечены к административной ответственности, никаких уголовно-правовых мер к ним применено быть не может [8, с. 35].

О. Г. Демидов в своем диссертационном исследовании относит лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью к ка-

тегории наказаний, уклонение от которых не несет уголовно-правовых последствий. Он отмечает, что последствия могут наступать лишь для администрации организации, в которой осужденный занимает должность, которую ему запрещено занимать, и предлагает ввести в УК РФ норму, предусматривающую злостность уклонения от отбывания указанного наказания [9, с. 18].

Отсутствие возможности применения мер взыскания к осужденным к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью приводит к совершению ими повторных преступлений. По мнению Н. В. Ольховика, к осужденным, нарушавшим запрет на управление транспортным средством, были применены все меры, предусмотренные законодательством. Однако это не стало препятствием для совершения ими нового преступления [10, с. 97–98].

Для более эффективного исполнения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью необходимо дополнить ст. 37 УИК РФ, указав в ней деяния, которые определялись бы как нарушения установленного порядка отбывания наказания, а именно:

- 1) неисполнение приговора суда;
- 2) смена места жительства или работы без уведомления УИИ;
- 3) неявка в УИИ по вызову без уважительных причин.

Неисполнение приговора суда может привести к негативным последствиям, так как осужденный, совершая указанное деяние, осуществляет деятельность, последствием которой стало совершение преступления. Кроме того, лицо прямо нарушает запрет, установленный судом. Такое деяние, как смена места жительства или работы без уведомления УИИ, часто приводит к тому, что фактически приговор суда не исполняется. Кроме того, обязанность сообщать в УИИ об изменении места работы или жительства прямо содержится в ст. 37 УИК РФ.

При установлении инспекцией факта занятия осужденным запрещенной деятельностью или замещения запрещенной должности сотруднику необходимо вынести в отношении осужденного постановление о незначительном нарушении в срок наказания времени, в течение которого приговор суда не исполнялся. С указанным документом осужденного необходимо ознакомить под роспись. Именно поэтому следует закрепить норму о применении к осужденному меры взыскания за неявку в УИИ.

Необходимо установить, что за нарушение порядка отбывания наказания осужденному может быть вынесено письменное предупреждение о замене лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью более строгим видом наказания, а также установлена обязанность: являться на регистрацию в УИИ один раз в месяц.

Уголовно-исполнительное законодательство должно также содержать положение о том, кто может быть признан злостно уклоняющимся от отбывания лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Злостное уклонение от отбывания лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью – комплекс деяний, совершаемых осужденным, направленных на избежание неблагоприятных последствий, связанных с исполнением приговора суда, нарушением порядка и условий отбывания наказания, в результате которых уголовная ответственность может реализовываться только после видоизменения правоотношений по решению суда.

Статья 37 УИК РФ должна содержать в себе положение о том, кто может признаваться злостно уклоняющимся от отбывания лишения права занимать определенные

должности или заниматься определенной деятельностью. Мы считаем, что будет верным признавать злостно уклоняющимся лицо, которое систематически нарушает требования приговора суда, а равно осужденного, продолжающего уклоняться от отбывания наказания после вынесения ему письменного предупреждения.

Уголовное законодательство также должно включать в себя норму, которая устанавливала бы порядок замены лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью более строгим видом наказания. На наш взгляд, ст. 47 УК РФ необходимо дополнить следующими положениями: «В случае злостного уклонения от лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью оно может быть заменено на ограничение свободы, принудительные работы или лишение свободы. При этом время, в которое осужденный отбывал наказание, должно учитываться при исчислении: ограничения свободы: два дня лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью соответствуют одному дню ограничения свободы; принудительных работ или лишения свободы: пять дней лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью – одному дню принудительных работ или лишения свободы».

В завершение можно сделать вывод о том, что изменение уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в части исполнения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью может в значительной мере способствовать исполнению целей наказания, дополнить средства воздействия и проведения профилактической работы с осужденными, состоящими на учете в УИИ, а также снизить уровень рецидивной преступности среди указанной категории граждан.

Библиографический список

1. Бабаян С. Л., Анфиногенов В. А. Анализ повторной преступности осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества и меры по ее профилактике // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2017. № 4(44). С. 4–9.
2. Звонов А. В. Содержание кары уголовного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: краткий обзор // Человек: преступление и наказание. 2016. № 3. С. 82–88.
3. Карпов К. Н. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью как наказание или мера безопасности // Вестник Омского университета. 2017. № 3. С. 170–175.
4. Уваров О. Н. Об исполнении наказания в виде лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами // Уголовная юстиция. 2017. № 1(9). С. 65–68.
5. Боровиков С. А., Чжан Ю. А. Проблемы и практика исполнения уголовного наказания в виде лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2017. № 4(40). С. 4–8.
6. Уткин В. А. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: уголовное наказание или мера безопасности? // Человек: преступление и наказание. 2013. № 3. С. 58–61.
7. Исполнение наказаний и иных уголовно-правовых мер, не связанных с изоляцией осужденных от общества: история и современность : монография / под ред.

А. В. Быкова. М. : Научно-исследовательский институт информационных технологий ФСИН России, 2016. 190 с.

8. Кулешова Н. Н. Дополнительные виды наказаний: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006. 267 с.

9. Демидов О. Г. Уклонение от наказания: уголовно-правовой и криминологический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004. 26 с.

10. Ольховик Н. В. Рецидивная преступность осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 2. С. 95–100.

УДК 343.231:342.92

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.435-441

ВЕРА АЛЕКСАНДРОВНА КАЗАКОВА,
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин,
Институт международного права и правосудия
Московского государственного лингвистического университета,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: vera1313@yandex.ru

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ДЕЯНИЯ КАК КРИТЕРИЙ КЛАССИФИКАЦИИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Для цитирования

Казакова, В. А. Общественная опасность деяния как критерий классификации правонарушений / В. А. Казакова // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 4. – С. 435–441. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.435-441.

Аннотация. Предметом исследования в статье является категория «общественная опасность», ее критерии, их учет при внесении изменений в уголовное и административное законодательство. На основе изучения доктринальных позиций, статистических данных и судебной практики критически оценивается динамика уголовного и административного законодательства на примере трансформации норм об административной и уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Анализу подвергаются изменения статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации, регуливающей классификацию преступлений по категориям общественной опасности. В качестве доказательств отсутствия единообразного подхода к оценке общественной опасности приводятся уголовно-правовое значение и особенности учета законодателем некоторых обстоятельств (на примере экстремистских мотивов, связанных с политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненавистью или враждой, а также ненавистью или враждой в отношении какой-либо социальной группы, и использования лицом своего служебного положения). Особое внимание уделяется реанимированию норм уголовного законодательства, построенных с учетом административной преюдиции, отсутствию обоснования их выбора для включения в Уголовный кодекс Российской Федерации. Рассматривается законопроект о закреплении понятия «уголовный проступок», анализируется его правовая природа и место в системе деликтного законодательства, обнажаются недостатки законопроекта и негативные последствия введения его в действие. На основании исследования делается вывод о разрушении системности уголовного законодательства, связанном с динамически

© Казакова В. А., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

происходящими процессами криминализации (декриминализации), пенализации и изменения карательной составляющей отдельных видов наказаний. Вскрываются межотраслевые коллизии, возникающие в связи с внесениями изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Прогнозируется дальнейшая тенденция сближения административного и уголовного законодательства.

Ключевые слова: общественная опасность, криминализация, декриминализация, пенализация, виды наказаний, принудительные работы, ограничение свободы, интеграция уголовного и административного законодательства, административная преюдиция, уголовный проступок, нарушение правил дорожного движения, состояние опьянения.

Уголовная политика последнего десятилетия демонстрирует устойчивую тенденцию к интеграции уголовного и административного законодательства. Отношение к этому специалистов различно и даже диаметрально противоположно. Большинство исследователей этой проблемы склоняются к необходимости обособления этих отраслей и проведению четких границ между ними. Обоснование разграничения уголовного и административного права находится в сфере понятийных различий правонарушения и преступления. Никто не оспаривает их соотношения как целого и части (в данном случае дисциплинарные и гражданско-правовые правонарушения во внимание не принимаются). Однако какую долю составляет (должно составлять) в нем преступление – вопрос, решаемый неоднозначно. Следуя формальному признаку, объем преступного определяется содержанием Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Административное законодательство, состоящее как из Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), так и из других источников федерального и регионального уровня, неизмеримо больше и разнообразнее. Граница между ними весьма подвижна и нестабильна. Ее определение – прерогатива федерального законодателя.

Понятия преступления и административного правонарушения во многом схожи и содержат одинаковые признаки: противоправность (уголовная или административная), виновность, наказуемость. Материальный признак – общественная опасность – присутствует в определении преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ), но не упоминается в КоАП РФ (ч. 1 ст. 2.1). На этом основании ранее превалировала точка зрения об отсутствии признака общественной опасности у административного правонарушения, речь шла о его общественной вредности. Хотя общепризнанного качественного отличия у данных понятий нет, а лингвистическое толкование весьма условно и субъективно. Эта позиция имела достаточно реальные объяснения, связанные с меньшей вредоносностью названных деяний и менее строгой их наказуемостью. В настоящее время сторонников этой позиции гораздо меньше. Большинство административистов справедливо настаивают на наличии общественной опасности как признака административных правонарушений [6].

КоАП РФ не только стремительно увеличивается в объеме, но и проявляет явную тенденцию к усилению наказуемости. Только за восемь месяцев 2019 г. усилена административная ответственность по десяти составам. За этот же период появилось двадцать новых административных правонарушений. Суть современной превалирующей точки зрения сводится к тому, что «вне зависимости от того, какой нормой права урегулировано деликтное правоотношение, как раз сам деликт несет в себе общественную опасность, различаемую лишь по характеру и степени общественной опасности» [3]. В связи с этим

возникает вопрос о критериях общественной опасности. Классический подход к этому понятию позволяет считать ее объективной категорией, складывающейся из таких криминообразующих компонентов, как: общественно опасные последствия (вред, ущерб); форма вины, способ деяния (насилие, обман, использование служебного положения, групповое совершение), мотив и цель, специальный субъект [7; 8, с. 178]. Часть этих признаков является составообразующими, влияющими на определение состава преступления как привилегированного или квалифицированного. Остальные устанавливаются в процессе привлечения к ответственности конкретных виновных. Учет этих критериев необходим, прежде всего, законодателю при принятии решения о криминализации / декриминализации деяний, об установлении обоснованных санкций, выделении квалифицирующих признаков.

Цель законотворческого процесса в идеале – познание общественной опасности, объективно существующей на данный момент, и закрепление ее оценки в законодательстве путем формулирования состава преступления (или иного правонарушения) и конструирования санкции за него. Однако четкого алгоритма, законодательного механизма выбора видов и размеров наказания в принципе не существует. Попыткам разработки каких-либо закономерностей и правил криминализации посвящено много публикаций [1, 2, 9], но они законодателем не учитываются. Доказательство этому – многочисленные изменения деликтного законодательства, касающиеся и криминализации, и пенализации, нередко хаотичные, противоречащие друг другу, нарушающие системность нормативного акта. Примеров тому множество: развал промышленности в 1990-е годы привел к отказу от условного осуждения с обязательным привлечением к труду, по УК РФ 1996 г. эта мера была переименована в ограничение свободы, но до 2010 г. это наказание не действовало, после чего возродилось в абсолютно другой редакции, не имеющей ничего общего с первоначально предусмотренной этой статьей УК РФ. В конце 2011 г. появилось новое для России наказание – принудительные работы, которое стало применяться лишь с 1 января 2017 г., когда открылись первые четыре исправительных центра, начавшие принимать осужденных к принудительным работам, прообразом которого и было условное осуждение с обязательным привлечением к труду.

Между тем ограничение свободы, по сути, свелось к домашнему аресту, чья карательная сущность неизмеримо меньше, чем в первоначальной редакции УК РФ 1996 г. Это повлекло за собой искажение иерархии наказаний, последовательность которых в перечне (ст. 44 УК РФ) задумана как постепенное увеличение строгости от штрафа до смертной казни. Да и штраф до полумиллиарда рублей вряд ли можно теперь назвать самым мягким наказанием. Смертная казнь как вид наказания по сей день остается в УК РФ, но не применяется согласно вердикту Конституционного Суда РФ, чей запрет на назначение и применение смертной казни не вполне отвечает его компетенции.

Отсутствие каких-либо правил и границ в процессе внесения изменений в законодательство отразилось и на одной из ключевых статей Общей части УК РФ – ст. 15, предусматривающей классификацию преступлений по категориям. В первоначальной редакции Кодекса все преступления подразделялись на четыре категории по тяжести. При этом учитывался единственный объективный критерий – форма вины. Наказуемость же отражала представление законодателя о характере и степени общественной опасности опосредованно через назначенную максимальную санкцию (соответственно по категориям: до двух, пяти, десяти и свыше десяти лет лишения свободы). При этом неосторожные деяния могли быть только небольшой или средней тяжести. Каким образом должны учи-

ываться иные качественные и количественные составляющие общественной опасности, законом не предусматривается.

Вносимые в 2011 г. изменения в ст. 15 УК РФ коснулись перераспределения преступлений между категориями небольшой и средней тяжести, к первым были отнесены деяния с максимальным сроком до 3 лет лишения свободы. Этим же законом суду было предоставлено право понижать на одну ступень категорию тяжести при отсутствии отягчающих обстоятельств и наличии смягчающих, а также при определенных границах назначенного этим же судом наказания. Презюмируется, что суд таким образом добавит учет иных критериев общественной опасности, проявляющихся в конкретных уголовных делах. Кроме того, исключение из многих санкций нижних границ лишения свободы практически ничем судью не ограничивает, когда за одно и то же деяние можно законно назначить от 2 месяцев до 15 лет лишения свободы. Большинство юристов это оценивается как коррупциогенная мера, которая «не отвечает в полной мере требованиям системности уголовного права» [5, с. 46].

Федеральный закон от 17 июня 2019 г. № 146-ФЗ выделил среди преступлений, совершенных по неосторожности, еще одну категорию – тяжкие преступления, которые наказываются лишением свободы сроком свыше десяти до пятнадцати лет.

В ст. 15 УК РФ ничего не сказано об объекте посягательства, тяжести последствий, способе деяния, его мотивах и целях, смягчающих или отягчающих обстоятельствах. Отображение их в статьях Особенной части УК РФ никакой логической системы не имеет. Например, совокупность мотивов, объединяемых под термином «экстремистские» (по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы), в преступлениях экстремистской направленности и хулиганстве является составообразующим признаком, в преступлениях против жизни и здоровья, а также в вандализме, надругательстве над телами умерших и местами их захоронения – квалифицирующим, в вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления – особо квалифицирующим, в остальных преступлениях учитывается как обстоятельство, отягчающее наказание.

Такой часто упоминаемый признак, как «совершенное лицом с использованием служебного положения», кроме преступлений, где должностное лицо является специальным субъектом, двадцать девять раз употреблен как квалифицирующий, двадцать восемь раз – как особо квалифицирующий и также может быть отягчающим. Как именно подобные обстоятельства влияют на конструкцию санкций – неясно.

Влияние уголовной политики на оценку общественной опасности ярко проявляется на примере статьи о нарушениях правил дорожного движения. В редакции 1996 г. оно считалось преступлением при наступлении не только смерти человека или причинения ему тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, но и крупного ущерба. Далее эта норма последовательно частично декриминализировалась. Через два года это преступление с последствиями в виде материального ущерба было переведено в разряд административных правонарушений, а еще через пять лет уголовно наказуемыми оказались лишь деяния, повлекшие за собой тяжкий вред здоровью человека, смерть человека или нескольких лиц. В дальнейшем наблюдается процесс ужесточения ответственности за нарушение правил дорожного движения, что объясняется переоценкой общественной опасности совершения преступлений в состоянии опьянения. Норма о наказуемости управления автомобилем в нетрезвом состоянии была исключена из УК РСФСР в 1992 г. (в УК РСФСР 1960 г. совершение преступления лицом, находящимся в состоянии опья-

нения, было в числе обстоятельств, отягчающих ответственность. Законодатель в ст. 39 УК РСФСР давал суду право в зависимости от характера преступления не признавать это обстоятельство отягчающим ответственность. Если в первоначальной редакции Кодекса оно согласно ст. 23 УК РФ считалось не влияющим на ответственность, то в соответствии с Федеральным законом от 21 октября 2013 г. № 270-ФЗ по решению судьи состояние опьянения может быть признано отягчающим наказанием обстоятельством). Кроме того, в 2009 г. в ст. 264 УК РФ были добавлены части 2, 4 и 6 с квалифицирующим обстоятельством «совершено лицом, находящимся в состоянии опьянения», которые в 2019 г. снабжены уточнением, исключающим возможность такому водителю скрыть свое состояние опьянения – «сопряжено с оставлением места его совершения». В 2014 г. в Кодекс введена статья 264.1 «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию», предусмотревшая уголовную ответственность с административной преюдицией или при наличии судимости. Специалисты справедливо отмечают такое сочетание составообразующих признаков как нехарактерное для техники построения норм Особенной части УК РФ, хотя и не совсем точно отождествляют судимость с рецидивом, поскольку последний не распространяется на совершение преступлений по неосторожности [5, с. 785]. Сама по себе общественная опасность преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения, вряд ли так же изменчива, как ее оценка законодателем.

Придание признака общественной опасности административным правонарушениям породило в литературе дифференциацию этого понятия на криминальную и административную общественную опасность, но не внесло ясности в их содержание. Наличие норм с административной преюдицией и тенденция к их расширению только сблизили эти понятия. В первоначальной редакции УК РФ 1996 г. не содержал таких норм.

В 2009 г. Президент РФ Д. А. Медведев в послании Федеральному Собранию Российской Федерации призвал к реанимированию административной преюдиции в уголовном праве с целью либерализации и гуманизации уголовного законодательства на основе принципов неотвратимости, справедливости и соразмерности наказания, а также сокращения числа осужденных к лишению свободы за действия, не представляющие повышенной опасности для общества. Первоначально было сформулировано 12 таких составов, однако законопроект был отклонен.

В 2015 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации внес в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекты федеральных законов по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности. В них была предусмотрена декриминализация ряда уголовно наказуемых деяний с введением аналогичных административно наказуемых. Наибольший резонанс вызвали предложения о частичной декриминализации побоев (ч. 1 ст. 116 УК РФ) и угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 119 УК РФ).

К настоящему времени административная преюдиция предусмотрена в четырнадцати составах Особенной части УК РФ и в трех – речь идет о неоднократности совершения как условия привлечения к уголовной ответственности (данные по состоянию на 1 октября 2019 г.), в том числе это ст. 116.1 УК РФ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию». Декриминализация ст. 119 УК РФ «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью» была отклонена законодателем. В пояснительных записках к проектам по введению составов с административной преюдицией нет объяснения внимания к этим составам, что показывает их произвольный выбор без научного или практического обоснования их перечня.

Сомнения специалистов относительно декриминализации некоторых составов, в частности побоев, аргументируются тем, что в административном праве отсутствуют институты соучастия, неоконченного преступления, исключена возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий.

Сторонники новации (административной преюдиции для побоев) приводят аргументы об упрощенном привлечении к ответственности. Если в 2015–2016 гг. к уголовной ответственности за побои привлекалось около 22 тыс. лиц ежегодно, то в 2017 г. общее количество привлеченных по административной и уголовной ответственности составило 113 702 чел., а в 2018 г. – 121 838 чел., причем из них к уголовной ответственности привлечено всего 373 и 1146 чел. соответственно. Таким образом, административная наказуемость не только практически полностью заменила уголовную, но и превысила ее более чем в 5 раз, что, несомненно, свидетельствует в пользу реализации принципа неотвратимости ответственности, пусть и административной, тем более что наказуемость таких побоев по меркам административного права достаточно суровая – административный штраф в размере от пяти тысяч до тридцати тысяч рублей, либо административный арест на срок от десяти до пятнадцати суток, либо обязательные работы на срок от шести десяти до ста двадцати часов.

Еще один тесно примыкающий к обсуждаемой проблеме вопрос касается возможного введения в юридический оборот термина «уголовный проступок». Анализ дефиниции приводит правоведов к практически единодушному выводу о том, что уголовный проступок будет промежуточным звеном между административным правонарушением и преступлением, займет место категории преступлений с наименьшей общественной опасностью. Принятие законопроекта, по сути, разделит на две части категорию преступлений небольшой тяжести. Элементы гуманизации в этом нововведении это: снижение продолжительности и размеров иных мер уголовно-правового характера по сравнению с наказанием и отсутствие судимости в случае успешного отбытия такой меры, в то время как сейчас судимость погашается по истечении одного года после окончания наказания.

Такие же последствия для виновного может повлечь за собой впервые совершенное преступление небольшой или средней тяжести, если лицо возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред. В данном случае речь идет не об обязанности, а о возможности суда освободить лицо от ответственности с применением иной меры уголовно-правового характера. Современный тренд уголовной политики и судебной практики направлен на сокращение лишения свободы за преступления небольшой и средней тяжести. В настоящее время подавляющее большинство осужденных (75,6 %) относятся к этой категории (по данным за январь – август 2019 г.). Не исключены также трансформация тяжкого преступления в категорию средней тяжести в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ и освобождение от уголовной ответственности с применением иной меры уголовно-правового характера. Это приведет к значительному сокращению числа лиц, отбывающих лишение свободы, так как согласно статистическим сведениям Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2018 г. 81 % – это осужденные на срок до 5 лет.

Содержание споров о правовой природе проступка сводится к разным позициям о том, к чему он ближе – к преступлению или административному деликту. «Конкурентами» в иерархии деликтов являются преступления с административной преюдицией. Неясна также граница с малозначительными деяниями, которые упоминаются как в УК РФ, так и в КоАП РФ. При этом определения малозначительности в КоАП РФ не содержится.

Если совершение преступления служит основанием для привлечения лица к уголовной ответственности, то уголовный проступок предусматривает освобождение от нее. В связи с этим М. А. Кауфман справедливо отмечает: «Чтобы сам факт совершения преступления, пусть и впервые, ложился в основу принятия решения об освобождении – это нонсенс» [4, с. 352]. Однако, по мысли законодателя, освобождение от ответственности связывается с мерами уголовно-правового характера, представляющими собой уменьшенные по размерам и срокам наказания. Карательное воздействие таких мер гораздо ближе к наказанию, чем к освобождению от него, а тем более – к освобождению от ответственности. Отсутствие ощутимых критериев разграничения общественной опасности приводит специалистов к различным и даже противоположным выводам. Высказываются различные мнения, касающиеся как необходимости более четкого разграничения уголовной и административной ответственности, так и их сближения.

Можно по-разному относиться к решению этой проблемы, но в реальности приводимые аргументы доказывают, что происходит процесс межотраслевой интеграции публичных деликтных отраслей, который в перспективе может привести к образованию единой отрасли законодательства.

Библиографический список

1. Антонов А. Д. Теоретические основы криминализации // Черные дыры в Российском законодательстве. 2002. № 2. URL : <http://www.k-press.ru/bh/2002/2/rantonov/rantonov.asp> (дата обращения: 20.03.2019).
2. Дядькин Д. С. Теоретико-методологические основы назначения уголовного наказания : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. М., 2009. 46 с.
3. Карлов В. П. Материальный признак общественной опасности как критерий различения преступления и административного нарушения (содержательный и семантический анализ) // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2014. № 1(80). С. 59–63.
4. Кауфман М. А. Уголовный проступок: процесс идентификации продолжается // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф. М. : РГ-Пресс, 2019. С. 347–353.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный) / под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. М. : Юриспруденция, 2016. 1040 с.
6. Липинский Д. А., Мусаткина А. А. Общественная опасность правонарушения в научных и законодательных определениях России и зарубежных стран // Вопросы безопасности. 2015. № 3. С. 24–44. DOI : 10.7256/2409-7543.2015.3.15941.
7. Лопашенко Н. А. Межотраслевая дифференциация: модель критериев, учитываемых при криминализации деяний // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: История и право. 2018. Т. 8. № 4(29). С. 131–136.
8. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учеб. для вузов / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М. : Статут, 2012. 879 с.
9. Чемеринский К. В. Общественная опасность как категория уголовного права // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2014. № 1(80). С. 99–104.

УДК 343.222.1

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.442-449

КОНСТАНТИН АНТОНОВИЧ СЫЧ,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: vladimir_1@inbox.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВИНЫ В ДЕЙСТВУЮЩЕМ УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

Для цитирования

Сыч, К. А. Концептуальные проблемы вины в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (постановка проблемы) / К. А. Сыч // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 4. – С. 442–449. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.442-449.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы оценочной концепции вины в современном уголовном праве, поднимается вопрос о необходимости научного обсуждения оценочной теории вины. Законодательные модели вины зарубежных государств основываются на различных концепциях вины: нормативной, психологической и оценочной. Законодательные конструкции вины этих государств разные. Например, в Уголовном кодексе Германии отсутствует законодательное определение родового понятия вины, оно определяется судом. Законодательная модель вины Уголовного кодекса Российской Федерации основывается на психологической концепции вины, которая сводит родовое понятие вины к значению сознательной и волевой деятельности лица, совершившего общественно опасное деяние. Сознание и воля являются признаками любого социально значимого поведения лица. Эти психологические признаки характерны и для вменяемости как правового признака субъекта преступления. Обращаем внимание исследователей рассматриваемой проблемы на то, что судьи и присяжные заседатели определяют виновность лица, совершившего деяние, содержащее все признаки преступления, по-разному. Например, присяжные заседатели не руководствуются законодательным определением понятия вины и ее формы (умысел или неосторожность), а определяют виновность на основании оценки объективных признаков совершенного деяния, характеристики лица, совершившего общественно опасное деяние. Таким образом, установление судом в деянии сознательно-волевого аспекта только дает начало процессу определения виновности лица, а это возможно при использовании оценочной теории вины.

© Сыч К. А., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: вина, формы вины, виновность, принципы уголовного права, объективные и субъективные признаки вины, состав преступления.

Исторический анализ развития института вины в российском уголовном законодательстве позволяет утверждать, что отношение законодателя к этому правовому явлению далеко не однозначное. Достаточно указать на то обстоятельство, что в советский период истории уголовного законодательства (УК РСФСР 1926 г.) субъективная сторона преступления была представлена «опасным состоянием личности», детищем социологической школы уголовного права, которая отрицала вину как институт уголовного права. Это привело, как известно, к объективному вменению, связанному с наступлением негативных правовых последствий для лица, вина которого отсутствовала. Только с принятием Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. положение дел изменилось в пользу субъективного вменения, где вина признавалась основным признаком субъективной стороны преступления.

Современная доктрина уголовного права отчетливо закрепляет, что вина является одним из важнейших признаков состава преступления, который определяет субъективный аспект уголовной ответственности. Это аксиома, которая не оспаривается во всех мировых системах права. Вместе с тем, видимо, следует признать, что проблема вины заключается в разных концептуальных подходах к определению ее родового понятия. Более того, ряд уголовных законодательств, преимущественно европейских, например УК Франции (ст. 123-3), УК Испании (ст. 10), УК ФРГ (ст. 15), признают умысел и неосторожность в качестве форм вины, но не определяют их содержание нормативно, непосредственно в норме закона. Уголовно-правовая доктрина этих государств относит вопросы определения содержания вины исключительно к ведению суда.

Известно, что мировые тенденции развития вины в науке уголовного права основываются преимущественно на идеях нескольких концепций: психологической, оценочной и нормативной. Российское уголовное право традиционно основывается на положениях психологической концепции вины, где интеллектуальный и волевой признаки выступают в качестве основных критериев определения вины.

В русской дореволюционной науке уголовного права психологическое направление развития вины было широко представлено в работах Н. С. Таганцева, Н. Д. Сергиевского, С. В. Познышева и других криминалистов. Представляет интерес точка зрения С. В. Познышева, который под виною понимал «проявленное субъектом такое настроение, при котором он действует преступным образом, сознавая или, по крайней мере, имея возможность сознавать преступный характер своего поведения и находясь в таких обстоятельствах, что мог бы от данного поведения удержаться, если бы у него не были недоразвиты противодействующие последнему чувствования и представления» [1, с. 47]. Обращает на себя внимание то, что автор связывает интеллектуальный признак вины не с деянием, а с преступным характером поведения лица, то есть с противоправностью поведения. Это обстоятельство существенно отличает его от определения вины, закрепленного в действующем УК РФ. С. В. Познышев представил вину как оценочную категорию, основываясь на интеллектуальном и волевом аспектах личности.

Оценочную концепцию вины в юридической литературе традиционно связывают с именем немецкого криминалиста Р. Франка, который в 1907 г. опубликовал работу, где поставил под сомнение ряд положений психологической концепции вины: умысел и неосторожность не являются формами вины, по мнению данного автора, а только элементами этого понятия [2, с. 277].

Упрек личности за ее поведение, по мнению сторонников оценочной концепции вины, является главным звеном, которое объединяет другие его элементы – вменяемость, умысел и неосторожность. Противоправное поведение во многом определяет это обстоятельство, за которое можно упрекнуть лицо [2, с. 277]. Уголовный закон лишь в самой общей форме устанавливает, какое поведение заслуживает упрека. Упрек в этом случае выступает как оценочное суждение судьи.

В советской науке уголовного права оценочную концепцию вины отстаивал профессор Н. Д. Дурманов, который еще в 1945 г. отмечал, что «виновность есть оценочная категория, ничего общего не имеющая с установлением совершенно объективного факта, является ли данное лицо причиной, так сказать, автором данного результата» [3, с. 52]. Вполне очевидно, что он признавал совершенное лицом деяние и наступившие его последствия как признаки объективной стороны преступления, выступающие в качестве юридического факта для установления виновности.

Концептуальные идеи вины как оценочной категории были положены в основу известной работы Б. С. Утевского «Вина в советском уголовном праве», где последняя рассматривалась в качестве основания уголовной ответственности [4, с. 50–98].

К сожалению, следует признать, что оценочная концепция вины в советской, как, впрочем, и в постсоветской, науке уголовного права не получила своего развития и была, как утверждают авторы учебника «Курс советского уголовного права», изданного в 1970 г. в издательстве «Наука», категорически осуждена большинством советских криминалистов [2, с. 282; 5, с. 269]. В силу этого обстоятельства господствующая позиция по поводу вины сводилась к значению осознания лицом общественной опасности совершенного им деяния. Весьма показательной в этом отношении является точка зрения профессора А. Н. Трайнина, который относил «осознание лицом общественной опасности своего поведения» к элементу состава преступления и основанию уголовной ответственности [6, с. 43]. Справедливости ради следует признать, что эта позиция А. Н. Трайнина была весьма удачной, учитывая исторические реалии учения о вине советской доктрины уголовного права, хотя были и более радикальные позиции. В частности, Б. С. Маньковский пришел к выводу о том, что, исходя из сущности виновности, осознание противоправности является одним из моментов понятия вины [7, с. 146]. А. И. Рарог, характеризуя умысел, отмечал, что предметом сознания как элемента умысла является не только общественная опасность, но и осознание противоправности своего деяния [8, с. 34].

В постсоветский период развития теории вины сходную позицию занимал А. И. Марцев, который считал, что «осознание общественной опасности своего деяния» предполагает осознание и противоправности деяния [9, с. 127]. Представляется, что попытка вывести признак «осознание противоправности» из понятия «общественная опасность деяния» не совсем удачная, учитывая самостоятельность этих признаков в понятии «преступление». Между тем существующая судебная практика, которая опирается на законодательную модель вины, основанную на принципах психологической теории рассматриваемого правового явления (гл. 5 УК РФ), лишь устанавливает, что совершенное лицом деяние является его сознательно-волевым актом, присущим, как известно, любому рациональному социальному поведению личности. Законодательная модель прямого умысла указывает, таким образом, что совершенное лицом деяние является актом его сознательной и волевой деятельности, а не механическим его телодвижением. Этот аспект сознательной и волевой деятельности лица, на наш взгляд, в большей мере характеризует его вменяемость, а не виновность. Под сознательной (интеллектуальной) и

волевой деятельностью понимаются происходящие психические процессы, скрытые, как известно, в коре головного мозга, которые определяют юридически значимое поведение лица для достижения поставленных им социальных целей. Установить результаты сознательной и волевой деятельности возможно лишь посредством оценки объективных показателей, непосредственно связанных с обстоятельствами совершенного лицом деяния. Отсюда можно сделать вывод о том, что совершенное лицом общественно опасное деяние, характеризуемое как акт его сознательной и волевой деятельности, является лишь юридическим поводом для выяснения главного вопроса: почему лицо приняло решение вступить в противоречия с требованиями уголовного закона, несмотря на угрозу наказания, и какие мотивы (цели) побудили его реально совершить деяние, причинившее разной степени вред человеку, обществу или государству? Например, когда родители запирают свою несовершеннолетнюю дочь в ее комнате, естественно, в определенное время, в целях ее безопасности или чтобы оградить от «дурной» компании, попавшей под влияние криминальной среды. Известный русский философ права И. Ильин, характеризуя виновность или невиновность человека, отмечал, что эти уголовно-правовые категории определяются отношением руководящей воли лица к цели права [5, с. 267]: правонарушитель будет признан виновным даже в том случае, если он нарушил норму положительного права по недостаточной воле к цели права, и будет невиновен в том случае, если верный правопорядок был его целью и мотивом [5, с. 269]. Иными словами, еще в русском уголовном праве ставился вопрос о том, что вина должна определяться через психическое (сознательно-волевое) отношение лица к цели права или права в целом посредством оценки объективных признаков совершенного деяния.

К. Роксин приходит к выводу о том, что господство психологической теории вины в национальных доктринах уголовного права объясняется натуралистическим мышлением прошлого, когда считалось, что правовые понятия можно вывести из данных естественных наук [10, с. 147]. Приведенная позиция представляется нам справедливой, поскольку этот отголосок прошлого по-прежнему не преодолен современной наукой уголовного права, которая должна рассчитывать только на результаты своих достижений, понимая при этом, что психологические категории не всегда удастся воплотить в значение права. Например, законодательное определение прямого умысла (ч. 2 ст. 25 УК РФ) есть не что иное, как конкретизация юридического критерия вменяемости, который является, как известно, предтечей вины. Вменяемость в характеристике субъекта преступления выступает в значении презумпции, то есть предполагается, что лицо, совершившее общественно опасное деяние, действовало или бездействовало в состоянии вменяемости, и данный вопрос не выясняется до тех пор, пока не возникает сомнение по поводу его вменяемости [11, с. 34]. Стало быть, вменяемость применительно к характеристике субъекта преступления выступает в значении потенциальной возможности лица осознавать свое деяние и руководить своим поведением, а в отношении вины – осознанием преступного характера своего деяния, предвидения негативных последствий и способностью руководить своим поведением для достижения поставленной цели. Известный русский криминалист профессор Н. С. Таганцев по этому поводу отмечал, что лицо, обладающее способностью к вменению, только тогда учитывает преступное и наказуемое деяние, когда оно в этом деянии проявляет или имеет возможность проявить эту способность, когда совершенное посягательство состоит в известном соотношении с сознанием лица, с его психической работой, предшествующей виновности, проявляет его хотение и волю [12, с. 267]. В связи с этим представляет интерес точка зрения

А. И. Санталова, который еще в 1965 г. выделял два аспекта вины – психологический и социально-правовой: психологический аспект характеризует предвидение субъектом последствий и отношение к ним, а социально-правовой – осознание или возможность осознания общественно опасного или уголовно-правового характера совершенного им деяния и его последствий [13, с. 124].

Кроме того, определить неосторожную форму вины в виде небрежности, основываясь на критериях психологической теории вины действующего УК РФ, крайне затруднительно, если не использовать оценочные критерии установления виновности или невиновности лица, совершившего общественно опасное деяние, подпадающее под признаки статей Особенной части УК РФ. В частности, ч. 3 ст. 26 УК РФ указывает, что преступление признается совершенным по небрежности, если лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло было предвидеть эти последствия, где виновность представлена волевым признаком или, скорее, его отсутствием. В связи с этим нетрудно заметить, что установить законодательные признаки «должно было» и «могло было» при определении преступной небрежности можно лишь посредством оценки объективных обстоятельств содеянного. Психологические критерии определения вины в приведенном случае оказываются, по-видимому, малопригодными. Более того, законодательные признаки «должно было» и «могло было» составляют юридический аспект рассматриваемой проблемы, поскольку устанавливаются в результате не судебно-медицинской экспертизы, а оценки объективных доказательств, собранных по уголовному делу, а также оценки статуса личности, ее позитивных и негативных характеристик и других обстоятельств. Вместе с тем необходимо отметить, что психологическая характеристика лица принципиально не влияет на определение преступной небрежности содеянного. В связи с этим представляет интерес ст. 22 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости. Субъект может осознавать общественно опасный характер своего поведения или руководить им, но в силу определенных нервных процессов он не в состоянии делать это в полной мере [14, с. 17–18]. Возможность осознавать общественно опасный характер своего поведения или руководить им отсутствует у лица не потенциально, а только в момент совершения деяния.

Вменяемость отмеченных лиц сопряжена с психическим характером, который не носит патологии – не считается психической болезнью, психическим расстройством. Это так называемые аномальные состояния, которые определяются относительным постоянством психофизиологических реакций. К ним относят крайние типы характеров: холерический или меланхолический. Например, по темпераменту лицо является меланхоликом, значит, его психические процессы связаны с тем, что торможение явно преобладает над возбуждением, в результате этого обстоятельства он не мог своевременно предвидеть наступления негативных последствий своего бездействия. Однако суд должен будет признать в его бездействии признаки преступной небрежности, поскольку категория «должно было» связывается с требованиями закона или иного нормативно-правового акта, который накладывает обязанность по необходимой внимательности или предусмотрительности (ч. 3 ст. 26 УК РФ).

Важным аспектом рассматриваемых вопросов является соотношение категорий «вина» и «виновность». В этом плане наиболее показательным является известное уголовное дело террористки Веры Засулич, которая обвинялась в покушении на убийство градоначальника генерала Трепова: несмотря на наличие в ее деянии состава престу-

пления, суд присяжных признал ее невиновной. Стало быть, категории «вина» и «виновность» того исторического периода развития уголовного права России рассматривались не как тождественные категории. В действующем УК РФ (ч. 1 ст. 24) закрепляется, что «виновным в преступлении признается лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности». Из этого законодательного понятия следует, что виновность определяется через объективные признаки совершенного деяния, следовательно, вина есть только догматическая категория, как совокупность определенных субъективных признаков, характеризующих интеллектуально-волевой аспект лица, совершившего общественно опасное деяние. Не случайно, по-видимому, ст. 49 Конституции РФ указывает, что виновность должна устанавливаться вступившим в законную силу приговором суда. Иными словами, высший законодательный акт указывает, что виновность определяет суд в обвинительном приговоре. Вина, понимаемая как интеллектуально-волевой акт лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние, может определяться даже следственными органами в обвинительном заключении. В противном случае придется признать, что органы предварительного следствия устанавливают в деянии лица не все признаки состава преступления. Тогда возникает вопрос: на каком основании обвинительное заключение передается в суд, если в деянии лица установлены не все признаки состава преступления? Виновность более широкая категория, которая включает в свое содержание субъективные и объективные признаки. Отсюда следует, что виновность лица устанавливает исключительно суд в своем обвинительном приговоре.

Именно виновность, определяемая как объективно-субъективная категория, позволяет не привлекать к уголовной ответственности определенную группу лиц, пользующихся различного рода иммунитетом: дипломатическим (ч. 4 ст. 11 УК РФ), президентским (с. 93 Конституции РФ), депутатским (ст. 98 Конституции РФ), судебским (ст. 122 Конституции РФ), несмотря на то что в их деянии может быть состав преступления, включая, естественно, его субъективную сторону.

Вполне очевидно, что психологическая теория вины, на которой основывается законодательная концепция УК РФ, не способна предложить необходимых критериев оценки мотивов лица, побудившего его вступить в противоречие с уголовным законом. Установление в деянии лица того, что это его сознательно-волевой акт, еще не говорит о его виновности или невиновности. С момента установления сознательно-волевых признаков совершенного деяния только начинается процесс определения виновности или невиновности лица. В связи с этим обращает на себя внимание то обстоятельство, что в постановлениях Верховного Суда РФ прямо указывается на глубокий анализ всех обстоятельств совершенного преступления лицом, включая, естественно, его мотивы и цели, при определении судом виновности или невиновности личности. Более того, суд присяжных при определении вины лица основывается на принципах оценочной теории вины. Из этого следует, что суд, определяя виновность лица, устанавливает только сознательно-волевой аспект его поведения, с которого начинается определение вины. Суд присяжных, напротив, опираясь на оценку всех обстоятельств совершенного лицом деяния, свободную от правовой догматики вины действующего УК РФ (гл. 5), определяет действительно, что оно виновно в совершенном деянии. Сам факт совершения лицом деяния, запрещенного уголовным законом, рассматривается судом присяжных лишь формально-правовым поводом для установления его вины.

Представляет интерес доктрина уголовного права Франции, которая предусматривает разные ступени умысла: преднамеренный, неопределенный и специальный. При этом УК Франции (ст. 121-3) только указывает на умысел или неосторожность как

формы вины, не определяя их содержания. Преднамеренность признается обстоятельством, отягчающим преступность деяния, например убийства (ст. 221-3 УК Франции), поскольку она формируется на протяжении значительного времени до начала действий по совершению определенного преступления или проступка. Неопределенный умысел предусматривается тогда, когда лицо желало причинить вред охраняемому уголовным законом объекту, но не осознавало точного размера такого вреда. Специальный умысел признается в том случае, когда в диспозиции статьи уголовно-правовой нормы есть указание на совершение деяния с определенной целью, которая подлежит доказыванию.

Уголовная ответственность за преступные деяния, которые характеризуются неосторожной формой вины, наступает только тогда, когда неосторожность причинила тяжкие последствия (смерть, телесные повреждения, пожар и т. д.) или когда преступное деяние совершено специальным субъектом, обязанным быть особо осторожным, например, лицом, которое охраняет секреты национальной обороны (абз. 3 ст. 413-10 УК Франции) [15, с. 294]. При этом следует отметить, что в соответствии с УК Франции неосторожные преступные деяния, какой бы они вред ни причинили, являются проступками, которые наказываются мерами наказания, не связанными с лишением свободы (тюремным заключением).

Особый интерес представляют преступные деяния со специальной формой вины, которая предполагается в определенных случаях и не подлежит доказыванию, например, водитель проехал на красный сигнал светофора, совершая, таким образом, преступное деяние.

Приведенные примеры из законодательной и правоприменительной практики, не только отечественной, но и зарубежной, доказывают, что сводить вину лишь к значению сознательно-волевого акта не совсем рационально. Содержание форм вины не может определяться уголовно-правовой догматикой, поскольку жизненные обстоятельства и мотивация поведения людей являются более разнообразными, и их трудно предусмотреть заранее в уголовном законе. Оценочная теория вины, воплощенная в законодательную и судебную практику, потенциально имеет больше возможностей установления виновности или невиновности лица, совершившего деяние, запрещенное уголовным законом.

Статья имеет целью поставить на научное обсуждение вопросы оценочной теории вины в связи с двойственным подходом судебной практики к определению виновности или невиновности лица. Суд присяжных, например, не руководствуется уголовно-правовой догматикой при определении виновности или невиновности, а использует оценочные категории, связанные с обстоятельствами совершения деяния, характеристикой личности, мотивов и целей совершения деяния.

В связи с этим вполне очевидно, что мотив и цель имеются практически во всех умышленных преступлениях, которые не могут рассматриваться, на наш взгляд, в качестве лишь факультативных признаков субъективной стороны для большинства преступлений. Отмеченные категории являются важнейшими оценочными критериями установления вины.

Библиографический список

1. Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. М., 1912. 668 с.
2. Курс советского уголовного права : в 6 т. М. : Наука, 1970. Т. 2 : Преступление. 453 с.

3. Дурманов Н. Д. Общие основания учения о причинной связи в уголовном праве // Вопросы уголовного права. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1944. Сб. 1. С. 34–55.
4. Утевский Б. С. Вина в советском уголовном праве. М. : Госюриздат, 1950. 319 с.
5. Ильин И. Общее учение о праве и государстве. М. : АСТ ; Хранитель, 2006. 416 с.
6. Трайнин А. Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М. : Госюриздат, 1951. 388 с.
7. Маньковский Б. С. Проблема ответственности в уголовном праве. М. : АН СССР, 1949. 123 с.
8. Рарог А. И. Общая теория вины в уголовном праве : учеб. пособие. М. : ВЮЗИ, 1980. 91 с.
9. Марцев А. И. Общие вопросы учения о преступлении. Омск : Ом. юрид. ин-т МВД России, 2000. 136 с.
10. Роксин К. Основания уголовно-правовой ответственности и личность преступника // Актуальные вопросы современного уголовного права, криминологии и уголовного процесса : сб. науч. тр. / отв. ред. О. Л. Дубовик, Ю. С. Пивоваров. М. : ИНИОН, 2003. С. 143–148.
11. Козаченко И. Я., Сухарев Е. А., Гусев Е. Л. Проблемы уменьшенной вменяемости. Екатеринбург : Урал. юрид. акад., 1993. 35 с.
12. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая. СПб. : Гос. тип., 1902. 823 с.
13. Санталов А. И. О единстве психологического и социально-правового аспектов вины // Тезисы докладов и сообщений на межвузовской конференции по теоретическим и методологическим проблемам правовой науки. Кишинев, 1965. С. 216–219.
14. Иванов И., Брика И. Ограниченная вменяемость // Следователь. 1999. № 7. С. 17–18.
15. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть / под ред. И. Д. Козочкина. М., 2003. 576 с.

УДК 343.98

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.450-459

АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ ШАТАЛОВ,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: asshatalov@rambler.ru;

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ АКЧУРИН,

кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Академия ФСИН России,
г. Рязань, Российская Федерация, ORCID 0000-0003-1742-1162,
e-mail: 79206310258@yandex.ru

ВОПРОСЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ОСУЖДЕННЫМИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ КОММУНИКАЦИИ И ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Для цитирования

Шаталов, А. С. Вопросы выявления и расследования преступлений, совершаемых осужденными с использованием средств коммуникации и информационных технологий / А. С. Шаталов, А. В. Акчурин // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 4. – С. 450–459. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.450-459.

Аннотация. В статье предпринята попытка найти ответ на вопрос, почему на фоне научных достижений отечественной криминалистики, при таком обилии новых идей, концепций, технологий, криминалистических алгоритмов, программ расследования прогресс в деле борьбы с преступностью остается малозаметным. Главная причина такого положения дел видится в том, что российская криминалистика долгое время развивалась в отрыве от ведущих зарубежных исследовательских школ. Вместе с тем такое ее состояние сохраняется, несмотря на охватившие практически все страны мира глобальные интеграционные процессы. В качестве главного направления преодоления кризисных явлений позиционируется имплементация в научные ресурсы отечественной криминалистики современных информационных технологий вообще и для повышения эффективности борьбы с преступлениями, совершаемыми осужденными в местах лишения свободы, в частности. Борьбу с ними можно считать проблемой международного масштаба в силу транснационального и трансграничного характера самой сети Интернет. С учетом непрекращающегося увеличения численности ее пользователей, закономерно

© Шаталов А. С., Акчурин А. В., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

порождающей их зависимость от информационного сообщества и уязвимость от разного рода киберпосягательств, произведен научный анализ современного состояния расследования преступлений такого рода и сформулированы рекомендации по повышению эффективности этой деятельности.

Ключевые слова: информационные технологии, киберпреступность, места лишения свободы, осужденные, компьютерные преступления, криминалистика, расследование преступлений.

Преступность, по господствующему в науке мнению, определяется как совокупность деяний, запрещенных уголовным законом. Она обладает, как минимум, двумя характерными чертами. Во-первых, состоит из отдельных преступлений, то есть деяний, наказуемых именно и только действующим уголовным законодательством. Во-вторых, в нее входят все преступления, совершенные в той или иной стране или гражданами этой страны за определенный промежуток времени, независимо от того, выявлены ли они и повлекли ли они за собой наказание. Таким образом, преступность имеет правовой характер, географические и временные границы, она обладает приспособляемостью к социальным переменам и проявляет тенденцию к росту. Однако общедоступная информация о ней и сопровождающих ее процессах пока не дает отчетливого представления о действительных масштабах этого негативного социально-правового явления, его направленности и специфических проявлениях. Работая над этой статьей, мы пришли к выводу о том, что используемая криминалистами в своей повседневной деятельности научная база о феномене преступности нуждается в расширении за счет целенаправленного и последовательного преумножения знаний о ней на условиях решительного преодоления узкопрофессионального, ведомственного и технократического подхода к их распространению.

Очевиден тот факт, что российская преступность отличается не только значительным объемом, но и весьма широким диапазоном противоправных действий. Их предварительное расследование и объективное судебное рассмотрение немислимо без выяснения того, где, кем и каким именно способом они были совершены. Сами сведения о способе их совершения являются наиболее ценными и представляют собой довольно внушительный массив криминалистически значимой информации. Именно он позволяет оперативным сотрудникам, дознавателям, следователям сориентироваться в сути имевшего место преступного деяния, наметить наиболее оптимальные пути его раскрытия и расследования, а значит, в полной мере проверить, оценить и использовать собранные в ходе производства по уголовному делу сведения как о самом преступном событии, так и о его участниках. Необходимость в этом объясняется тем, что способы совершения преступлений не избираются преступниками произвольно. Они детерминируются не только непосредственным объектом (предметом) преступного посягательства, но и самой обстановкой, в которой происходит его совершение.

Нередко местом криминальных проявлений становятся учреждения уголовно-исполнительной системы. Находящиеся в них осужденные совершают новые преступления разной степени тяжести, но это лишь «один из парадоксов принудительной изоляции в местах заключения» [1, с. 83]. Другой парадокс заключается в том, что, несмотря на свой невысокий образовательный уровень, осужденные быстро осваивают новые средства коммуникации и современные информационные технологии, в том числе в преступных целях [2]. Условия изоляции от внешней среды, в которых они вынуждены

находиться, не являются в этом плане непреодолимой преградой. Это означает, что все больше и больше осужденных становятся технологически просвещенными. Как следствие, они начинают мыслить и выстраивать свои противоправные действия иначе, нежели это было раньше. Реализуя свои преступные замыслы в таких условиях, они все чаще используют не только простейшие мобильные устройства, дорогостоящие гаджеты с новейшим программным обеспечением, но и самый широкий спектр интернет-ресурсов, открывающих для них неограниченные возможности для подготовки, совершения и сокрытия преступлений. Самых осужденных, совершающих преступления в период пребывания в исправительных учреждениях, криминалисты делят на три основные группы. В первую входят криминально активные лица, с устойчивой ориентацией на совершение преступлений; во вторую – лица, потенциально склонные к криминальной деятельности, но не имеющие твердой установки впредь совершать преступления; в третью – лица, случайно вовлекаемые в преступные акты в местах лишения свободы [3, с. 75].

По данным ФСИН России, в 2016 г. в исправительных учреждениях было зарегистрировано 851 преступление, совершенное осужденными, в 2017 г. – 872, а в 2018 г. – 913 (Официальный сайт ФСИН России. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых. URL : <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK>). Однако даже на фоне их незначительного роста может возникнуть впечатление, что для полумиллионного контингента лиц, находящихся в местах лишения свободы, общее количество совершенных ими преступлений сравнительно небольшое, хотя в действительности их совершается значительно больше. Наши многолетние наблюдения за фактическим положением дел в местах лишения свободы и данными официальной уголовной статистики о совершенных на их территории преступлениях позволяют утверждать, что ежегодно в ней учитывается не более десятой части криминальных проявлений такого рода. Более того, в публикуемых статистических данных, как правило, отсутствует дополнительная исходная информация, необходимая для полноценного научного анализа проблем, возникающих при расследовании уголовных дел о преступлениях, совершенных осужденными к лишению свободы. В частности, сведения о том, какие именно преступления они совершили, используя, например, средства традиционной телефонной коммутации, и сколько их было выявлено за тот или иной период, в официальной уголовной статистике не фиксируются. Вместе с тем масштаб их противоправного использования осужденными в преступных целях достаточно велик и в обозримом будущем будет только возрастать. Подтверждением тому могут являться не только выводы криминалистов, проводящих исследования по данной проблематике [4], но и сведения о ежегодно изымаемых у осужденных средствах связи. Отчеты о результатах оперативно-служебной деятельности отделов безопасности исправительных колоний, лечебных исправительных учреждений, лечебно-профилактических учреждений и территориальных органов уголовно-исполнительной системы свидетельствуют о том, что в 2013 г. их общее количество составило 57 012 единиц, 2014 – 62 890, 2015 – 64 175, 2016 – 63 287, в 2017 г. – 57 309 ед. (Статистические данные ФСИН России: отчеты о результатах оперативно-служебной деятельности отделов безопасности исправительных колоний, лечебных исправительных учреждений, лечебно-профилактических учреждений и территориальных органов уголовно-исполнительной системы. Форма СБ-1 за период 2013–2017 гг.). Несмотря на некоторое уменьшение числа изъятых у осужденных средств связи, их общее количество остается довольно большим, что благоприятствует «поддержанию высокой криминальной активности в местах лишения свободы» [5].

Криминалисты в своих работах отмечают, что наиболее распространенными в исправительных учреждениях были и остаются противоправные действия, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ [6]. В 2017 г., например, в общем объеме пенитенциарной преступности они составляли почти четверть (23 %). Изучение возбужденных по таким фактам уголовных дел показало, что практически во всех из них зафиксированы сведения о том, как осужденные, осуществляя свои преступные намерения, активно использовали средства мобильной связи [7]. Именно с их помощью осуществлялись контакты с поставщиками наркотических средств и их сообщниками. Как это происходит в реальности, можно проиллюстрировать на следующем примере: осужденный К., отбывающий наказание в виде лишения свободы, по мобильному телефону договорился с неустановленным лицом о продаже ему наркотического средства через знакомого им обоим гражданина Т., который в темное время суток приехал к основному ограждению исправительного учреждения и после получения светового сигнала, поданного ему осужденным К. фонариком мобильного телефона, произвел выстрел стрелой из арбалета на территорию исправительного учреждения, предварительно прикрепив к ней наркотик весом 10,18 г и снабдив светодиодом для визуализации траектории ее полета (Уголовное дело № 14325. Архив ОД МО МВД России «Кирово-Чепецкий»).

Помимо приобретения наркотиков, средства мобильной связи довольно часто используются осужденными для контакта с сообщниками «на воле» и подельниками, отбывающими наказание в других исправительных учреждениях. В научных публикациях описаны случаи, когда с их помощью оплачивались разного рода «услуги», оказанные осужденным коррумпированными сотрудниками исправительных учреждений [8]. В качестве характерного примера можно привести фабулу одного из изученных нами уголовных дел: осужденный П., отбывающий наказание в виде лишения свободы, предложил сотруднику оперативного отдела И. пронести на режимную территорию исправительного учреждения два мобильных телефона, пообещав за это деньги в сумме 20 тыс. рублей. Получив телефоны в комплекте с зарядными устройствами, осужденный П., используя одно из незаконно переданных ему сотрудником исправительного учреждения средств мобильной связи, подключился к предоставляемому порталом «КИВИ Банк» сервису Visa QIWI Wallet и перевел ранее обещанную сумму на банковскую карту И. (Уголовное дело № 1-30/2015. Архив Ловозерского районного суда Мурманской области). Однако это далеко не самый вопиющий случай использования технических средств коммуникации в преступных целях, поскольку с их помощью осужденные организуют и координируют не только собственные преступные действия, но и деятельность преступных групп или большого количества лиц, привлеченных ими к участию в противоправных деяниях. Известны случаи, когда самые примитивные мобильные телефоны играли решающую роль в формировании отрицательного общественного мнения об исправительном учреждении, в привлечении повышенного внимания правозащитных организаций и граждан к его повседневной жизни [9, 10]. Осужденный А., например, используя незаконно переданный ему мобильный телефон с выходом в Интернет, смог организовать в своем исправительном учреждении массовые беспорядки, сопровождавшиеся насилием, погромами, уничтожением имущества и оказанием вооруженного сопротивления представителям власти. В общей сложности в них участвовало около тысячи человек, среди которых были как осужденные, так и их родственники, друзья и просто знакомые. Используя средства мобильной связи, А. лично и через своих сообщников призывал их вооружаться палками, трубами, прутами, бейсбольными битами, камнями, бутылка-

ми и иными подручными предметами для силового проникновения на территорию исправительного учреждения и оказания сопротивления его персоналу (Уголовное дело № 2-39/2014. Архив Челябинского областного суда).

Используя мобильную связь и современные информационно-телекоммуникационные технологии в преступных целях, осужденные нередко проявляют изобретательность, особенно при совершении ими разного рода мошеннических действий, а сам феномен «мобильного мошенничества» не остался незамеченным в научных исследованиях криминалистической тематики [11]. Собранные нами данные свидетельствуют о том, что диапазон мошеннических действий осужденных довольно широк. Совершая их, они наиболее часто прибегали к телефонным переговорам (39, 2 %), знакомству в социальных сетях (30,9 %), размещению объявлений в средствах массовой информации (24,6 %), смс-рассылке (5,3 %). Видно, что наиболее распространенным способом достижения целей мошенничества являлись адресные и случайные телефонные звонки для ведения переговоров. Они осуществлялись осужденными посредством незаконно хранящихся у них мобильных телефонов. Осужденный К., например, отбывая наказание в исправительном учреждении, случайно узнал номер телефона гражданки А., проживавшей в другом населенном пункте. Он позвонил ей, назвался сотрудником полиции и, пообещав содействие в освобождении ее сына от ответственности за нарушение правил дорожного движения, уговорил перечислить ему деньги в сумме 85 тыс. рублей (Уголовное дело № 126334. Архив СО ОМ № 18 СУ при УВД по г. Сочи). В другом случае осужденный С., прочитав в Интернете объявление об утерянной сумке с ценными вещами и позвонив ее владельцу, путем обмана смог добиться от него перечисления немалой суммы якобы за последующий возврат его имущества (Уголовное дело № 14040603. Архив отдела дознания по обслуживанию Исакогорского и Цигломенского округов г. Архангельска ОД УМВД по Архангельской области).

Находясь в местах лишения свободы, осужденные не только отслеживают, но и самостоятельно размещают на наиболее посещаемых сайтах объявления о покупке или продаже дорогостоящих вещей с целью установления контактов с доверчивыми людьми, обладающими более или менее значительными денежными средствами. Например, осужденный С., отбывающий наказание в виде лишения свободы, используя похищенное у другого осужденного средство мобильной связи, размещал объявления в сети Интернет о продаже автомобилей. По мере вхождения в доверие к гражданам он добивался от них перечисления на свой счет денежного задатка, после чего прекращал с ними общение, а полученные обманом путем деньги использовал по своему усмотрению (Уголовное дело № 20249. Архив СО № 2 СУ УМВД РФ по Республике Дагестан). В другом случае осужденный к лишению свободы, имея доступ в Интернет, организовал массовую рассылку смс-сообщений, в которых получателям сообщалось о якобы выигранном ими дорогом автомобиле, передача которого должна состояться сразу после оплаты небольшой денежной пошлины в конкретный электронный кошелек. Желающих ее оплатить нашлось немало, вследствие чего общая сумма, попавшая обманом путем к осужденному, оказалась довольно внушительной (Уголовное дело № 28-1-0642-2013. Архив ОВД СЧ по РОПД СУ УМВД России по Тульской области). Приведенные примеры из рассмотренных судами уголовных дел не только являются характерными, но и однозначно свидетельствуют о том, что подготовка и совершение осужденными преступлений, сокрытие их следов с использованием средств коммуникации и информационных технологий – это далеко не разовые случаи, а в полной мере

проявившая себя тенденция расширения и усиления возможностей современной преступности вообще и пенитенциарной в частности.

Прежде чем перейти к рассмотрению наиболее общих тенденций и конкретных проблем, возникающих в связи с выявлением и расследованием преступлений, совершаемых с использованием средств коммуникации и информационных технологий, необходимо отметить, что их совершают не только осужденные, которые отбывают наказание и имеют определенный преступный опыт, но и другие граждане, в том числе ранее несудимые. Рано или поздно они могут оказаться в местах принудительного содержания и поделить своими навыками, умениями и знаниями с другими осужденными, усилив таким образом их противоправный потенциал. Изложенные в трудах криминалистов обобщенные научные данные о механизме преступлений такого рода, об обстановке, в которой они совершаются, об особенностях личности современного технически и технологически вооруженного преступника позволят должностным лицам, занимающимся их выявлением и предварительным расследованием, правильно организовать свою работу, четко знать основные и дополнительные источники получения криминалистически значимой информации и особенности ее использования в доказывании по уголовному делу.

В отечественной криминалистике уже сформировался весьма значительный объем высококлассной научной информации, которую можно найти в успешно защищенных диссертационных исследованиях, монографических работах, научных статьях, тезисах, практических и методических рекомендациях. Данные материалы направлены на совершенствование процесса предотвращения, выявления, раскрытия, расследования преступлений. На фоне таких вполне очевидных научных достижений кажется нелепым вопрос о том, почему при таком обилии новых идей, концепций, технологий, криминалистических алгоритмов, программ расследования прогресс в деле борьбы с преступностью остается незаметным? Более того, следственная и судебная практика нередко игнорирует то, что ей предлагает отечественная криминалистическая наука, а ее достижения подвергаются справедливой критике за их явное отставание от нужд правоохранительных органов. При всем этом значительная часть российских криминалистов не признает кризисного состояния своей науки и соответственно противится не только переосмыслению надуманных теоретических конструкций, но и их целенаправленному осовремениванию. Считаем, что необходима их систематизация и переоценка с учетом реалий сегодняшнего дня, выделение в них знания, действительно ценного и ожидающего своего дальнейшего поступательного развития. Особую и ярко выраженную актуальность эти задачи приобретают в деле имплементации в научные ресурсы отечественной криминалистики современных информационных технологий, занимающих в экономике страны особое место, а их эффективное функционирование является одним из важнейших факторов, способствующих решению ключевых задач государственной политики. Кроме того, информационные технологии должны сыграть важную роль в обеспечении дальнейшего поступательного развития отечественной криминалистики. Сейчас все больше становится очевидно, что в ней назрел ряд вопросов, ожидающих своего комплексного решения. Необходимо, в частности, реализовать меры, направленные на разработку и внедрение новых способов выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в киберпространстве. В их числе: распространение компьютерных вирусов, мошенничество с платежными картами, неправомерное изъятие денежных средств с банковских счетов, хищение компьютерной информации, нарушение правил эксплуатации разного рода автоматизированных

электронных систем и др. Все это принято называть по-разному: киберпреступностью, компьютерными преступлениями, преступлениями в сфере компьютерных технологий, преступлениями в сфере компьютерной информации и т. д. В литературе, изданной за последнее десятилетие, наиболее часто встречаются термины «киберпреступление» и «компьютерное преступление». Их можно считать равнозначными, поскольку они используются для обозначения группы одних и тех же общественно опасных деяний. В криминалистическом аспекте киберпреступления (или компьютерные преступления) – это общественно опасные деяния, для подготовки, совершения, а соответственно выявления, раскрытия и расследования которых применяются средства коммуникации, информационные технологии и самый широкий спектр интернет-ресурсов.

Процесс выявления, раскрытия и предварительного расследования преступлений, совершенных с использованием современных информационных технологий, имеет ряд существенных особенностей. Ошибки, допускаемые при этом следователями и дознавателями, являются следствием их неудовлетворительной профессиональной подготовки именно для этого сегмента криминалистической деятельности. Доминирующим фактором, влияющим на снижение качества предварительного расследования преступлений, совершаемых в киберпространстве, является отсутствие или низкое качество методических разработок, позволяющих выстроить алгоритм противодействия противоправной деятельности киберпреступников. Объективные условия, создающие сложность в расследовании подобных преступлений, – особенности обнаружения, фиксации и изъятия криминалистически значимой информации по преступлениям в сфере информационных технологий. Более того, здесь как нигде высока вероятность того, что те доказательства, которые все же были обнаружены, могут быть непреднамеренно изменены и даже утрачены в результате ошибок, допущенных при их изъятии или исследовании. Подготовка в ходе досудебного производства по уголовному делу доказательств такого рода для дальнейшего представления их в суде требует обязательного наличия основательной профессиональной подготовки, а также регулярного обновления имеющихся знаний у следователей, дознавателей, оперативных работников и, разумеется, у специалистов и экспертов.

В контексте затронутой проблемы важно отметить, что исследования, посвященные именно получению, обработке, использованию и хранению информации, стали проводиться с середины XX в., то есть сравнительно недавно. Понадобилось еще примерно пятьдесят лет, для того чтобы информационные технологии получили повсеместное распространение и стали доступными практически всем.

В начале 1960-х годов в американской юридической печати появился и стал активно использоваться термин «компьютерная преступность». Примерно в это же время западные социологи и философы (Д. Белл, Д. Рисман, А. Турен и др.) обсуждали вопрос о вступлении в качественно иную стадию социального развития, охарактеризованную ими как «постиндустриальное», или «информационное», общество. В последующие годы развитие информационных технологий привело к появлению преступлений новых видов и, как следствие, к резкому увеличению числа научных исследований. Постепенно стало понятно, что практически все они носят междисциплинарный характер и используют достижения многих наук и в первую очередь криминалистики. Из общего массива работ, посвященных данной проблематике, можно выделить диссертационные исследования А. В. Касаткина и С. В. Киселева, имевшие место в конце 1990-х годов, а также диссертации А. А. Шаевича, Ю. А. Куриленко, А. В. Нарижного, С. А. Ковалева, А. А. Косынкина, К. В. Костомарова и В. О. Давыдо-

ва, защищенные в период с 2007 по 2013 год. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что диссертационные исследования названных авторов (за одним только исключением) проводились не в столичных городах (Москве или Санкт-Петербурге), а в региональных центрах, причем последнее из них (диссертационное исследование В. О. Давыдова) было защищено в 2013 г., то есть более пяти лет тому назад. «Застой» отчасти был компенсирован монографическими работами профессоров Е. П. Ищенко, В. Б. Вехова и некоторых других российских криминалистов, проявивших интерес к данной проблематике. Однако этого оказалось явно недостаточно.

Обращает на себя внимание тот факт, что с начала XXI в. и до настоящего времени количество выявленных преступлений в сфере компьютерной информации (ст. 272–274 УК РФ) изменялось практически постоянно. Если в 2001 г. их было зафиксировано около 3,7 тыс., то к 2003 г. их общее количество увеличилось втрое (10,4 тыс.). В последующие годы стал наблюдаться их некоторый количественный спад. В 2015 г., например, было зафиксировано 2382 таких преступления [12], за совершение которых было осуждено лишь 235 человек. Данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации свидетельствуют о том, что в 2016 г. эта цифра сократилась до 185 человек (Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>). Причины таких несколько странных расхождений различны, но нам они видятся в том, что абсолютное большинство преступлений в сфере компьютерной информации – латентные. Среди специалистов бытует устоявшееся мнение относительно таких преступлений, что девять из десяти подобных противоправных деяний не отражаются в официальной статистике [13].

В Северной Америке и во многих странах европейского континента уже отработана технология поиска киберпреступников. Расходы на розыск каждого из них в среднем составляют немногим более 300 долл. США (<http://itua.info/software/28662.html>). Борьба с киберпреступностью российскими правоохранительными органами оставляет желать лучшего. Если выразиться более категорично, то пока ей особенно некому противостоять. Только 4,5 % следователей обладают более или менее удовлетворительными знаниями по специальности «Информатика и вычислительная техника». Около 72 % из них оценивают свой уровень владения персональным компьютером «как у среднего пользователя» [14].

Эффективную борьбу с киберпреступлениями в России осуществляет несколько агентств, специализирующихся на инициативном расследовании высокотехнологичных преступлений. Они действуют не только в силу собственной заинтересованности в извлечении прибыли, но и по причине наличия у них больших возможностей, знаний и технологического потенциала. Компания «Group-IB», например, за полтора десятилетия своего существования расследовала около тысячи высокотехнологичных преступлений, немалая часть которых являлись особо сложными [15]. Агентство финансовой и правовой безопасности также на этом поприще достигло определенных успехов в основном за счет использования в работе своих сотрудников как новейших информационных технологий, так и аккаунтов в социальных сетях [16].

Согласно данным, полученным компанией «Juniper Research», при сохранении текущего уровня кибератак в ближайшие годы общие убытки мировой экономики от их осуществления в 2019 г. составят 2,1 трлн долларов США [17]. Что касается России, то ущерб от имевших место на ее территории кибератак в 2015 г., например, составил сумму, равную половине затрат российского бюджета на здравоохранение (приблизительно 1 трлн 423 млрд рублей!) [18].

В современных условиях в легальный экономический оборот активно поступают нетрадиционные виды имущества (в том числе интернет-сайты, электронные деньги, технологии мобильной связи, интернет-имущество и т. п.) [19]. Поскольку они обладают способностью приносить высокие доходы, на них соответствующим образом реагирует криминальная среда. В результате появляются новые виды преступных посягательств, предполагающие использование современных информационных технологий на условиях внезапности и анонимности [20]. Практически все названные противоправные деяния значительно опаснее иных преступлений, совершаемых вне киберпространства, поскольку обладают способностью причинять ущерб всем охраняемым законом интересам, диапазон которых варьируется от частных неимущественных интересов отдельных граждан до интересов безопасности государства.

Борьба с киберпреступностью является проблемой международного масштаба, поскольку меры по предотвращению, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых с использованием современных информационных технологий, не могут быть результативными лишь на национальном уровне в силу транснационального и трансграничного характера самой сети Интернет. Более того, непрекращающееся увеличение численности ее пользователей закономерно порождает их зависимость от информационного сообщества и уязвимость от разного рода киберпосягательств. Одновременно растет вероятность стать очередной жертвой киберпреступности [21]. Именно поэтому одним из принципов Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203, провозглашено обеспечение государственной защиты интересов российских граждан в информационной сфере.

Изменения, произошедшие в обществе, его экономических, социальных, правовых отношениях, требуют поиска решений создавшихся кризисных явлений, коснувшихся многих юридических наук, в том числе криминалистики. Стремительное использование в противоправных целях новейших достижений науки и техники, изобретение преступниками новых способов подготовки, совершения и сокрытия преступлений заставляют криминалистов искать адекватные меры реагирования. В связи с этим очевидна потребность перехода криминалистической науки к такому этапу ее развития, где по-новому должны быть пересмотрены подходы как к теоретическим ее основам, так и к практическому применению полученных результатов.

Библиографический список

1. Антонян Ю. М., Колышницына Е. Н. Мотивация поведения осужденных : монография. М., 2009. 144 с.
2. Шурухнов Н. Г. Информационные технологии : современное состояние и отдельные данные их использования в совершении преступлений лицами, отбывающими наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Международный пенитенциарный журнал. 2015. № 2. С. 96–99.
3. Шурухнов Н. Г. Личность пенитенциарного преступника // Социологические исследования. 1993. № 3. С. 74–83.
4. Жарко Н. В., Новикова Л. В. Субъективные и объективные факторы как особенности расследования пенитенциарных преступлений // Евразийский юридический журнал. 2016. № 8(99). С. 219–221.

5. Шиханов В. А. Особенности правового регулирования оборота средств мобильной сотовой связи в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2016. № 2(93). С. 96–101.
6. Егорова Т. И. Противодействие незаконному обороту наркотиков в местах лишения свободы // Наркоконтроль. 2017. № 1. С. 33–35.
7. Морозов Р. М. Факторы, влияющие на производство расследования уголовных дел о незаконном обороте наркотических средств в исправительных учреждениях // Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения (к 10-летию принятия Европейских пенитенциарных правил) : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Вологда, 2017. С. 109–113.
8. Филиппов М. Н. Методика расследования краж и мошенничеств, совершенных с использованием банковских карт и их реквизитов // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2015. № 5(156). С. 26–30.
9. Беляков А. В. Использование средств массовой информации при подготовке к дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества // Юрист Поволжья. 2008. № 3–4.
10. Тищенко Ю. Ю., Масленников Е. Е. Оперативно-розыскные аспекты пресечения групповых неповиновений осужденных // Групповые неповиновения и массовые беспорядки в учреждениях УИС : материалы круглого стола / под общ. ред. С. В. Гарника. М. : НИИ ФСИН России, 2018. С. 39–394.
11. Фомин Ю. С. Особенности получения информации из систем мобильной связи при расследовании преступлений, совершенных в исправительных учреждениях // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 3. С. 65–67.
12. Михайлова Б. П., Хазова Е. Н. Особенности противодействия киберпреступности подразделениями уголовного розыска // Состояние преступности в России (за январь–декабрь 2010 г., 2011 г., 2012 г., 2013 г., 2014 г.). М. : ГИАЦ МВД России. URL : www.mvd.ru (дата обращения: 28.09.2019).
13. Тарасов А. М. Электронное правительство и информационная безопасность. СПб., 2011. 647 с.
14. Шевченко Е. С. Актуальные проблемы расследования киберпреступлений // Эксперт-криминалист. 2015. № 3. С. 29–30.
15. Сачков И. Технологии позволяют бороться с киберпреступностью – этот бизнес становится неэффективным // Sk.ru. URL : http://sk.ru/news/b/press/archive/2017/12/20/ilyasachkov-tehnologii-pozvolayut-borotsya-s-kiberprestupnostyu-_1320_-etot-biznes-stanovitsya-neeffectivnym.aspx (дата обращения: 28.09.2019).
16. Как современные Шерлоки Холмсы находят интернет-мошенников // Статус. 2012. № 8.1(19). С. 7.
17. Общемировые убытки от киберпреступности составят \$ 2,1 трлн до 2019 года. URL : <http://www.securitylab.ru/news/472924.php> (дата обращения: 28.09.2019).
18. Трунцевский Ю. В. Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации и прогнозы ее развития // Российская юстиция. 2016. № 8. С. 29–31.
19. Некрасов В. Н. Актуальные вопросы уголовно-правовой охраны информационной деятельности в России // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 7. С. 108–114.
20. Рассолов И. М. Киберпреступность: понятие, основные черты, формы проявления // Юридический мир. 2008. № 2. С. 44–46.
21. Русскевич Е. А. Уголовное право и информатизация // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 73–80.

УДК 378.6:343.8

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.460-464

ЮРИЙ АРСЕНОВИЧ РЕЕНТ,

доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации,
профессор кафедры философии и истории,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: reent2@yandex.ru

ПРЕДЫСТОРИЯ СОЗДАНИЯ УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ (К 85-ЛЕТИЮ АКАДЕМИИ ФСИН РОССИИ)

Для цитирования

Реент, Ю. А. Предыстория создания учебного заведения (к 85-летию Академии ФСИН России) / Ю. А. Реент // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 4. – С. 460–464. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.460-464.

Аннотация. Статья содержит материалы, раскрывающие историю создания первых милиционных курсов на территории Рязанской губернии, которые специализировались на подготовке кадров начальствующего состава для правоохранительных учреждений в период после завершения Гражданской войны. Дается оценка основных проблем при их учреждении и функционировании. На основании полученных сведений из архивных источников автором вносится предложение организовать дискуссию о возможности пересмотра даты, принятой в качестве дня образования современной Академии ФСИН России.

Ключевые слова: Академия ФСИН России, губернские курсы милиции, подготовка кадров для правоохранительных органов, Рязанские курсы по подготовке командного состава рабоче-крестьянской милиции.

На первый взгляд проблема, вынесенная в заголовок статьи, не имеет прямого отношения к пенитенциарной системе, но это лишь поверхностная оценка. Известно, что многие уголовно-исполнительные учреждения, особенно учебные заведения, берут свои истоки из милицейских структур. Об одной из таких организаций здесь пойдет речь. Этот год является юбилейным для Академии ФСИН России. 85 лет назад начался ее исторический путь, полный трудностей, многочисленных преобразований и знаменательных свершений. Дата формирования учебного заведения общеизвестна и принята общественностью. Однако не все так однозначно в данном вопросе. Понять наши сомнения поможет небольшой экскурс в историю.

Представляется важным подчеркнуть, что в первые годы советской власти специализированных учебных заведений для подготовки тюремных служащих не только

© Реент Ю. А., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

не существовало, но и разговоров об их необходимости, по большому счету, не возникало. Другое дело – подготовка кадров для милиции. В них видели универсальных «солдат правопорядка». Именно поэтому 10 сентября 1919 г. в Москве были открыты Всероссийская школа инструкторов милиции и Всероссийские курсы уголовного розыска (Циркуляр НКВД РСФСР, Главного управления СРКМ, Отдела железных дорог от 15 августа 1919 г. № 6281). Предлагалось «обязательно откомандировать от каждой губернии по восьми человек». Для Москвы, Петрограда и Киева квота обучаемых составляла по десять человек [1, Ф. Р-2114. Оп. 1, Д. 18, Л. 1]. В Петрограде в структуре Рабоче-крестьянского университета открылся факультет советской милиции. Любопытно, что из 982 его первых выпускников было 799 женщин [2, с. 103]. На практике же в основном требовались мужчины, грамотные профессионалы, крепкие физически. Предполагалось, что главной задачей ведомственных курсов и школы станет подготовка опытных руководителей для всех основных служб республиканского Наркомата внутренних дел. Помимо того, милиция оценивалась как боевой резерв армии. Однако первые попытки создания ведомственного учебного заведения признают не вполне удачными.

Вскоре стало очевидно, что для такой огромной страны, как Россия, иметь всего лишь пару школ подготовки востребованных специалистов недостаточно, кроме того, и экономически нецелесообразно. Трудно представить, каких затрат для и без того обескровленного бюджета могло стоить командирование массы кандидатов на обучение из Сибири, Дальнего Востока и т. д. В связи с этим был взят курс на создание сети региональных специализированных учебных заведений. Для Рязанской губернии таким этапным событием стало 16 августа 1920 г., когда приступили к работе 1-е губернские курсы милиции. Судя по всему, курсанты прибыли к месту учебы заранее. Так, первые ведомости о назначении наряда на службу отнесены на 13 июля 1920 г. Днем ранее состоялось организационное собрание курсантов. Учебные помещения располагались на Владимирской улице, а столовая – на 1-й Астраханской улице [1, Ф. Р-2114. Оп. 1. Д. 145. Л. 41].

Первая найденная документация о постановке на довольствие датирована 9 августа. На тот день в соответствующих дневниках (табелях) числился 81 человек. Из них: болен – 1, в самовольной отлучке – 7, дежурных по кухне – 1, в губернском угрозыске – 2 [1, Ф. Р-2114. Оп. 1. Д. 145. Л. 14]. Чуть позже, 22 августа 1920 г., общее число лиц, состоявших на довольствии, не изменилось, но уточнялось, что курсантов из них – 75. Кроме того, на продовольственном довольствии состояли 5 лекторов (преподавателей) и 4 служащих [1, Ф. Р-2114. Оп. 1. Д. 145. Л. 27]. Тем не менее заведующий курсами регулярно просил снабжать продуктами из расчета 100 человек. Так, в заявке от 14 июля 1920 г. № 89 он уточнял, что необходимо выделить: муки – 14 пудов 2 фунта, 48 золотников, пшена – 3 пуда 20 фунтов, 70 золотников, картошки – 37 пудов 20 фунтов [1, Ф. Р-2114. Оп. 1. Д. 145. Л. 59].

Часто служебные документы от лица начальника первых Рязанских милиционных курсов подписаны Мещеряковым. На самом же деле в июле его должность именовалась командир роты. Реально заведующим курсами был Александров. Однако 4 августа 1920 г. ему приказали «выбыть в Киргизскую Республику для организации Уголовного розыска» [1, Ф. Р-2114, Оп. 1, Д. 145, Л. 111]. Заведывание курсами было передано помощнику губернского инспектора милиции Гришину, но вскоре эту должность принял Тягунков, работавший ранее начальником Рязанского уездно-городского отделения милиции. Судя по всему, названные должности были временными, поскольку после первого выпуска курсы некоторое время не возобновляли свою работу.

В материалах Отдела управления Рязанского губисполкома хранится письмо, где отмечается: «На основании приказа по милиции Республики от 17 апреля с. г. (1921 г.) за № 69 при губмилиции должны быть открыты курсы командного состава, но ввиду отсутствия в настоящее время продовольствия, открытие таких курсов предположительно с августа...» [1, Ф. Р-2114. Оп. 1. Д. 193. Л. 1]. Новый учебный период начался только 1 сентября 1921 г. Это были уже вторые Краткосрочные курсы подготовки командного состава советской рабоче-крестьянской милиции. Рязанский губернский отдел управления заблаговременно подготовил соответствующее Положение о курсах, в котором определялись их задачи, сроки обучения – три месяца, количество слушателей – 150 человек.

Первоначально планировалось приступить к работе 1 мая того же года, но перед организаторами встал ряд непредвиденных проблем, в первую очередь отсутствие подходящих помещений. Не менее сложными оказались вопросы, связанные с обеспечением вещевого имущества и особенно продовольственного снабжения в условиях голода, охватившего почти весь регион. Задержка начала обучения составила ровно 4 месяца, но и сам учебный курс не уложился в отведенные 90 дней. Отчитываясь перед Главным управлением советской рабоче-крестьянской милиции, начальник Рязанских курсов подготовки командного состава СРКМ Цветков в телеграмме от 14 декабря 1921 г. № 677 отметил, что «срок выпуска слушателей задержан благодаря обширной программе и слабой (общеобразовательной) подготовке курсантов» [1, Ф. Р-2114. Оп. 1. Д. 193. Л. 443]. Открытым оставался и вопрос о местах распределения выпускников.

Следует отметить, что штаты Милицейских курсов подготовки командного состава при Управлении Рязгубмилиции были определены приказом от 12 октября 1921 г. № 314, но введены в действие только 1 ноября 1921 г. приказом по курсам от 3 ноября 1921 г. № 63, то есть многие распоряжения делались задним числом. Переменный состав делился на общее и специальное отделение. Административный аппарат состоял из начальника курсов – Цветкова, комиссара – Локтюхина, двух помощников начальника, четырех инструкторов, каптенармуса, переписчика-машиниста, повара и кочегара. К. Н. Цветков в должности начальника курсов работал с 16 июня 1921 г. по 12 июля 1922 г. До направления в Рязань он служил в должности начальника Грозненских советских пехотных курсов подготовки командного состава рабоче-крестьянской Красной армии. В июле 1922 г. назначен на должность начальника Рязанской городской милиции [1, Ф. Р-2114. Оп. 2. Д. 553. Л. 2, 4].

Представляют интерес преподаваемые дисциплины, лекторский состав и количество лекционных часов (в скобках). Так, согласно приказу по курсам от 5 октября 1921 г. № 3 в сентябре были проведены занятия:

- политэкономия – В. Осипов (13 часов), Бережков (11), П. Пронин (13);
- политграмота – И. Голицын (25), С. Никитин (34);
- уставы – С. Вишневецкий (16), П. Казанский (34), М. Нечаев (31), В. Чупраков (10), К. Цветков (6);
- законоведение – П. Кольцов (8), Г. Памелов (16);
- арифметика – Б. Лебедев (21), Н. Фиалковский (24);
- русский язык – Т. Мироллюбов (21), А. Растов (17), О. Смирнова (50);
- география – В. Елагин (25), С. Рюмин (19);
- судопроизводство и Конституция – Б. Смирнов (36);
- гимнастика – Н. Иванов (52) [1, Ф. Р-2114. Оп. 1. Д. 172. Л. 7–7об.].

В ходе учебного процесса приказом от 26 сентября 1921 г. № 35 численность курсов была сокращена на 30 человек, но одновременно зачислены и поставлены на фуражное довольствие 10 лошадей [1, Ф. Р-2114. Оп. 1. Д. 172. Л. 17–17 об.].

В 1922 г. учебно-боевая подготовка началась своевременно. В мае – июле обучалось 49 человек. Из них 1 был откомандирован в свое отделение милиции, а 5 курсантов числились в бегах. 22 августа 1922 г. начальником курсов был назначен фронтовик, выпускник Казанского военного училища, служивший в годы Гражданской войны командиром бригады Красной армии, Николай Николаевич Лупов [1, Ф. Р-2114. Оп. 2. Д. 377. Л. 1–2]. Однако в августе – октябре удалось набрать только 44 учащихся. У половины из них посещаемость занятий была ниже 10 % [1, Ф. Р-2114. Оп. 1. Д. 322. Л. 18, 17]. Пришлось произвести досрочный выпуск и расформировать школу. Основной причиной послужило отсутствие денежных средств. Руководство рязанской милиции предложило создать особые малобюджетные пропускные курсы резерва на условии смешанного (на долевого участия с центром) финансирования. 16 февраля 1923 г. их штат утвердили. К обучению допускался 61 человек, но в последний момент резерв распался [1, Ф. Р-2114. Оп. 1. Д. 322. Л. 20].

6 марта 1924 г. Главное управление милиции дает согласие на открытие в г. Рязани Резервной школы подготовки младшего командного состава (на основе четырехмесячной курсовой подготовки). Начальником школы назначается С. Д. Герасимов. 6 декабря 1924 г. начались первые занятия. Обучаемых было немного – 42 человека [3, с. 21]. Впоследствии было предпринято еще несколько попыток создания учебных курсов как для первоначальной подготовки сотрудников милиции, так и для обучения младших командиров. Однако все они по времени деятельности носили дискретный характер. Реальная же обстановка требовала стабильности и в этом вопросе. В конечном итоге соответствующие меры были приняты, но заметно позже.

Согласно приказу УНКВД по Московской области от 10 сентября 1934 г. № 345 с 1 ноября 1934 г. начали действовать Рязанские курсы по переподготовке среднего начсостава милиции. Предполагалось силами 31 преподавателя и административно-технического работника в течение 3,5 месяца готовить по 150 курсантов (3 выпуска в год) [4, с. 8]. Постоянный состав был набран из местных специалистов. Курсы возглавил старший инспектор командно-строевого отдела управления РКМ Московской области Н. В. Верейн [3, с. 8]. Много позже постановлением ученого совета Рязанской высшей школы МВД РФ от 31 января 1994 г. это событие, произошедшее 1 ноября 1934 г., было установлено днем образования учреждения.

Таким образом, проанализировав изложенную информацию, в качестве дискуссионного можно поставить вопрос о том, когда же в действительности впервые было создано учебное заведение, ставшее исходным для современной Академии ФСИН России. Если брать за основу непрерывность работы и месторасположение, то, безусловно, речь может идти только о ноябре 1934 г. Но если допустить прерывистость в его жизнедеятельности и размещение в разных зданиях г. Рязани, то наиболее обоснованный вариант для «точки отсчета» – 16 августа 1920 г. В таком случае 2020 г. может стать не только 50-летним юбилеем деятельности учреждения в качестве вуза, но и 100-летием его существования.

Для справки: Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина и Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище имени генерала армии В. Ф. Маргелова, отмечавшие недавно свое 100-летие, пошли именно таким путем.

Библиографический список

1. Государственный архив Рязанской области.
2. Степанов М. М. Особенности милицейского образования в России в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.). URL : <https://cyberleninka.ru/article/v/militseyskogo-obrazovaniya-v-rossii-v-gody-grazhdanskoj-voyny-1918-1920-gg> (дата обращения: 01.08.2019).
3. Реент Ю. А. Зарождение системы подготовки кадров для правоохранительных учреждений на земле Рязанской // Академия ФСИН России: история и современность / под общ. ред. А. А. Крымова. Рязань : Академия ФСИН России, 2014. С. 19–28.
4. Исторический формуляр Академии ФСИН России. Рязань : Академия ФСИН России, 2014. 220 с.

УДК 343.82

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.465-480

НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ШУРУХНОВ,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник НИЦ-3, НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация;
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
ORCID 0000-0003-1132-760X,
e-mail: matros49@mail.ru

ИНСТРУКЦИЯ СМОТРИТЕЛЮ ГУБЕРНСКОГО ТЮРЕМНОГО ЗАМКА 1831 года: ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ, СУЩНОСТЬ, АКТУАЛЬНОСТЬ

Для цитирования

Шурухнов, Н. Г. Инструкция смотрителю губернского тюремного замка 1831 года: основное содержание, сущность, актуальность / Н. Г. Шурухнов // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 4. – С. 465–480. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.465-480.

Аннотация. Предметом исследования статьи является Инструкция смотрителю губернского тюремного замка 1831 года, подготовленная членами Совета Министерства внутренних дел России с учетом замечаний Санкт-Петербургского комитета Общества попечительного о тюрьмах. Данный документ предназначался для рассылки всем губернаторам царской России. Проведенное сравнительно-правовое исследование исторических документов показало, что анализируемая Инструкция представляет собой выжимку из Свода учреждений и уставов о содержащихся под стражей. Свод состоял из 1130 статей и комплекса приложений. Примечательно, что отдельные положения, например статьи 1, датировались законодательными актами 1767 (июль), 1772 (март) годов. Анализ всех 12 глав, разделов и 260 статей указанной Инструкции позволяет сделать вывод о том, что она представляет собой комплексный регламент (сочетание регламентов) деятельности тюремного замка и его должностных лиц, а также устанавливает правовой статус различных категорий арестантов. В статье последовательно представлены положения, регламентирующие порядок приема людей в тюремный замок, их размещение, особенности содержания в зависимости от тяжести совершенных преступлений, пола, возраста, положения в обществе. Раскрывается содержание правил обращения с имуществом, предметами, ценными бумагами, различными актами арестованных. Отмечается, что контора замка, принимая от арестантов

© Шурухнов Н. Г., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

документы, изучала их с целью выяснения, нет ли реализуемых во время содержания арестанта под стражей правоотношений. Значительное место отведено рассмотрению санитарно-гигиенических требований, предъявляемых к арестантам, помещениям непосредственного проживания, постельным принадлежностям, территории тюремного замка, а также отправлению религиозных обрядов. При рассмотрении положений, регламентирующих свидания с заключенными под стражу, дается авторская классификация: и посетители, и арестанты объединены в несколько групп. Выделена самостоятельная категория лиц – заключенные за долги, которые имели льготы на свидания и получение съестных припасов от родственников и других посещавших. Представлен анализ правового статуса смотрителя тюремного замка. Из проведенного исследования содержания дела делается вывод о том, что смотритель являлся единоначальником (полным хозяином тюремного замка), блюстителем внутреннего порядка, за который отвечал перед своим начальством – губернатором, губернским прокурором, полицеймейстером. Он был обязан обеспечить соблюдение чистоты, порядка, опрятности, тишины и благочиния, предупреждение побегов.

Ключевые слова: инструкция, губернский тюремный замок, арестанты, смотритель, посетители, присутственные места, контора, больница, церковь, священник.

188 лет назад (22 (9) апреля 1831 г.) членами Совета Министерства внутренних дел России была составлена и после устранения замечаний Санкт-Петербургского комитета Общества попечительного о тюрьмах в виде проекта была разослана по всем губернаторам Инструкция смотрителю губернского тюремного замка. Названный документ представляет несомненный интерес для специалистов уголовно-исполнительной системы (УИС) России, российской общественности, профильных правозащитников, преподавателей и обучающихся в образовательных организациях ФСИН России. Однако его «день рождения» остался без внимания, за исключением отдельных частных публикаций на страницах периодической печати. Печально, что учебные планы не позволяют уделить этому должное внимание. В погоне за «отовариванием» государственных образовательных стандартов не имеем возможности передать обучаемым комплекс интересных знаний, которые позволили бы сопоставить то, что было вчера, и то, что есть сегодня. Вооруженность сведениями о вчерашнем дне УИС России позволила бы давать конкретные ответы на вопросы наших подопечных, вести предметные дискуссии с западными коллегами по пенитенциарной деятельности.

Инструкция включала в себя 12 глав, некоторые из которых подразделялись на разделы, и 260 статей.

Открывала Инструкцию гл. I «Порядокъ при приемъ людей въ тюремный замокъ», в которой было 12 статей (1–12) и 1 примечание. Из содержания следует, что прием арестантов в тюремный замок производился «во всякое время», как днем, так и ночью. При этом воскресные, праздничные и торжественные дни не являлись исключением. Арестант следовал от присутственного места и начальствующей особы в контору замка, где представлялся сопровождавшим его караулом, при «письменных видах», с указанием рода преступления, для того чтобы можно было определить, в каком разряде он должен содержаться.

В конторе тюремного замка его принимал смотритель замка, который записывал «въ шнуровую книгу» дату поступления, имя и «прозвание арестанта», его приметы, от кого

поступил и по какому преступлению, какие имел собственные вещи (деньги просчитывались и хранились в конторе). Смотритель «при пристойномъ числѣ караульныхъ» проводил обыск с целью обнаружения каких-либо орудий (ножа, бритвы), если таковые имелись, то они изымались и хранились в кладовой замка.

Для того чтобы засвидетельствовать, что арестант принят в тюремный замок, смотритель расписывался в разносной книге и выдавал сопровождавшему конвоиру расписку за своей подписью. Доставленные освидетельствовались врачом. Здоровые передевались в арестантскую одежду тюремного замка и отводились в камеру по роду преступления. Больной арестант, «въ особенности подвергшійся заразительнымъ сыпьямъ», немедленно отводился в больницу и, в зависимости от пола, сдавался больничному надзирателю или надзирательнице. Там им выдавались платье и белье, предназначенные для больных.

Глава II «Об имуществѣ арестантовъ, принятыхъ въ тюремный замокъ» включала в себя 19 статей (13–31). Особое внимание в них уделялось обнаружению, изъятию у поступающих в замок лиц денег, билетов «Кредитныхъ Установлений», различных денежных и характеризующих себя актов, каких-либо вещей (часы, табакерки золотые или серебряные, перстни, кольца, печатки, булавки). Все это записывалось в особую книгу, с указанием даты, времени и номера, за которым сам арестант числился в приемной книге. Под записью, при наличии грамотности, арестант ставил свою подпись. Принятое от арестанта размещалось в пакете или особом мешочке и опечатывалось печатью конторы, с надписью на ярлыке, где указывались состояние, фамилия арестанта и номер, под которым он записан в приемной книге. Пакет или мешочек размещались в особом сундуке либо шкафу и находились на ответственном хранении конторы до освобождения арестанта.

Следует специально сказать о том, что контора, принимая от арестанта документы, изучала их на предмет, нет ли таких, по которым может осуществляться производство во время содержания арестанта в тюремном замке. Если такое обнаруживалось, то смотритель делал представление губернскому прокурору для «учиненія сношенія, какія обстоятельства дѣла предложить могутъ» (ст. 16).

Отобранные платья, белье, обувь записывались в книгу, проветривались и, если требовалось, промывались и помещались в мешок, опечатываемый печатью конторы, снабженный ярлыком с такими же надписями, что и на документах. Арестант, выпущенный на свободу, получал в конторе замка взятые у него деньги, вещи и расписывался в их приеме, если же был неграмотен, то соответствующую отметку делал смотритель.

Если арестант вызывался присутственным местом и там освобождался, после чего в течение месяца не являлся в контору для получения оставшихся в замке вещей, то они обращались в пользу замка. В тех случаях, когда арестант направлялся в другое место без посредства конторы замка, смотритель имел право поступить с имуществом в соответствии с требованием места, переславшего арестанта.

При направлении арестанта в суд или для содержания под стражей в другом городе его вещи упаковывались по описи, которая подписывалась смотрителем и арестантом (если он грамотен), после чего передавались препровождающему арестанта. Если для исполнения приговора преступник отсылался из тюремного замка, то с его вещами поступали также, но при этом они передавались полицеймейстеру для принятия соответствующего решения. Арестантская одежда не могла передаваться другим и подлежала возврату в тюремный замок.

Все числящееся за арестантом по его просьбе могло передаваться тому, кого он укажет. При этом смотритель докладывал губернскому прокурору и с его позволения сообщал адресату с указанием даты и времени явки в контору. Передача имущества, денежных средств осуществлялась под роспись обоих в той самой книге, в которой они были записаны. При безграмотности обоих для росписи призывался священник.

Представляет интерес ст. 29 анализируемой главы, в которой содержалась попытка исключения коррупционной составляющей. Редакционно она была сформулирована следующим образом: «Ни деньги и никакія вещи не могут быть приняты отъ содержимаго въ пользу замка въ видъ приношеній, доколь содержатся въ замкъ. Онъ тѣмъ менѣе могутъ быть приняты отъ него служащими въ замкъ». Таким образом, данная норма исключала участие в такой благотворительности самого смотрителя тюремного замка. Если смотритель находил у арестанта деньги, то в первый раз одну четверть суммы отделял для арестантской кружки, во второй раз – половину, в третий раз вся сумма шла в арестантскую кружку.

В случае если арестованный умирал в тюремном замке и после себя оставлял за вещание, оно представлялось губернскому прокурору, который направлял его адресату. Об оставшихся после умершего деньгах, вещах, платье и прочем смотритель также докладывал губернскому прокурору «для поступленія съ оными какъ слѣдуетъ» (ст. 31).

Глава III «О содержаніи арестантовъ въ тюремномъ замкъ» включала в себя два раздела: «I. О размещеніи» и «II. О содержаніи» и 13 статей (32–44). Проведя сравнительно-правовое исследование, делаем вывод о том, что обозначенные вопросы были злободневны в тот далекий период, равно как и в настоящее время.

В Инструкции уже в то время содержались положения, предусматривающие дифференцированное размещение и содержание арестантов, и тюремная практика следовала этим предписаниям. В частности, ст. 32 устанавливалось требование со ссылкой, «на сколько возможность позволить», о размещении принятых в тюремный замок «по роду и важности ихъ преступленій, не смѣшивая чиновниковъ и разночинцевъ съ чернью». Арестанты женского пола не должны были содержаться в одних камерах с мужчинами (ст. 33). Несовершеннолетних следовало помещать в особые камеры, также разделяя по половой принадлежности. «Присужденных (курсив наш. – Н. Г.) к какому-либо наказанію арестантовъ тотчас отдѣлять отъ судящихся еще, и ихъ ни въ какую работу не посылать, коль скоро присутственныя мѣста извѣстятъ тюремный замокъ о присужденіи ихъ» (ст. 35). Автономно содержались и больные: правила требовали прибывших в замок больных передавать врачу для помещения в больницу.

Определенный интерес представляет ст. 37, где говорилось, что «заплечные мастера не должны иметь жительство вмѣстѣ съ заключенными, но содержаться особо». Речь шла о палачах, которые в России назывались «заплечными мастерами», «катами», которые жили при тюрьмах в отдельных от арестантов помещениях.

Инструкцией устанавливался запрет на размещение внутри арестантских камер часовых, но при этом предписывалось иметь в дверях, коридорах и других местах, где окажется удобным, специально обустроенные окна: со стеклами, решетками, через которые часовые могли бы видеть арестантов и тем самым предупреждать возникающие между ними эксцессы и подготовку к побегу.

В тюремном замке арестанты получали единообразную одежду, пищу и все необходимое (потребное) для них. Этим устанавливался единый подход к заключенным, равенство между ними, «допускается разность только по состоянію пола и причинамъ, по коимъ содержатся арестанты» (ст. 40).

Заклученным запрещалось иметь в камерах чернила, бумагу, карандаши и другие письменные принадлежности. Отправление и получение писем осуществлялось под «личную ответственностью смотрителя» (ст. 41). В тех случаях, когда арестант высказывал желание написать письмо, об этом докладывалось по инстанциям: смотрителю, а он, в свою очередь, испрашивал разрешения у губернского прокурора. При положительном решении написанное письмо передавалось в контору и вручалось губернскому прокурору для направления адресату.

Если кто-то из арестантов высказывал надобность, просьбу, жалобу или желание быть вызванным в суд для объяснения либо предоставления доказательств по делу, то смотритель обязан был его выслушать, записать такое желание и при утреннем рапорте или во время посещения замка прокурором доложить ему. Прокурор изучал полученную информацию и, если приходил к выводу о том, что она заслуживает внимания, докладывал в соответствующую инстанцию.

Глава IV «О благочинии и опрятности» также включала в себя два раздела: «I. О благочинии» и «II. О опрятности» и 21 статью (45–65). В главе содержался комплекс разнообразных запретов, распространявшихся на арестантов. В частности, во всех без исключения случаях устанавливался запрет на игры в карты, шашки, кости; курение трубок; игры на любых инструментах; «вообще запрещаются всякого рода ръзости» (ст. 48), а равно исключалось произношение проклятий и божбы, укоры друг друга. В среде заключенных своеволие, ссоры, брань, соблазнительные песни, хохот и тому подобное поведение также считалось недопустимым.

Если содержащиеся в силу невежества или по каким-либо злым намерениям проявляли наглость, непослушание или буйство в отношении караульного офицера, то в целях удержания от дальнейших неправомерных поступков их немедленно помещали в особое место, где выдавалась минимальная пища. Об описанном случае нужно было доложить прокурору.

В анализируемой Инструкции в разных главах прописывались взаимоотношения смотрителя и арестантов, при этом в первую очередь делался акцент на поведении самого смотрителя. Это относится и к положениям рассматриваемой главы. В ней давалась установка, чтобы смотритель замка обращался с заключенными кротко и человеколюбиво, внушал им сам и через своих подчиненных смирение и послушание.

Обратим внимание на то, что санитарно-гигиенические требования прописывались Инструкцией особо подробно. Их соблюдение было обязанностью и администрации места изоляции, и арестованных. Они должны были содержать себя в опрятности, для чего один раз в неделю бриться, посещать баню («в бане по приемъ при первой топкъ оной, соблюдая раздельность в зависимости от пола») (ст. 54). Бороды, кому это было положено, брил специально назначенный цирюльник (не разрешалось давать в руки арестантам бритв). Волосы, по обыкновению, нужно было стричь пристойно, не допуская длинных.

Арестантское платье, белье, постельные принадлежности и прочее следовало менять в установленные сроки: одеяла и наволочки – через два месяца; онучи – один раз в месяц; простыни и верхние наволочки – два раза в месяц; рубашки, чулки и прочее белье – один раз в неделю; подстилку на новую – через четыре месяца; летнее платье, войлоки, на которых спали, менять на новые по надобности.

Акцентировалось внимание на регулярном осмотре войлоков. Чтобы в них «не заводилась нечистота» (насекомые), необходимо было выносить на воздух для проверки. Рекомендовалось ежедневно утром и вечером в зимнее время открывать

форточки, а летом – окна на такой промежуток времени, чтобы осуществить полное проветривание камеры.

Уборка камер и коридоров осуществлялась ежедневно по утрам. Окна вытирались два раза в неделю, а если возникала надобность, то и чаще. Еженедельно предусматривалась влажная уборка полов в камерах и коридорах, лестниц, а также нар, выкрашенных масляной краской. Стены выбеливались не менее одного раза в год. Двор регулярно выметался, мусор складировался в специально отведенном для этого месте. Следует отметить, что все перечисленные работы выполняли сами арестанты.

Посуду, используемую в тюремном замке, требовалось содержать в чистоте, при этом медная должна была быть всегда начищенной (вылужена). Необходимые места следовало убирать два раза в месяц, а если возникала надобность, то и чаще. В окнах камер запрещалось развешивать тряпки, платки, рубашки, так как для этого имелось специальное сушильное помещение. Статья 65 предписывала: «Опрятность в комнатах, свежесть воздуха и вообще чистота в тюремном замке должны быть наблюдаемы со всею строгостью».

Краткое изучение отдельных положений, составляющих Инструкцию смотрителю тюремного замка, позволяет сделать вывод о том, что ее разработчики значительное внимание уделяли условиям пребывания, запретам, которые должны были соблюдать арестанты в целях обеспечения безопасности и санитарно-гигиенических требований. Ими особо выделялись отношения смотрителя и арестантов, формирование и поддержание нормального морально-психологического климата в среде заключенных.

Глава V «Об упражнении содержимыхъ въ тюремном замкѣ» – одна из самых больших по объему, она содержала 44 статьи (66–109) и одно примечание. Применительно к сегодняшним подходам можно говорить о том, что в ней были сосредоточены правила внутреннего распорядка арестантов. Она включала в себя определение времени утреннего подъема содержащихся в замке: летом – в пять, зимой – в шесть часов.

Караульный офицер вместе со смотрителем осуществляли утренний обход камер, ключи от которых хранились у смотрителя или его помощника, и производили перекличку. Все ночные происшествия смотритель подробно фиксировал в особой книге и утром рапортом докладывал полицеймейстеру.

В целях исключения побегов смотритель и его помощник в течение ночи несколько раз осматривали те «нумера», в которых содержались опасные арестанты. При обнаружении покушения на побег смотритель извещал караульного офицера, после чего вместе с ним и караулом предпринимал необходимые меры. Если был совершен побег, то смотритель докладывал полицеймейстеру, или городничему, или прокурору, а караульный офицер – коменданту.

Вслед за подъемом следовали санитарно-гигиенические процедуры: умывание, причёсывание волос и бороды, одевание, опрятное складывание постели. Пребывающие в тюремном замке «люди простаго званія» производили уборку (выметание) камер, открывали для проветривания форточки и окна.

Инструкцией было установлено, что вслед за уборкой камер арестантам читалась утренняя молитва (ее составляло собрание молитв, известных как «Молитвы утренние»). Это осуществлялось заключенными из числа грамотных и умеющих внятно читать. Если такового в конкретной камере не оказывалось, то приглашался умеющий читать из другой камеры (по окончании молитвы он возвращался на место своего прежнего пребывания).

Во время молитвы все стояли смирно, не разговаривали, ни под каким предлогом не разрешалось лежать на постели. За этим строго следили приставники, они присут-

ствовали в каждой камере по очереди и наблюдали за благочинием. Перед обедом, ужином и после них также читалась молитва.

Накануне воскресных, праздничных и торжественных дней все собирались в церкви замка в 5 (17), а летом в 6 (18) часов – для слушания вечерни и потом заутрени (церковь тюремного замка, по возможности, должна была иметь специально обустроенные (особые) места для важных (опасных) преступников). Арестанты, оставленные в камерах до обедни, по указанию священника читали «приличные мѣста изъ Священнаго Писанія и другихъ церковныхъ книгъ» (ст. 95).

Обедня в праздничные и торжественные дни начиналась в 9 часов, к этому времени все собирались в церкви. После обедни в праздничные и торжественные дни священник всякий раз обращался с приличным поучением из собрания изданных проповедей или из «собственного сочинения».

В соответствии с Инструкцией во времена Великого поста все содержащиеся в тюремном замке говели (говеть – у верующих: поститься и ходить в церковь во время поста, а также в сроки, установленные церковью, перед исповедью и причащением) по очереди [2, с. 134]. Для этого контора готовила специальный график, в котором указывалось, кто именно и на какой неделе соблюдает такой обряд. Вне зависимости от этого все должны были каждую среду и пятницу на Страстной неделе (последняя неделя перед Пасхой) ходить в церковь «и во всѣ дни Святыя Пасхи къ заутренѣ, обеднѣ и вечернѣ» (ст. 102) [2, с. 772]. Если бывшие на исповеди и у причастия Святых Таинств в Великом посту пожелают исполнить такую обязанность в «посты Петровъ и Филипповъ, то сіе имъ дозволятъ».

Некоторых из числа арестантов требовалось заставлять, а отдельным предоставлять возможность, по решению смотрителя, ходить в церковь и в другие дни года при надлежащем карауле. По этим причинам и должна была проводиться служба каждую неделю или по крайней мере два раза сверх воскресений, если даже не было праздников в течение недели (ст. 105).

Христианам иностранных исповеданий предоставлялась возможность совершать молитву особо в одной из свободных комнат либо им приглашался их священник.

Из содержания ст. 109 Инструкции усматривалось различное правовое положение граждан, принадлежащих к различным сословиям российского общества. В нем говорилось: «Тѣмъ изъ содержимыхъ въ тюремномъ замкѣ, кои не занимаются надворными работами, дозволяется съ разрѣшенія Смотрителя прогулка на дворъ подѣ присмотромъ достаточнаго караула, но всегда такъ, то бы каждый разрядъ былъ порознь».

Глава VI «О препровожденіи арестантовъ въ присутственныя мѣста по требованіямъ оныхъ» включала в себя 8 статей (110–117). В ней изначально говорилось о немедленной отправке в присутственные места арестантов по письменному требованию («за подписаніемъ Члена»), с отметкой в книге о содержащихся в замке. Акцентировалось внимание на сопровождении «пристойным конвоем» – с унтер-офицером. Во время следования конвоиры должны были следить, чтобы арестанты: а) ...на пути не учинили утечки; б) по улицам не просили милостыни; в) не останавливались для сего противъ домовъ; г) не заходили ни въ какія публичныя мѣста; д) не дозволятъ имъ въ пути пить вино; е) не дозволятъ принимать ни отъ кого проходящего какія бы то ни было вещи или оружіе». Перед отправкой конвоя смотритель проводил инструктаж и читал правила, чтобы в случае неисполнения «не могли отозваться невѣдніемъ сихъ правилъ».

При доставлении арестанта в присутственное место конвой брал расписку и по возвращении в замок передавал ее в контору. В случаях возвращения арестанта в замок

конвой приводил его в контору, где он подвергался обыску как при первоначальном поступлении в замок.

Если арестант из суда приводился в нетрезвом виде или при нем обнаруживались ненадлежащие вещи или вино, смотритель при караульном офицере в специально заведенную книгу записывал имена конвойных и об этом происшествии в этот же день докладывал своему начальству (ст. 116).

Исходя из того что на Руси первостепенным и разрушительным бедствием, отрицательно влиявшим на ход ее экономического развития, считались пожары, ничего удивительного нет в том, что анализируемая Инструкция содержала специальную главу VII «О топленіи печей» из 5 статей (118–122). В них ставились две основные задачи: обеспечение безопасности и создание надлежащих температурных условий в камерах. Топку печей производили сами арестанты по очереди с семи часов утра, в зимние месяцы – непременно каждый день. Чтобы печи не перекалялись и тем самым не портились, на каждую из них выделялось известное количество поленьев. Существовал запрет на топку печей в ночное время, предписывалось смотреть, чтобы при выделении угарного газа печи не закрывали и арестанты не бросали в них такие вещи, которые способны его выделять. Трубы следовало чистить каждую неделю, для чего иметь «подряженнаго трубочиста» (ст. 122).

Глава VIII «Объ освещеніи тюремнаго замка» состояла из 3 статей (123–125). Они предписывали повсеместно освещать тюремный замок с наступлением темноты. Арестантские камеры должны были освещаться всю ночь до рассвета.

Глава IX «О посѣтителяхъ» состояла из 24 статей (126–149). Анализируя их, всех прибывающих в тюремный замок мы поделили на посетителей и лиц, имеющих право на свидание с арестантами, объединив в несколько групп, равно как и самих арестантов. Следует отметить, что Инструкция содержала как общие, так и частные нормы, составляющие, как мы сегодня назвали бы, регламент.

Основополагающим для участников свиданий, в соответствии со ст. 126, служило родство: и те и другие должны были быть детьми, родителями, мужьями, женами, родными братьями, родными сестрами. В ст. 138 дополнительно оговаривалось, что кроме лиц, имеющих основания, указанные в ст. 126, посещать содержимых в тюремном замке, «никому другому ни съ кѣмъ изъ нихъ свиданіи не допускается».

Статья 126 Инструкции в первую группу (по нашей классификации) прибывающих на свидания включала: детей, родителей, мужей, жен, родных братьев, родных сестер. Приведенная норма имела конкретизацию: право на встречу с арестантом увязывалось с условием «если, однако же, не будетъ запрещенія на таковыя посѣщенія». Запрет распространялся преимущественно на арестантов и обуславливался их благочинием – надлежащим поведением. Хотя имелся запрет на посещение арестантов родственниками, которые однажды нарушили правила пребывания в тюремном замке.

Во вторую группу лиц, имеющих право на свидание, разработчики Инструкции относили родственников и знакомых большого.

Третью группу составляли граждане, изъявившие желание посетить заключенного, помещенного в тюремный замок за долги. Для таких арестантов гл. XII Инструкции устанавливалось особое правовое положение.

Посетителей тюремного замка можно подразделить на почетных (так их именovala Инструкция) и скорбных. Почетными посетителями именовались «желающіе видѣть тюремный замокъ изъ любопытства». К таковым относились известные и пользующиеся особым уважением лица, получившие для посещения персональный билет Губернато-

ра (ст. 140). Во время посещения тюремного замка их сопровождал смотритель. Они имели право входить в тюремную церковь во время служения.

Билет для посещения тюремного замка передавался в контору тюремного замка, где и находился на хранении.

Скорбными посетителями являлись родственники умершего заключенного, прибывавшие с целью «отпѣванія и выноса къ погребенію». Для прохождения в замок они были обязаны иметь билет, выдаваемый служащими конторы тюремного замка.

Вторую сторону прибывающих на свидания представляли арестанты, мы их также подразделили на несколько групп.

В первую входили лица, находящиеся под стражей и имеющие право на свидание. Ко второй группе относились больные, по характеру преступлений содержащиеся в общих палатах. Условно к этой группе можно отнести и умерших арестантов. Нормы Инструкции выделяли арестантов, не имевших права на свидания, и тех, которым могли предоставляться свидания при определенных условиях.

Не могли иметь свидания нарушители правил, установленных в тюремном замке, содержащиеся в карцере за совершенные проступки. Максимальный срок такого наказания составлял шесть дней, пищей в этот период служили вода и хлеб. Некоторые арестанты лишались свиданий на основании специального требования присутственного места (суда). В соответствии с законом они наделялись такой компетенцией.

Полный запрет на свидания распространялся на больных, содержащихся за кражу. Они и в больнице должны были находиться в особой комнате, со специальным караулом. Запрет был установлен ст. 145, в которой говорилось, что «къ нимъ посѣтители не допускаются».

К арестантам, имевшим право на свидания при определенных условиях, относились содержащиеся в замке уголовные преступники (полагаем, что речь идет об осужденных). Они без особого разрешения начальства не должны были иметь свиданий.

Арестанты, освобожденные из карцера, в котором они пробыли от одного до четырех дней, имели право на свидание, если после этого прошла неделя; при условии пребывания в карцере от пяти до шести дней – через две недели (ст. 137).

Подобное изъятие из правил устанавливалось для посещения больных (дополнительно один раз в неделю). Однако если больной имел опасную или заразную болезнь, то посетители допускались к нему с разрешения доктора.

Особое положение распространялось только на арестованных за долги: они имели право на ежедневные свидания в соответствии с правилами, установленными для основной массы заключенных.

Свидания с арестантами проводились в воскресенье и праздничные дни, продолжительностью один час после обедни до обеда во время исполнения обыкновенных занятий, установленных в тюремном замке: «часть въ отдохновеніи, и часть въ чтеніи Священнаго Писанія» (ст. 99).

Свидания проводились в особо устроенной для этого комнате, разделенной решеткой на две части, в одну из которых приводились арестанты, а в другую – посетители. Посетители не имели права покидать комнату свиданий и ходить по тюремному замку, приносить и передавать содержащимся в тюремном замке платья, напитки, письма, записки или какие-либо другие бумаги, «одним словомъ, решительно ничего» (ст. 128). Если же арестанты тайно принимали что-либо принесенное посетителями, то они подвергались наказанию за ослушание.

Следует указать, что арестованным за долги Инструкцией регламентировался иной порядок: им разрешалось принимать для своего употребления съестные припасы от родственников и других посещающих. При этом в неприменную обязанность караульного офицера вменялся строгий досмотр, чтобы исключить сокрытие каких-либо вредных орудий. Разработчики Инструкции, учитывая важность приведенных обстоятельств, в нескольких статьях закрепляли процедуру проведения досмотра, указывая, что впускаемые в тюремный замок на свидания должны тщательно досматриваться, чтобы исключался пронос каких-либо вредных объектов. Все принесенное с собой и не подлежащее передаче посетители должны были оставлять за воротами тюремного замка у часового до своего возвращения. Если обнаруживались напитки, то они, по приказу смотрителя, выливались служителем (ст. 129, 230). Статья 130 Инструкции устанавливала запрет на передачу арестантам денег.

В тех случаях, когда вопреки установленным правилам посетитель тайно пронесил что-либо пребывающему в тюремном замке, принесенное отбиралось, принесший удалялся из тюремного замка и впредь, как мы уже отмечали ранее, в него не допускался. Если принесенное представляло общественную опасность, то о данном случае докладывалось начальству «для сношения о немъ соотвѣтственно обстоятельству, если оно признаеть то нужнымъ» (ст. 131).

За проведением свиданий осуществлялось наблюдение, для того чтобы находившиеся там соблюдали благопристойность в обхождении и разговорах, не происходило взаимной передачи каких-либо объектов. Окончание свидания оповещалось звуками колокола, после чего посетители покидали комнату свиданий.

В целях исключения коррупционной составляющей ст. 132 Инструкции предусматривала строгое наказание, по решению смотрителя, служителей тюремного замка, которые брали для передачи, приобретали или что-либо давали арестантам.

Глава X «О церкви» состояла из десяти статей двух разделов: «I. Попечение о церкви» (ст. 150–152), «II. О должности Священника» (ст. 153–160). Обозначенному вопросу, как мы уже отмечали, были посвящены и другие главы и статьи Инструкции. В частности, гл. V «О упражнении содержимыхъ въ тюремномъ замкѣ» определяла процедуры отправления религиозных обрядов, устанавливала обязанности священника, смотрителя тюремного замка, надзирателей, арестантов.

В соответствии с Инструкцией попечение о церкви возлагалось на смотрителя тюремного замка, священника церкви и помощников смотрителя (ст. 160). Все хозяйственные, экономические вопросы, принадлежность церкви отдельной собственности решались на совместном совещании указанных уполномоченных лиц. Имущество, принадлежащее церкви, было зарегистрировано в специальной книге, учетные записи которой позволяли отслеживать и контролировать все его движение Попечительному комитету (ст. 151).

Священник тюремного замка должен был отправлять богослужение как можно чаще, но обязательно по дням, обозначенным в Инструкции. И делать это со всей уверенностью, тщательностью, благочестием, благонравием, показывая пример всем служащим и содержащимся в тюремном замке, во всем своем поведении и действиях сообразуясь с правилами, установленными в тюремном замке, для достижения цели, с которой люди, «состоящие въ тюремномъ замкѣ, поручаются его паствѣ» (ст. 155).

Поучения, увещания, наставления, чтение важных мест из церковных книг имели общую направленность деятельности священника и одновременно служили действенным, праведным напутствием каждому из содержащихся в тюремном замке. Следует специально сказать и о специфических обязанностях священника, направленных на

ознакомление с уровнем нравственности, степенью ее запущенности у каждого заключенного. Он должен был добиваться их доверительного отношения к себе и, опираясь на конкретные обстоятельства их мирской и тюремной жизни, определять мероприятия по исправлению. С этой целью он регулярно, вне зависимости от процесса исправления, посещал содержащихся в тюремном замке «въ приличное время, сколько можно чаще, и по крайней мъръ два раза въ недѣлю» (ст. 158), обучал несовершеннолетних заключенных, прививая им азы Закона Божия или других предметов, к числу которых относилась арифметика.

Специфика контингента, содержавшегося в тюремном замке, требовала использования различных средств и методов для лечения их душ, а нередко и физических недугов, избавления от различных болезней, поэтому в тюремном замке предусматривалось учреждение больницы с двумя отделениями – мужским и женским. По возможности допускалось особое помещение для отделения чиновничьих особ от простолюдинов. Однако главным было размещение больных в каждом из отделений исходя из вида болезни.

Не меньше внимания разработчики Инструкции уделяли изложению регламента работы больницы, взаимодействию врача и смотрителя тюремного замка. Глава XI «О больницъ» имела пять разделов («I. Общія определенія», «II. Приемъ больныхъ», «III. Лечение и содержаніе больныхъ», «IV. Выпуск выздоровѣвшихъ», «V. Инструкція по разнымъ должностямъ при больницъ», два подраздела: «О должности врача», «О пищу», 44 статьи (161–204).

Больница тюремного замка находилась в двойном подчинении: по врачебной и аптекарской части больница подчинялась врачу, а по полицейской и хозяйственной – смотрителю. Об имуществе, вещах для больных, находившихся на лечении, их потребностях, обеспечении питанием заботился эконо́м, который руководствовался специально данной ему инструкцией.

Больница снабжалась особым для больных платьем, бельем, различными принадлежностями, необходимыми для лечения арестантов. Лекарственные препараты содержались в больничной аптеке, ее ревизию как плано́во, так и внезапно (в любое время) имел право проводить врач. Он заблаговременно готовил заявку на лекарственные препараты и предоставлял ее губернатору. По истечении года врачом проводилась полная ревизия аптеки, после которой губернатору направлялась информация (в виде ведомости) о лекарственных средствах, принятых в аптеку, их расходовании, остатках, вещах, поступивших в аптеку, с указанием, что, в какое время поступило, когда, в каком количестве выбыло, в каком состоянии находится оставшееся.

Инструкцией были расписаны процедуры госпитализации арестантов, порядок лечения, содержания, возвращения в прежние условия после выздоровления, получения лекарственных средств, составления сопроводительных документов, специфика отправления из тюремного замка тех, кто ранее проходил лечение в больнице.

Если при поступлении в тюремный замок лицо имело признаки болезни, то его сразу или на следующий день осматривал врач. При его отсутствии на месте смотритель немедленно направлял за ним посыльного. По прибытии врач производил медицинский осмотр, и при подтверждении диагноза принималось решение о направлении арестованного в больницу. В тех случаях, когда врача не оказывалось, а, по мнению смотрителя, поступающее лицо имело признаки болезни, то он сам направлял его в больницу. Исходя из вида совершенного преступления заключенный следовал в соответствующее отделение больницы. Об этом информировались надзиратели, обязанные сделать в книге соответствующую запись о месте его нахождения.

Прием арестантами лекарств осуществлялся по указанию врача под контролем фельдшера. Врач предписывал и определенную пищу, приготовленную по правилам, введенным в больнице, устанавливал, какая порция пищи должна выдаваться больным. Все лечение больных соотнобразовывалось с правилами обычных больниц, а для ухода за больными, насколько это возможно, рекомендовалось использовать особых людей, не являвшихся арестантами (ст. 173).

По своим функциональным обязанностям врач посещал больных в 8 часов утра и в 8 часов вечера. Если в больнице находились тяжелые больные, то он бывал у них чаще. Наблюдал, чтобы палаты содержались в чистоте, были накурены можжевельником или минеральными кислотами, воздух был свеж, постели, белье и платье были чисты, и все вверенное ему содержалось в опрятности.

На каждого больного врач вел «скорбный листъ», показывавший ход болезни и используемые для лечения средства. Ежедневно в двух экземплярах готовил и подавал в контору замка, губернатору и губернскому прокурору сведения о числе больных, их диагнозе.

О выздоровлении лиц мужского пола врач информировал смотрителя, а о женщинах – смотрительницу, которые приказывали приставникам забрать выздоровевших из больницы и доставить в установленное (оговоренное) время в контору тюремного замка, где происходила замена госпитальной одежды (она возвращалась в больницу) на тюремную. Все движение больных фиксировалось в особой книге. Следует отметить, что бывших больных арестантов без освидетельствования врача из тюремного замка никуда не отправляли.

Анализируемый нами документ предписывал всем служащим больницы соблюдать правила, изложенные в Инструкции, если они относились к исполнению их должности. Что касается должности врача, то его правовой статус, как уже видно из приведенного, был объемным, его взаимоотношения не замыкались только на администрации тюремного учреждения, а выходили за его пределы, касались разных направлений обеспечения деятельности больницы.

Кроме приема больных, врач был обязан каждодневно осуществлять обход тюремного замка, для того чтобы увидеть состояние камер, территории, предметов, относящихся к сохранению здоровья арестантов. Если в камере находился больной, которого следовало госпитализировать, то осуществлялось это с разрешения помощника смотрителя на мужской половине и смотрительницы на женской половине. Тем самым исключалась неизвестность пребывания арестанта. Другим арестантам, по мере возможности, медицинская помощь оказывалась непосредственно в камере.

Если в процессе обхода замка врач обнаруживал нечистоты, спертый воздух, то он немедленно отдавал команду младшему надзирателю или надзирательнице, которые были обязаны исправить ситуацию. В необходимых случаях он мог доложить об этом смотрителю.

По своим функциональным обязанностям врач снимал пробу с пищи, приготовленной для арестантов. В случае дурного качества уведомлял о том смотрителя для принятия соответствующих мер. Врач также осматривал приносимые в подаяние «припасы, дабы не было чего въ нихъ примъшано вреднаго» (ст. 183).

Заключала Инструкцию XII глава, самая объемная. Она называлась «Особыя положенія» и включала в себя четыре раздела: «I. О Смотрителѣ» (ст. 205–231); «II. О Заключенныхъ за долги» (ст. 232–235); «III. О занятіяхъ по состоянію, полу и возрасту» (ст. 236–245); «IV. О нарядѣ къ управженіямъ» (ст. 246–260).

Из содержания обозначенного следует, что смотритель являлся полным хозяином тюремного замка и блюстителем внутреннего порядка, за который отвечал перед своим начальством (по ближайшему отношению) – губернатором, губернским прокурором, полицеймейстером. На его ответственности лежало соблюдение чистоты, порядка, опрятности, тишины и благочиния, равно как и поддержание в надлежащем состоянии всего строения. В тех случаях, когда требовался какой-либо ремонт, он должен был сообщать об этом своему руководству.

Следует специально отметить, что смотритель постоянно находился в тюремном замке. Он проживал (имел жительство) в нем и без разрешения лиц, в подчинении которых находился, не мог отлучаться за его пределы, особенно в ночное время. При выходе из замка он должен был уведомить караульного офицера.

Смотритель был обязан следить за исправностью дверей, ключей, замков, инструктировать военный караул о правовом положении, характере действий в непредвиденных случаях («какой-либо оплошности»), особо выделяя пресечение побегов и пожаров (ст. 207). В целях ликвидации очагов пожаров Инструкцией предписывалось иметь пожарную трубу и потребное количество воды в любое время года. В зависимости от размера тюремного замка рекомендовалось иметь и ручные пожарные трубы.

Ворота замка требовалось всегда держать закрытыми, а ключ (его именовали главным) от них – на хранении у караульного офицера, без разрешения которого они никому не открывались. Ключи от кладовой, кухни, бани и церкви, а также от отдельных важных камер находились у смотрителя, внутренние ключи от камер – у надзирателей.

Когда в замок для исполнения своей должности приходили чиновники, лица, имеющие соответствующее разрешение, или когда приводились арестанты, то обо всем этом давалось знать посредством звонка. При этом караульный унтер-офицер, не открывая ворот, спрашивал, кто пришел. После получения ответа докладывал о полученных сведениях караульному офицеру, который открывал ворота и осуществлял пропуск. Посторонние граждане досматривались с целью исключения наличия при них каких-либо опасных (вредных) орудий, после чего немедленно извещался смотритель. Для соблюдения прав и свобод человека и гражданина, в частности в целях досмотра лиц женского пола, Инструкция предусматривала нахождение при воротах тюремного замка женщины.

В полном подчинении смотрителя находились надзиратели, их и помощников он назначал на должности сам. Смотритель наблюдал, чтобы они добросовестно выполняли свои обязанности, не нарушали прав арестантов, были трезвы и старательны. В качестве стимула предусматривалось поощрение, а за проступки виновные подлежали наказанию. Если надзиратели допускали повторные правонарушения, то об этом докладывалось по команде с целью освобождения их от должности.

Все содержащиеся в тюремном замке должны были находиться в полном повиновении смотрителю и лиц, осуществлявших надзор и распоряжение ими. Смотритель не разрешал содержащимся иметь и читать какие бы то ни было собственные книги без предварительного ознакомления с ними совместно со священником тюремного замка. Арестантам под любым предлогом строго запрещались любые виды настольных игр (карты, шашки, кости), равно как и установка в камерах и около спальных мест занавесов и перегородок из различных материалов. Это делалось в целях предупреждения заговоров, упражнений в разных вымыслах (под видом богомолья), изготовления веревок для преодоления стены замка. По этим причинам предписывалось спальные места (койки) всегда держать в открытом виде (ст. 223). Для этого смотритель тюремного

замка должен был как можно чаще осматривать всякую камеру. С этим была связана еще одна обязанность указанного должностного лица: «Строго наблюдать, чтобы в тюремный замок ни под каким видом не были вносимы горячие напитки, и если таковые у кого найдутся, тотчас оные приказывает при себе вылить» (ст. 230).

В тех случаях, когда арестант проявлял буйство, непослушание, смотритель имел право посадить его в так называемый карцер, как мы уже указывали, на срок от одного до шести дней. О таких случаях при первом посещении тюремного замка губернским прокурором смотритель обязан был немедленно ему доложить (ст. 229).

Смотритель контролировал, чтобы во время литургии в воскресенье и праздничные дни все арестанты «греко-российского исповедания» находились в церкви, устроенной при тюремном замке.

Каждую субботу губернский прокурор был уполномочен посещать арестантов, а смотритель предоставлять «кружку, которая для общего подаяния будет находиться при тюремном замке». Сумма собранных подаяний рукой губернского прокурора записывалась «в шнуровую книгу» и приобщалась к общей тюремной сумме. Под расписку смотрителя денежные средства передавались в контору тюремного замка. Они тратились на текущие надобности, а также «на прокормление арестантов с ведома полицеймейстера» (ст. 226).

Инструкция устанавливала определенный порядок использования подаяний: так, если сумма накапливалась до тридцати рублей серебром за всеми расходами, тогда она отсылалась в приказ Общественного призрения для хранения (ст. 227).

В обязанности смотрителя тюремного замка входило ежемесячное составление в полицию отчета (в форме ведомости) о количестве арестантов. Такие сведения, в свою очередь, служили отчетом казенной палаты о сумме израсходованных, отпускаемых казной кормовых (для пищевого довольствия) денег. Обеспечение питанием арестантов – одна из обязанностей смотрителя тюремного замка. Он, кроме надзора за содержащимися арестантами, «печется о продовольствии их пищею, приготавливаемою из припасов, от добродетельных дателей поступающих, или на отпускаемые порционные деньги» (ст. 205).

Анализируемая Инструкция содержала комплекс норм, предписывавших характер непосредственных отношений смотрителя и арестантов, а также касающихся предупреждения коррупции, исправления случайных, незакоренелых, «незакоснелых» преступников.

Определение статуса смотрителя тюремного замка и содержащихся в нем арестантов в значительной мере способствовало предупреждению противоправного поведения, причинения вреда здоровью надзирателей, караульным. Это оказывало влияние и на морально-психологический климат в среде лиц, которые были уже осуждены, и тех, что ждали принятия судебного решения в отношении себя.

По результатам изучения Инструкции делаем вывод о том, что наиболее емкой, образной, важнейшей, оригинальной по содержанию нормой, в обозначенном смысле, являются положения ст. 205. В ней говорится, что смотритель обходится с находящимися под его надзором арестантами кротко и человеколюбиво, «он старается приобрести их к себе доверенность распрашиванием о нуждах их, доставлением иногда некоторых пособий, ласковыми при трудах разговорами». Однако при этом исключалась коррупционная составляющая, так как положения указанной статьи требовали во исполнение своих обязанностей поступать со всей точностью и твердостью, поэтому он не имел права оставлять без наказания ни одно нарушение порядка и правил, предписанных для тюремного замка, «так как малейшее по сей части пренебрежение может произвести большие проступки и навлечь неприятные следствия».

При назначении наказаний смотритель должен был соблюдать спокойствие духа «и отнюдь не предаваться досаде и вспыльчивости, дабы сим самым удостоверить виновного, что делаемое ему наказание основано на справедливости» (ст. 205).

Обратим внимание на исключение коррупционной составляющей, а также на несколько обстоятельств, обозначенных по этому поводу в разделе «I. О Смотрителѣ» главы XII «Особыя положенія» Инструкции смотрителю тюремного замка. Исключая конфликт интересов, как мы это называем в настоящее время, было предусмотрено, что с занимаемой смотрителем должностью «не может быть соединена никакая другая». «Как смотрителю, так и всем служащим под его начальством строжайше воспрещается употреблять арестантов для своей работы, под каким бы то предлогом ни было, или для письмоводства, а особенно по арестантским делам» (ст. 231).

Таким образом, исключая участие арестантов в делопроизводстве, особенно относящемся к сведениям, характеризующим заключенных, их противоправную деятельность, прохождение дела по отдельным этапам уголовного судопроизводства, предпринималась попытка исключить передачу таких сведений заинтересованным лицам за определенное вознаграждение, а также их распространение в ущерб владельцам и должностным лицам судебных органов. Приведенные запреты позволяли исключить создание незаслуженного авторитета отдельным арестантам только за то, что они имеют отношение к служебному делопроизводству, обладают информацией, которая по своему объему, характеру, важности для конкретных лиц отличается от той, которой владеют другие арестанты.

Обратим внимание еще на одно направление деятельности смотрителя и всех служащих замка – исправление отдельных категорий арестантов. В ст. 219 говорится об обязанности, насколько это возможно, исправления незакоренелых преступников, «в особенности несовершеннолетних, впадших в преступление по неопытности и незрелости рассудка; к сему требуется непременно содействие священника замка поучениями и наставлениями».

Раздел второй анализируемой главы был посвящен особому правовому положению заключенных за долги. Речь шла о добродетельных отцах семейства (ст. 325 Свода учреждений и уставов о содержащихся под стражею в гл. 3 «Особое положение об исправительном заведении в С.-Петербурге» называет их людьми предрозостными, своим поведением повреждающими добронравие, наносящими стыд и зазор обществу), без всякой вины вовлеченных в долги, за которые правительство вынуждено лишить их свободы. «Надзоръ за таковыми долженъ ограничиваться единственно лишениемъ ихъ способа къ уходу изъ тюремного замка» (ст. 232). При приеме в замок они оставались в своем платье, но также подлежали тщательному досмотру с целью исключить нахождение при них вредных орудий. Они имели льготы на свидания, прием съестных припасов, о чем мы уже упоминали.

Третий раздел «О занятяхъ по состоянію, полу и возрасту» (ст. 236–245) регламентировал занятие арестантов на различных работах, организуемых в самом замке. Основные цели занятия арестантов трудом формулировались в ст. 237, в ней говорилось о том, что работа призвана исключить праздность во время заключения, приучать их к порядку, к правильному потреблению времени, к подчиненности и повиновению, чтобы по возвращении в недра общества сделались полезными сами себе и семействам своим, вообще клонились бы к исправлению нравственности и к привычке трудиться.

Занятия персонифицировались: для всех; женщин; чиновничьих лиц обоего пола; работы, особенно приличествующим людям простого сословия обоего пола; занятия

приличествующим мужчинам простого сословия; занятия приличествующим женщинам простого сословия; занятия несовершеннолетним.

В ст. 245 говорилось о соблюдении порядка при занятии упражнениями.

Раздел четвертый «О нарядъ къ упражнениямъ» (ст. 246–260) устанавливал регламент выполнения работ, составления специальных нарядов, которые позволяли проверять ход их выполнения, предварительную постановку задач, контролирующих субъектов и их правовое положение. Выполняемые работы предназначались для пользы тюремного замка и продажи по заказу.

Выручаемые от работ деньги распределялись следующим образом:

- одна треть шла на удовлетворение нужд арестантов во время заключения;
- другая выдавалась им при освобождении. Если же арестант подлежал направлению в Сибирь на поселение «или въ работу», то для него приобретались необходимые вещи;
- третья предназначалась на покупку инструментов, материалов и «вообще на содержание работъ» (ст. 260).

Можно с уверенностью говорить о том, что выручка от продажи произведенных изделий и работ была незначительной. Статья 258 гласила: «Цена изделий на продажу и по заказу определяется конторою тюремного замка умеренная, и именно: не больше того, во что могут обойтись изделия сии по материаламъ, съ надбавкою небольшой суммы за работу».

Заключая рассмотрение гл. XII Инструкции, обратим внимание на следующее важное обстоятельство: чтение книг и обучение авторы анализируемого документа относили к работам. Чтение духовных книг, обучение несовершеннолетних словесным наукам и письму определялись с согласия священника и смотрителя (ст. 254).

Библиографический список

1. Инструкция смотрителю губернского тюремного замка. Пермь : Типография губернского правления, 1882. 30 с. URL : http://arch.permculture.ru/bitstream/handle/permculture/1892/124307_read.pdf?sequence=2&isAllowed=y (дата обращения: 23.08.2019).

2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : А ТЕМП, 2006. 938 с.

УДК 343.8:342.92

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.481-489

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ПОНИКАРОВ,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: minrs@yandex.ru;

ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ ПОНИКАРОВ,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры административного и финансового права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: minrs@yandex.ru;

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ СМОЛЕВ,

начальник кафедры огневой подготовки,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: ognpod@yandex.ru;

СЕРГЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ СТРОИЛОВ,

заместитель начальника кафедры огневой подготовки,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: ognpod@yandex.ru

КОМПОНЕНТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ, ВЫПОЛНЯЮЩИХ ФУНКЦИИ В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Для цитирования

Компоненты доказывания в правоохранительной деятельности сотрудников подразделений специального назначения, выполняющих функции в сфере исполнения уголовных наказаний / С. В. Поникаров [и др.] // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 4. – С. 481–489. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.481-489.

Аннотация. Объектом исследования в статье выступают компоненты (предмет, а также пределы) доказывания в правоохранительной деятельности сотрудников подразделений специального назначения, выполняющих функции в сфере исполнения уголовных наказаний. Предметом исследования являются нормативные акты, регламентирующие основы доказывания в правоохранительной деятельности подразделений специального назначения учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания. Достоверность исследования подтверждается результатами анкетирования 80 сотрудников подразделений специального

© Поникаров С. В., Поникаров В. А., Смолев С. М., Строилов С. В., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

назначения г. Москвы, Московской, Рязанской и Тульской областей. Указанные регионы были выбраны исходя из числа расположенных в них исправительных учреждений. Выводы, полученные при проведении исследования:

компоненты доказывания – специфический вид правоохранительной деятельности подразделений специального назначения уголовно-исполнительной системы;

доказывание по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности подразделений спецназа не является приоритетным, вместе с тем сотрудникам необходимо иметь полное представление о доказательствах по административным и иным делам;

требуется законодательно закрепить перечень доказательств применения физической силы, спецсредств и оружия.

Ключевые слова: государственное управление, предмет и пределы доказывания, правоохранительная деятельность, подразделения специального назначения, функция, исполнение наказаний, Федеральная служба исполнения наказаний.

Предмет доказывания по делам об административных правонарушениях непосредственно в правоохранительной деятельности подразделений специального назначения (спецназа) уголовно-исполнительной системы (УИС) обусловлен явлениями объективной реальности, связанной со спецификой прохождения службы в данных подразделениях. Вопрос о содержании предмета доказывания остается открытым. Как нам представляется, сотрудникам спецназа УИС в части предмета доказывания необходимо руководствоваться гл. 26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ).

В обстоятельствах (ст. 26.1 КоАП РФ), подлежащих выяснению по делу об административном правонарушении содержатся как события, так и действия, а также отдельные свойства, формы, связанные с правонарушением, например виновность (умысел и неосторожность) лица в совершении административного правонарушения.

Однако при доказывании по делам об административных правонарушениях в деятельности исправительных учреждений и следственных изоляторов ФСИН России выявляются отдельные вещи, которые, на наш взгляд, являются не предметом, а объектом доказывания по делам об административных правонарушениях в деятельности пенитенциарных учреждений России. Следовательно, предмет доказывания по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности спецназа УИС состоит из событий и действий, а также из отдельных свойств, форм, связанных с правонарушением.

Статья 26.1 КоАП РФ закрепляет положение о том, что одни элементы, обозначенные в данной статье и входящие в состав предмета доказывания, относятся к фактам (например, наличие события правонарушения), другие – к условиям (например, обстоятельства, исключаящие производство по делу). Рассматривая понятие «предмет доказывания» в производстве по делам об административных правонарушениях, следует учитывать факты и условия во взаимосвязи, то есть любые явления объективной действительности, необходимые для правильного разрешения дела об административном правонарушении.

Факт означает действительное, вполне реальное событие. Условие – это обстоятельство, определяющее какое-либо положение [1]. Принимая во внимание содержание этих терминов, было бы неверно свести предмет доказывания по делам об административ-

ных правонарушениях в правоохранительной деятельности подразделений спецназа УИС лишь к самим фактам. Предмет доказывания охватывает также другие явления, относящиеся к условиям.

Содержание предмета доказывания в правоохранительной деятельности подразделений спецназа УИС закреплено нормативно. Только в отличие от административного производства в уголовном судопроизводстве условия (обстоятельства) и факты, указанные в ч. 1 ст. 73 УПК РФ, подлежат доказыванию, а не выяснению, как это определено в ст. 26.1 КоАП РФ.

Формулировка, зафиксированная в ч. 1 ст. 73 УПК РФ, с точки зрения сущности достижения истины представляется нам более уместной и справедливой. Следовательно, подобная формулировка («подлежит доказыванию») должна присутствовать и в ст. 26.1 КоАП РФ.

Требование законодательства к установлению наличия события правонарушения предполагает выяснение сотрудником рассматриваемого подразделения характера противоправного деяния (действие или бездействие), а также времени, места, способа совершения правонарушения и иных обстоятельств и фактов, указывающих на объект посягательства. Кроме того, в ходе выяснения сведений о лице, совершившем правонарушение, сотрудникам спецназа необходимо доказательно установить (или подлежит доказыванию):

- возраст субъекта (административная ответственность наступает с шестнадцати лет);
- специальный статус правонарушителя;
- виновность субъекта правонарушения (включает в себя доказывание вины физического лица в форме умысла или неосторожности).

Основная сложность в доказывании по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности подразделений спецназа заключается в надлежащей фиксации предметов, орудий совершения административного правонарушения непосредственно на режимной территории учреждений и органов ФСИН России.

Анализ правоприменительной практики подразделений спецназа показал, что в рамках рассматриваемого доказывания сотрудники подразделения спецназа обязаны установить следующие основные обстоятельства и факты:

- 1) факт передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы;
- 2) фактическое (реальное, не мнимое или надуманное) неповиновение гражданина законному распоряжению или требованию сотрудника уголовно-исполнительной системы;
- 3) виновность лица в совершении административного правонарушения.

Предмет доказывания в правоохранительной деятельности подразделений спецназа не ограничивается информацией об обстоятельствах событий прошедшего времени, поскольку в него также входят обстоятельства и факты, которые продолжают существовать либо наступили после совершения правонарушения. В частности, к ним относятся обстоятельства, характеризующие личность физического лица, привлекаемого к административной ответственности, состав его семьи, место работы (например, с места работы запрашивается характеристика, фактическое место жительства лица, в отношении которого ведется производство по делу).

В рамках доказывания по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности рассматриваемых подразделений спецназа является

актуальным вопрос об отнесении иных доказательств к предмету доказывания по указанным выше делам.

В ст. 26.1 КоАП РФ включены лишь те обстоятельства и факты, которые имеют юридическое значение для разрешения соответствующих дел. Полагаем, что в предмет доказывания по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности подразделений тюремного спецназа входят также другие обстоятельства, которые подлежат выяснению.

Таким образом, указанное утверждение корреспондируется с п. 7 ст. 26.1 КоАП РФ. Данная статья закрепляет положение о том, что в предмет доказывания входят иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, а также причины и условия совершения административного правонарушения.

При доказывании конкретного дела может возникнуть необходимость в доказывании не только основных, но и второстепенных обстоятельств и фактов. Отличие между юридическими фактами, имеющими непосредственное правовое значение, и доказательными заключается в том, что первые прямо влияют на разрешение дела. Кроме того, их перечень установлен законом, а вторые являются второстепенными, и их список в принципе не может быть определен по причине неисчислимости и многообразия.

Однако, по существу, и основные, и дополнительные обстоятельства и факты в равной степени подлежат доказыванию. Ни одно из них не может лечь в основу доказывания до тех пор, пока не будет установлено его наличие и осуществлены его сбор, проверка и оценка в установленном законом порядке.

Принимая во внимание соответствие понятий «предмет познания» и «предмет доказывания», следует признать, что в предмет доказывания по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности подразделений спецназа входят как основные, юридически значимые, так и второстепенные обстоятельства и факты, посредством которых устанавливается законодательная база.

В целях установления объективной истины по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности указанных подразделений в предмет доказывания следует включить каждое обстоятельство и факт, имеющие значение для дела.

Основным подходом к классификации обстоятельств и фактов, входящих в предмет доказывания, является их деление на основные и второстепенные (дополнительные) доказательства. Отметим, что систематизация содержания предмета доказывания обладает существенными недостатками и нуждается в более глубоком осмыслении и доработке. Проанализируем указанную выше систематизацию.

Во-первых, деление обстоятельств и фактов на основные и дополнительные (второстепенные) условия существует в действующем административном законодательстве.

Во-вторых, в теории права факты доказывания, зафиксированные в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, следует разделить на прямые и косвенные. Критерием такой классификации будет служить юридическое содержание обстоятельств, подлежащих доказыванию по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности подразделений спецназа УИС.

В-третьих, обстоятельства и факты, которые не относятся к уликам, выпадают из структуры предмета доказывания в правоохранительной деятельности подразделений спецназа УИС.

С учетом обстоятельств и фактов, составляющих предмет доказывания по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности подразделе-

ний спецназа, необходимо систематизировать содержание предмета доказывания надлежащим образом, а именно в предмет доказывания по указанным выше делам входят:

1) фактические обстоятельства события и состав правонарушения, а также следующие систематизированные компоненты:

– факт события непосредственного совершения лицом или группой лиц правонарушения;

– характер совершенного противоправного деяния (действие или бездействие), наступление вредных последствий, причинно-следственная связь с административным правонарушением, наличие материального ущерба, факультативные признаки (время, место, способ совершения административного правонарушения);

– наличие признаков субъективной стороны состава административного правонарушения (форма вины, мотив и цель совершения административного правонарушения);

– обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность;

2) обстоятельства и факты, имеющие юридическое значение в части прекращения дела об административном правонарушении в правоохранительной деятельности рассматриваемых подразделений (например, начальник отдела спецназа тоже имеет право возбуждать соответствующие дела). Такая компетенция предусмотрена приказом ФСИН России от 19 декабря 2013 г. № 780 «Об утверждении перечня должностных лиц учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, и перечня должностных лиц учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, уполномоченных осуществлять административное задержание». В данные обстоятельства входят следующие классифицированные компоненты:

– обстоятельства, исключающие производство по делу об административных правонарушениях в сфере учреждений и органов УИС;

– обстоятельства, характеризующие возраст личности физического лица (по юридическим лицам должностные лица не рассматривают дела), привлекаемого к административной ответственности;

– обстоятельства, способствовавшие совершению административного правонарушения в учреждении и органе УИС;

3) обстоятельства и факты, имеющие специальное доказательственное значение для дела об административном правонарушении в правоохранительной деятельности подразделений спецназа. В данные обстоятельства входят следующие классифицированные компоненты:

– специфика категорий дел об административных правонарушениях, находящихся в компетенции должностных лиц подразделений спецназа (например, в ходе доказывания необходимо установить собственно запрещенный законодательством предмет, который был передан лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы России);

– отсутствие специального субъекта (например, осужденного) административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 19.3 КоАП РФ (осужденный не является субъектом административного правонарушения по рассматриваемому составу).

Приведенная систематизация обстоятельств и фактов, входящих в состав предмета доказывания дела об административном правонарушении в правоохранительной деятельности подразделений спецназа, способствует формированию целостного представления о содержании самого предмета доказывания.

Следует отметить, что предмет доказывания не только является совокупностью юридических обстоятельств, подлежащих установлению, но и содержит определение конкретных причин (условий), способствующих совершению правонарушения.

Обстоятельства и факты, входящие в предмет доказывания в рамках производства по делам об административных правонарушениях в анализируемой сфере деятельности, могут иметь как позитивное, так и негативное выражение.

В ходе доказывания подтверждается наличие противоправного деяния, за совершение которого предусмотрена административная ответственность (негативный факт), или его отсутствие (позитивный факт); виновность лица в совершении административного правонарушения (позитивный факт) или его невиновность (негативный факт).

С предметом доказывания тесно связано понятие «пределы доказывания». Пределы доказывания по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности подразделений спецназа являются границами предмета доказывания, которые обеспечивают своевременное, полное и достоверное установление обстоятельств и фактов, необходимых для разрешения дела об административном правонарушении.

Законом установлен перечень обстоятельств и фактов, подлежащих доказыванию при производстве по делам об административных правонарушениях. Однако среди требований, предъявляемых к форме и содержанию протокола об административном правонарушении, отсутствует указание на необходимость отражения в данном документе обстоятельств и фактов, установленных в ст. 26.1 К КоАП РФ.

Формально без этого невозможно надлежащим образом обеспечивать доказательствами дела об административных правонарушениях. Взаимосвязь предмета и пределов доказывания выражается в том, что первое конкретизирует цель доказывания, а второе является средством ее достижения. Предмет доказывания устанавливает, что подлежит доказыванию, а пределы доказывания определяют необходимые границы (конкретных пределов) доказывания по делам об административных правонарушениях непосредственно в деятельности указанных подразделений.

Вопрос о сущности пределов доказывания в науке остается открытым, поскольку данное понятие является наименее устоявшимся в теории доказывания. Существует множество определений, касающихся предмета доказывания [2]. Масса данных определений осложняет понимание места и значения данного понятия в теории доказывания и в правоохранительной деятельности подразделений спецназа уголовно-исполнительной системы.

В отличие от предмета доказывания пределы доказывания по исследуемым делам в деятельности пенитенциарного спецназа нормативно не регламентированы, поскольку каждая категория дел об административных правонарушениях имеет свои пределы доказывания, а единые критерии для их обобщения отсутствуют.

Пределы доказывания по данным делам в рассматриваемой деятельности указанных подразделений характеризуют степень достаточности собранных доказательств. Если предмет доказывания является системой фактов и обстоятельств, установление которых необходимо для правильного разрешения дела об административном правонарушении, то пределы доказывания представляют их материально-процедурное выражение, которое позволяет сделать достоверные выводы о них.

Пределы доказывания по рассматриваемым делам в правоохранительной деятельности подразделений спецназа находятся в прямой зависимости от содержания предмета доказывания. Отметим, что рассматриваемые понятия (пределы и содержание)

связаны с различными аспектами доказывания в уголовно-исполнительной сфере и не соотносятся друг с другом как целое и часть.

Признаками пределов доказывания по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности подразделений спецназа являются глубина исследования обстоятельств и фактов дела и достаточное количество доказательств.

Предмет доказывания необходим для правильного разрешения дела об административном правонарушении в правоохранительной деятельности отмеченных подразделений уголовно-исполнительной системы. Данный предмет подлежит конкретизации с учетом состава административного правонарушения, разбираемого должностными лицами отдела спецназа.

Кроме того, в предмет доказывания входит содержание диспозиции конкретной статьи, а также нормы процессуального права, которые фиксируют диспозицию нарушенной нормы. Это очень важно для доказательственного значения по рассматриваемым делам в деятельности подразделений спецназа.

Пределы доказывания по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности рассматриваемых подразделений представляют собой более конкретную материально-процедурную составляющую объема доказательной базы по соответствующим делам.

Таким образом, необходимой совокупностью доказательств по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности подразделений пенитенциарного спецназа является такое их количество, которое достаточно для признания доказанными как всей системы обстоятельств и фактов, входящих в предмет доказывания, так и каждого из них в отдельности.

Вопрос об определении пределов доказывания по рассматриваемым делам в деятельности исследуемых подразделений УИС законодатель фактически оставил на усмотрение правоприменительного субъекта доказывания (например, должностного лица отдела или подразделения спецназа).

Типичными ошибками может стать необоснованное сужение или расширение пределов доказывания. В первом случае фактов и обстоятельств, имеющих доказательственное значение, на стадии возбуждения административного дела может оказаться недостаточно для вынесения законного и обоснованного постановления по делу. Во втором случае происходит нерациональное использование сил и средств, а также возникает избыток информации, затрудняющей процесс доказывания по рассматриваемым делам.

В указанных случаях избыточность доказательственной информации неизбежна и может оказать положительное влияние на процесс доказывания по делам об административных правонарушениях в изучаемой деятельности особых подразделений УИС. Доказательства по данным делам должны достоверно устанавливать фактические обстоятельства по делу, а также создавать резерв доказательственной информации, необходимой на тот случай, если в ходе дальнейшего производства по делу отдельные доказательства подвергнутся сомнению или будут исключены.

Пределы доказывания являются одной из характеристик познавательной деятельности субъектов доказывания по делам об административных правонарушениях в деятельности подразделений спецназа (включая конвойные подразделения УИС).

Доказывание является неотъемлемой частью производства по делам об административных правонарушениях. В ходе доказывания реализуются задачи (всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела), закреп-

пленные в ст. 24.1 КоАП РФ. Вследствие этого требования, предъявляемые к пределам исследования обстоятельств и фактов, входящих в предмет доказывания, являются общими как на стадии возбуждения дел об административных правонарушениях, так и на других стадиях производства по делам об административных правонарушениях в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы.

Например, в ходе производства по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 19.12 КоАП РФ, должностные лица отдела спецназа обязаны доказать, что действительно была передача (попытка передачи) любым способом лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, запрещенных предметов. Полагаем, что в целях обеспечения законности по делам об административных правонарушениях в деятельности исправительных учреждений и следственных изоляторов ФСИН России подобные запрещенные предметы должны быть зафиксированы в федеральном законе (например, в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации), а не в Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений и следственных изоляторов.

Отметим, что только объективные признаки состава правонарушения влияют на пределы доказывания. Субъективные признаки состава правонарушения, например признание лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, вины в совершении противоправного деяния, не являются основанием для отказа от сбора иных объективных доказательств, поскольку субъективная позиция данного лица не должна влиять на объективность принимаемого по делу постановления о наложении административного наказания.

Пределы доказывания по анализируемым делам в правоохранительной деятельности подразделений спецназа неодинаковы. Это объясняется тем, что составы административных правонарушений, рассмотрение которых отнесено к компетенции учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, различны по своим объективным признакам. Например, доказывание факта неповиновения (физическое сопротивление, нападение, неподчинение) гражданина законному требованию сотрудника подразделения спецназа – это одно, а доказывание реальной передачи любым способом лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, запрещенных предметов, веществ, питания – это уже другое доказательственное содержание предмета и пределов доказывания.

Таким образом, исследуемые компоненты доказывания в правоохранительной деятельности сотрудников подразделений спецназа, выполняющих функции в сфере исполнения уголовных наказаний, ориентируют должностных лиц отдела спецназа в реализации ст. 19.3 и 19.12 КоАП РФ.

На практике должностные лица спецназа редко составляют протоколы по делам об административных правонарушениях, тем не менее такая компетенция у них имеется. При опросе около 65 % сотрудников заявили, что им интересно знать все о доказательствах по конкретным делам. Отметим, что объективность, достаточность и достоверность результатов исследования подтверждается анкетированием около 80 сотрудников подразделений спецназа г. Москвы, Московской, Рязанской и Тульской областей.

Кроме того, результаты опроса показали, что расширить перечень доказательств (например, необходим рапорт сотрудника правоохранительного органа). Об этом высказались 45 % респондентов. Интересно отметить, что многие сотрудники считают,

что нужен перечень доказательств, связанный с применением физической силы, спецсредств и оружия. Об этом заявили более 70 % сотрудников спецподразделений УИС.

С учетом изложенного сделаем следующие выводы:

компоненты доказывания – специфический вид правоохранительной деятельности подразделений специального назначения уголовно-исполнительной системы;

доказывание по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности подразделений спецназа не является приоритетным, однако их сотрудникам необходимо иметь полное представление о доказательствах по административным и иным делам;

требуется законодательно закрепить перечень доказательств применения физической силы, спецсредств и оружия.

Библиографический список

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М. : Мир и образование ; Оникс, 2012. 1376 с.

2. Поникаров В. А., Павлова Л. В., Сенатова Е. В. Институт доказывания по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности исправительных учреждений и следственных изоляторов ФСИН России : монография. М. : Проспект ; Академия ФСИН России, 2017. 144 с.

УДК 343.9

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.490-495

ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ГОРБАНЬ,

кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник

научно-исследовательского отдела научного центра,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: dimas8807@mail.ru;

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА ЕФРЕМОВА,

кандидат юридических наук,
старший преподаватель-методист отдела организации
межвузовской учебно-методической работы,

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: efremova.o-s@yandex.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Для цитирования

Горбань, Д. В. Проблемные вопросы деятельности субъектов профилактики правонарушений и пути их решения / Д. В. Горбань, О. С. Ефремова // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 4. – С. 490–495. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.490-495.

Аннотация. Профилактика правонарушений является одним из приоритетных направлений деятельности нашего государства. Вместе с тем рассматриваемая сфера общественных отношений на сегодняшний день не лишена некоторых проблем, даже после принятия нового и совершенствования действующего законодательства. Эти проблемы касаются правовой регламентации деятельности субъектов профилактики правонарушений. В частности, в научной литературе не утихают споры вокруг перечня субъектов профилактики, который в законодательстве является закрытым и достаточно сжатым. Существуют также недостатки в деятельности отдельных субъектов профилактики правонарушений.

В статье на основе анализа различных точек зрения ученых-криминологов по данному вопросу, а также результатов проведенных исследований предпринята попытка комплексного изучения проблемных вопросов субъектов профилактики правонарушений. Рассмотрено общее понятие субъекта профилактики правонарушений, выделены его признаки. Изложены теоретическая и законодательная классификации субъектов профилактики правонарушений. Проанализированы проблемные вопросы деятельности отдельных субъектов профилактики право-

© Горбань Д. В., Ефремова О. С., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

нарушений: федеральных органов исполнительной власти, органов прокуратуры Российской Федерации, следственных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления. На основании проведенного анализа предлагаются некоторые организационные и правовые меры по совершенствованию деятельности субъектов профилактики правонарушений: усиление роли прокурорского надзора в сфере профилактики правонарушений; корректировка штатного расписания органов Следственного комитета Российской Федерации; принятие межведомственных совместных приказов о взаимодействии Следственного комитета Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации и органов прокуратуры; усиление качества комплексных региональных программ по профилактике преступлений и пр. Предлагается также законодательно закрепить понятие «субъект профилактики правонарушений».

Ключевые слова: предупреждение правонарушений, субъект, правонарушение, региональная преступность, система предупреждения преступлений, региональная программа, силовые министерства.

Одним из важнейших элементов системы профилактики правонарушений является субъект данной деятельности. Без него невозможно себе представить осуществление комплексной деятельности в сфере противодействия преступности.

Обратимся к этимологии слова «субъект». Оно употребляется в различных областях научных знаний, например в психологии, философии, логике, религии и соответственно в каждой из них имеет свое значение. В юридической литературе изучаемое понятие также встречается довольно часто, в том числе в следующих трактовках: «субъект права», «субъект преступления» и др. Содержание указанных понятий сводится к тому, что субъект обладает какими-либо важными признаками, присущими только ему, а также может реализовывать комплекс закрепленных в законе прав и исполнять ряд обязанностей.

Проблеме субъекта предупреждения преступлений в криминологической науке уделяется много внимания. Рассмотрим подходы ученых к понятию «субъект предупреждения преступлений».

Ю. М. Антонян к числу субъектов предупреждения преступлений относит государство (государственные организации), а также все общество. В компетенцию субъектов предупреждения преступлений входит осуществление борьбы с преступностью [1, с. 25].

Субъекты профилактики правонарушений – это органы или учреждения, в обязанности которых входят разработка и реализация мер по профилактике правонарушений.

Г. Г. Смирнов выделяет признаки субъектов предупреждения преступлений:

- необходимость достижения целей предупредительной деятельности при ее осуществлении;
- обладание определенной компетенцией в сфере предупреждения преступлений (права, обязанности, а также ответственность);
- наличие комплексного обеспечения предупредительной деятельности (материального, технического и др.), в том числе криминологического [3, с. 177].

В научной литературе получила широкое освещение теоретическая классификация субъектов профилактической деятельности. Однако необходимо отметить, что наличие теоретической классификации субъектов предупреждения преступлений в регионе

зависит от субъективного мнения и подхода к исследованию того или иного ученого-криминолога.

В связи с наличием большого количества подходов к классификации субъектов предупреждения преступлений в научной литературе считаем наиболее правильной законодательную классификацию субъектов профилактики правонарушений. Она закреплена в ст. 5 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 182-ФЗ).

Перечень субъектов профилактики согласно ст. 5 Федерального закона № 182-ФЗ является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию. Однако данная позиция законодателя ставится под сомнение некоторыми учеными.

С. В. Максимов и Н. В. Валуйсков указывают на необоснованное сужение системы субъектов профилактики правонарушений. В частности, авторы указывают на отсутствие критерия, по которому законодатель сформировал систему субъектов профилактической деятельности [2, с. 158].

По мнению указанных исследователей, в систему субъектов предупреждения преступлений должны быть включены Президент РФ, председатель Совета Безопасности РФ, руководитель Следственного комитета РФ и другие государственные органы и учреждения, а также их должностные лица, организации правоохранительной направленности и граждане. К субъектам профилактики преступлений в научной литературе предлагают относить семью, СМИ, судебные органы и др.

Анализ приведенных выше точек зрения ученых позволяет сделать вывод о необходимости расширения системы субъектов профилактической деятельности путем внесения изменений в ст. 5 Федерального закона № 182-ФЗ с перечислением их в данной статье либо дополнения ее словами: «иные субъекты, если это предусмотрено действующим законодательством РФ».

Перейдем к анализу проблемных вопросов деятельности субъектов профилактики правонарушений с учетом их законодательной классификации.

Федеральные органы исполнительной власти включают в себя структуру органов, реализующих три различные по содержанию функции: правоприменительную, контрольно-надзорную и нормативно-правовую. Структура данных органов определена в одноименном Указе Президента РФ от 21 мая 2012 г. № 636.

В числе федеральных органов исполнительной власти мы можем выделить так называемую группу силовых. К ним относятся МВД России, Минюст России, ФСИН России, ФСБ России и др.

Основные субъекты профилактики правонарушений в данной группе силовых министерств и служб в научной литературе – МВД России и ФСИН России. Деятельность ФСИН России связана с предупреждением преступлений в период отбывания осужденными уголовных наказаний (пенитенциарная преступность). Данная деятельность, несомненно, является очень важной для обеспечения стабильности и безопасности нашего государства.

На основании изложенного мы можем сделать вывод о том, что в структуре федеральных органов исполнительной власти России не все министерства, службы и агентства выполняют функции по профилактике правонарушений. Непосредственную деятельность в данном направлении осуществляют так называемые силовые министерства и ведомства, в числе которых МВД России и ФСИН России.

Считаем необходимым указать в ст. 5 Федерального закона № 182-ФЗ министерства, агентства и службы, непосредственно участвующие в деятельности по предупреждению преступлений, а не все федеральные органы исполнительной власти. Для этого предлагаем внести соответствующие изменения в названную статью Федерального закона.

Органы прокуратуры составляют централизованную систему, каждый элемент которой осуществляет надзор за соблюдением действующего законодательства, в том числе в сфере профилактики правонарушений (ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре»).

Важное профилактическое значение оказывают региональные органы прокуратуры. Прокуратура субъектов РФ – это так называемая прокуратура второго звена по сравнению с центральным аппаратом прокуратуры РФ.

При осуществлении профилактики правонарушений органы прокуратуры РФ и субъектов РФ применяют следующие формы: надзор, координация, информирование.

На сегодняшний день прокурорский надзор за профилактикой правонарушений требует усиления по некоторым из направлений. Данная позиция также подтверждается учеными-криминологами.

Практически повсеместно должностными лицами органов прокуратуры отмечаются недостатки в профилактической работе участковых уполномоченных полиции. Данные недостатки касаются в том числе осуществления участковыми индивидуальной профилактической работы.

Отдельным направлением деятельности в сфере прокурорского надзора выступает надзор за реализацией Федерального закона от 6 апреля 2014 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» со стороны участковых уполномоченных полиции.

На сегодняшний день к приоритетным направлениям прокурорского надзора в сфере профилактики правонарушений мы можем отнести:

- осуществление надзора за освоением бюджетных средств в рамках реализации комплексных региональных программ профилактики правонарушений;

- осуществление надзора за деятельностью следственных органов и органов дознания по отдельным видам преступлений: экстремизм, незаконный оборот наркотиков, преступность несовершеннолетних, легализация преступных доходов и др.

В сфере совершенствования прокурорского надзора за деятельностью по профилактике правонарушений, по нашему мнению, необходима реализация следующих мероприятий:

- координация деятельности субъектов профилактики правонарушений;
- повышение уровня межведомственного взаимодействия;
- усиление координационной, надзорной и информационно-аналитической работы органов прокуратуры;

- принятие, совершенствование и приведение в соответствие с федеральным законодательством региональных законов «О профилактике правонарушений» и межведомственных совместных приказов в указанной сфере общественных отношений.

Следственные органы Следственного комитета Российской Федерации являются федеральными органами, которые осуществляют полномочия в сфере уголовного судопроизводства (ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»).

Следственный комитет имеет трехуровневую структуру: центральный аппарат; региональные следственные управления; межрайонные следственные отделы и отделения в районах и городах.

Основные задачи следственных органов на сегодняшний день – профилактика преступлений, а также оперативное и качественное расследование уголовных дел. Кроме того, особое значение придается профилактике преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних. Следственный комитет Российской Федерации также расследует и пресекает преступления коррупционной направленности, а также некоторые резонансные преступления.

Все указанные направления работы Следственного комитета РФ, несомненно, относятся и к предупредительной деятельности его подразделений в регионах России.

Тем не менее ряд исследователей отмечают организационные и правовые проблемы в деятельности Следственного комитета Российской Федерации. В частности, они касаются нормативно-правового регулирования деятельности Следственного комитета Российской Федерации: в его структуре отсутствуют подразделения, осуществляющие оперативно-розыскные мероприятия.

В научной литературе обозначается проблема взаимодействия органов Следственного комитета РФ с оперативными органами МВД России, а также с органами прокуратуры.

Первую из указанных проблем деятельности Следственного комитета РФ можно решить путем корректировки его штатного расписания, а также внесения изменений в ст. 13 «Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность» Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Вторую обозначенную проблему необходимо решать с помощью принятия межведомственных совместных приказов о взаимодействии Следственного комитета РФ, МВД России и органов прокуратуры.

Полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления закреплены в ст. 11 Федерального закона № 182-ФЗ.

В сфере профилактики правонарушений органы государственной власти субъектов Российской Федерации разрабатывают специализированные региональные комплексные программы по профилактике правонарушений, которые наиболее действенны и эффективны, так как принимаются на местах с учетом особенностей преступности того или иного региона России.

Закрывают перечень субъектов профилактической деятельности органы местного самоуправления, имеющие широкие полномочия в сфере предупреждения региональной преступности.

Согласно положениям действующего федерального законодательства органы местного самоуправления разрабатывают, а также утверждают региональные комплексные программы по профилактике правонарушений.

В научной литературе отмечается ряд существенных недостатков в данных видах программ. В частности, они не учитывают специфику преступности на территории региона, содержат мероприятия общего характера и др.

Рассмотрев проблемные вопросы деятельности субъектов профилактики правонарушений, мы можем сделать следующие выводы:

– в научной литературе содержатся различные подходы к понятию «субъект предупреждения преступлений». В Федеральном законе № 182-ФЗ отсутствует данное понятие, что, несомненно, является пробелом и требует его восполнения. В литературе также отмечается большое количество подходов к классификации субъектов РФ по различ-

ным основаниям. По нашему мнению, в данном вопросе необходимо придерживаться законодательной классификации субъектов профилактики правонарушений, несмотря на то что она подвергается научной критике. Законодательная классификация субъектов профилактики правонарушений требует конкретизации и расширения;

– в сфере совершенствования деятельности субъектов профилактики правонарушений нами предлагаются следующие организационные и правовые меры:

внесение изменений в ст. 5 Федерального закона № 182-ФЗ с указанием в ней только министерств, агентств и служб, непосредственно участвующих в деятельности по предупреждению преступлений, а не всех федеральных органов исполнительной власти РФ;

усиление роли прокурорского надзора в сфере профилактики правонарушений (координация деятельности субъектов профилактики правонарушений и др.);

корректировка штатного расписания органов Следственного комитета РФ, а также внесение соответствующих изменений в ст. 13 «Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность»;

принятие межведомственных совместных приказов о взаимодействии Следственного комитета Российской Федерации, МВД России и органов прокуратуры;

усиление качества комплексных региональных программ по профилактике преступлений, которые в своем содержании должны учитывать специфику преступности на территории региона, а также актуальные направления, меры и способы противодействия преступности.

Библиографический список

1. Антонян Ю. М. Общая концепция предупреждения преступности // Человек: преступление и наказание. 2013. № 3. С. 21–29.
2. Максимов С. В., Валуйсков Н. В. Законодательная новелла о профилактике правонарушений // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 6. С. 150–165.
3. Смирнов Г. Г. Проблемы развития и реализации криминологического учения о предупреждении преступности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 380 с.

УДК 338.2:343.8

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.496-503

ИЛЬЯ НИКОЛАЕВИЧ ЧЕРНЫШОВ,

кандидат экономических наук,

доцент кафедры экономики и менеджмента,

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,

e-mail: ilya_4@mail.ru

ПЛАНИРОВАНИЕ ПОТРЕБНОСТИ В ПЕРСОНАЛЕ УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: ПОИСК ЭФФЕКТИВНЫХ МЕТОДОВ

Для цитирования

Чернышов, И. Н. Планирование потребности в персонале учреждений уголовно-исполнительной системы: поиск эффективных методов / И. Н. Чернышов // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 4. – С. 496–503. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.496-503.

Аннотация. В статье рассматривается проблема эффективности использования традиционных методов планирования численности персонала учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. В частности, подвергается анализу возможность использования широко распространенного метода планирования персонала на основе нормативной трудоемкости выполняемых работ. Выделяются три основных фактора, ограничивающих применение данного метода: 1) сложность определения, категоризации и систематизации действий и процедур, выполняемых руководителями и исполнителями, в условиях динамичных изменений внутренней и внешней среды; 2) низкая точность определения нормативной трудоемкости работ с помощью традиционных методов; 3) широкая вариативность условий реализации трудовых функций в связи с конкретными различиями в квалификации исполнителей и руководителей, технической оснащенности, доступе к информационным ресурсам и другим объектам инфраструктуры. Указанные причины обуславливают проблемы эффективной адаптации разрабатываемых типовых штатных расписаний к конкретным условиям функционирования учреждений уголовно-исполнительной системы. В качестве направления совершенствования методологии планирования потребности в персонале предлагается построение системы нормирования труда, основанное на взаимодействии множества параметров организации трудовой деятельности: затрат и результатов труда, соотношений численности различных категорий персонала, условий труда, сложности труда и оплаты труда. Подобное усложнение позволяет реализовать системный подход в аспекте планирования деятельности учреждений на основе целей, организационной структуры управления, а также специфики функционирования вхо-

© Чернышов И. Н., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

дящих в учреждение структурных подразделений. В конечном итоге дополнительные временные, трудовые и информационные затраты на построение стройной системы нормирования обеспечат переход от жестких моделей к более гибким и адаптивным моделям штатных расписаний, что позволит более точно оценивать потребности учреждений уголовно-исполнительной системы в персонале.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, организационно-штатная работа, нормирование труда, планирование персонала, трудоемкость.

Значение норм в процессе организации и управления деятельностью учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (УИС) обуславливается тем, что они являются базой для установления объема и структуры ресурсов, необходимых для достижения запланированных целей функционирования. Кроме того, научная обоснованность качественных и количественных параметров располагаемых ресурсов является необходимым условием построения действенной, справедливой и эффективной системы мотивации трудовых коллективов к достижению целей и задач, поставленных перед учреждениями и органами УИС.

Вопросам нормирования численности персонала учреждений и органов УИС с учетом специфики осуществляемой деятельности традиционно уделяется значительное внимание как со стороны руководителей различных уровней, так и со стороны научного сообщества. В качестве предмета исследований, помимо общих проблем теории и практики нормирования труда [1] и организации организационно-штатной работы [2, 3], выступают методические аспекты нормирования численности персонала [4, 5].

Одним из традиционных и достаточно распространенных методов планирования численности персонала является расчет на основе определения трудоемкости работ.

Классическая формула, используемая при планировании численности персонала, выглядит следующим образом [6]:

$$Ч_{ci} = \frac{T_i}{ФРВ}; \quad (1)$$

где $Ч_{ci}$ – планируемая потребность в сотрудниках i -й категории в течение года, чел.; T_i – плановая трудоемкость работ, выполняемая (подлежащая выполнению) сотрудниками i -й категории в течение года, норма-час; ФРВ – эффективный фонд рабочего времени одного сотрудника в течение года, час.

В свою очередь, плановая трудоемкость работ может укрупненно определяться по следующей формуле:

$$T_i = \sum^n m_i \cdot t_i; \quad (2)$$

где m_i – усредненное количество выполняемых действий (процедур) в рамках i -го вида работ за планируемый год; t_i – плановая трудоемкость одного выполняемого действия (процедуры) в рамках i -го вида работ, норма-час; $i = [1; n]$ – перечень выполняемых сотрудником в течение года действий (процедур) в пределах зоны функциональной ответственности.

Исходя из особенностей трудового процесса плановая трудоемкость может корректироваться на поправочные коэффициенты (например, коэффициент выполнения норм, коэффициент, учитывающий условия труда, коэффициент, учитывающий затраты времени на дополнительные работы, коэффициент пересчета списочной численности персонала в явочную и пр.) [7].

В свою очередь, эффективный фонд рабочего времени одного сотрудника рассчитывается исходя из производственного календаря на планируемый год, установленного в учреждении внутреннего трудового распорядка, особенностей режима труда и отдыха (согласно приказу ФСИН России от 26 сентября 2013 г. № 533 «Об особенностях режима рабочего времени и времени отдыха сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы»), продолжительности рабочей смены и графика сменности, продолжительности ежегодного оплачиваемого отпуска, а также отвлечений от основной деятельности по различным причинам (первоначальная подготовка, переподготовка и повышение квалификации, общественная и служебно-боевая подготовка, ежегодная диспансеризация и пр.).

Кроме того, в определенной степени эффективен и межведомственный (межотраслевой) подход к решению данного вопроса, основанный на сопоставлении оперативно-служебных функций отдельных структурных подразделений и должностных лиц, выполняющих схожие трудовые функции в пределах учреждений, подведомственных различным министерствам (федеральным службам). Данный подход в хозяйственной практике известен как бенчмаркинг – сравнительный метод, основанный на сопоставлении ключевых параметров функционирования компаний с конкурентами или типовыми представителями рыночного сегмента [8].

Однако нормирование численности персонала по различным категориям на основе прямых расчетов трудоемкости работ, а также с учетом межотраслевых сопоставлений в современных условиях хозяйствования становится все более ограниченным (как в теоретическом, так и в конкретно-практическом аспекте) методом планирования потребности в персонале.

Перечислим основные причины, которые позволили автору прийти к следующему:

1) в современных условиях организации деятельности сложной и чрезвычайно трудоемкой задачей выступает определение, категоризация и систематизация действий и процедур, выполняемых исполнителями, специалистами и руководителями всех уровней в процессе их трудовой и управленческой деятельности с учетом отдельных пробелов действующей системы нормативно-правовой и организационной регламентации;

2) определение трудоемкости действий и процедур, выполняемых в рамках реализации трудовых функций, с помощью традиционных методов (расчетно-аналитических, исследовательских, опытно-статистических) имеет крайне низкую точность и практическую невозможность распространения на всю генеральную совокупность идентичных рабочих мест, на которых осуществляется схожая по содержанию деятельность;

3) многие трудовые функции, реализуемые сотрудниками учреждений, в связи с разной технической оснащенностью, квалификацией исполнителей и руководителей, различиями в доступе к информационно-коммуникационным сетям, со спецификой организационной культуры [9], а также с территориальными, природно-климатическими и инфраструктурными различиями могут выполняться с помощью различных действий и процедур, которые, в свою очередь, могут значительно различаться по своей трудоемкости.

Таким образом, вся система расчетов нормативов численности, базирующаяся на определении трудоемкости отдельных действий и процедур, может давать значительные

вариации результатов, не позволяющие с необходимым уровнем достоверности применить полученные значения норм численности сотрудников конкретных профессионально-квалификационных групп при разработке проектов штатных расписаний конкретных учреждений УИС. Различия в нормах численности могут создавать предпосылки для возникновения такой серьезной проблемы, как искусственное завышение штатной численности учреждений без увеличения объемов работы или обеспечения дополнительных функций и полномочий (пп. 21–23 Инструкции по организационно-штатной работе в учреждениях и органах УИС, утвержденной приказом ФСИН России от 21 июня 2010 г. № 276).

Конкретный вопрос определения норм численности отдельных категорий персонала в современных условиях хозяйствования становится более сложным с организационно-методической точки зрения и затрагивает учет множества взаимодействий и взаимовлияний в системе норм труда. Необходимо представлять масштабность процесса нормирования, обусловленного разнообразием системы норм труда (рис. 1).

Нормирование труда – это основа для построения рациональной системы организации труда. Данный вывод следует из того, что суть подобных систем – сопоставление фактических затрат ресурсов с их нормативными значениями, а также последующий комплексный анализ причин возникающих отклонений, поэтому определение объективных норм численности возможно лишь при условии функционирования в масштабах всей управленческой системы определенного уровня рациональной системы нормирования труда, основанной на правильном расчете и взаимосвязи всех блоков норм труда, норм затрат и результатов труда, норм соотношений численности различных категорий персонала, норм условий труда, норм сложности труда и норм оплаты труда.

В соответствии со ст. 160 Трудового кодекса Российской Федерации нормы труда устанавливаются в соответствии с достигнутым уровнем техники, технологии, организации производства и труда. К факторам, оказывающим непосредственное влияние на норму труда, следует отнести уровень технического развития, применяемые технологии, специфику организации деятельности, а также специфику организации труда (уровень разделения и кооперации труда, организация и обслуживание рабочих мест, режим труда и отдыха, дисциплина труда, мотивация труда и пр.). Все эти факторы в полной мере оказывают влияние на деятельность учреждений и органов УИС. Кроме того, невозможно рассматривать вопросы нормирования численности без учета действующей организационной структуры управления, которая, в свою очередь, определяет такие важнейшие параметры, как нормы управляемости.

Одной из важных инструментальных проблем на этапе установления норм традиционно является наиболее полный учет взаимозависимости и взаимовлияния характеристик осуществляемой деятельности и структуры используемых ресурсов. Так, сокращение трудоемкости работ может быть достигнуто в результате повышения уровня механизации и автоматизации процессов, совершенствования режимов обработки, что напрямую связано с повышением инвестиционных затрат. Решение альтернативной проблемы, например, сокращение материальных и энергетических затрат в ходе осуществления деятельности, напротив, может быть связано с повышением затрат живого труда и соответствующим ростом доли указанного элемента затрат в общей структуре. Выходом из ситуации в теории считается установление норм на уровне, соответствующем минимальному значению совокупных затрат на все виды используемых ресурсов, необходимых для осуществления деятельности в рамках достижения целей функционирования.

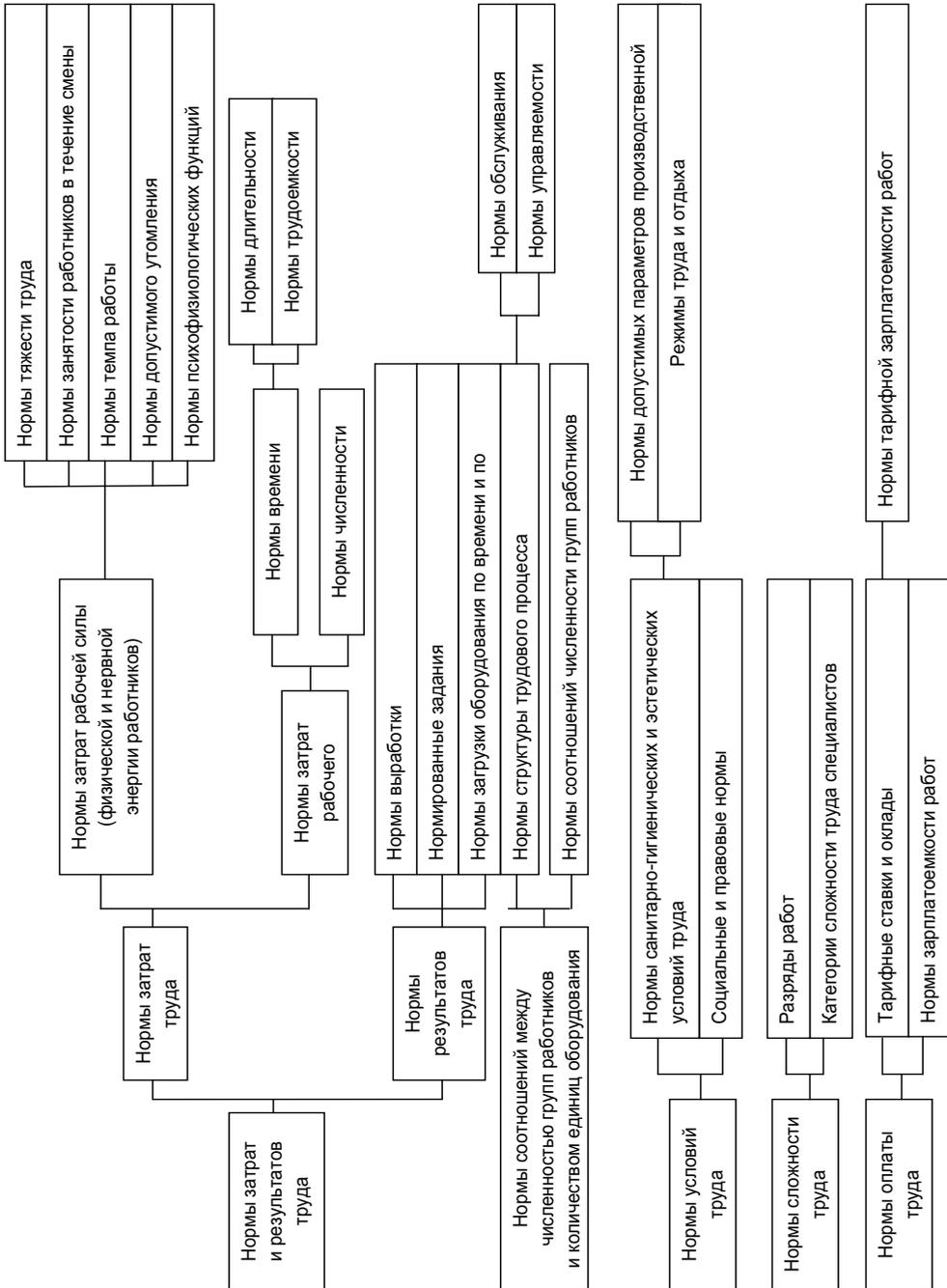

Рис. 1. Структура норм труда по содержанию *Источник:* [7, с. 550]

При этом минимизация затрат должна осуществляться в пределах системы ограничений, объективно обусловленных технико-технологическими, психофизиологическими, социальными, организационными, экологическими и другими факторами [6].

На сегодняшний день учреждения и органы УИС нуждаются в эффективной системе нормирования труда, которая будет отвечать сложившимся условиям организации деятельности. При этом следует осуществить сознательный и рациональный выбор той базы, на которой будет осуществляться построение указанной системы. Следует также детально проанализировать, в какой мере при существующих организационно-технических и социально-экономических условиях функционирования учреждений УИС возможно использовать как основу типовые нормы труда.

В качестве типового алгоритма разработки норм труда можно привести схему, представленную на рисунке 2. Она адаптирована на основе плана разработки типовых норм труда, приведенного в п. 5 Методических рекомендаций для федеральных органов исполнительной власти по разработке типовых отраслевых норм труда (утверждены приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 31 мая 2013 г. № 235 «Об утверждении Методических рекомендаций для федеральных органов исполнительной власти по разработке типовых отраслевых норм труда»). При определении норм труда рекомендуется проводить анализ имеющихся типовых норм труда и соотнесение их с фактическими организационно-техническими условиями выполнения технологических (трудовых) процессов. При этом в п. 13 Методических рекомендаций дается конкретное указание: «При определении норм труда в учреждении на основе типовых норм труда используются комплексно обоснованные нормы затрат труда, установленные для однородных работ, применительно к типовым технологическим (трудовым) процессам и *типовым организационно-техническим условиям их выполнения в соответствующей отрасли экономики*» (курсив наш. – И. Ч.). Только при совпадении с ними организационно-технических условий выполнения технологических (трудовых) процессов в учреждении рекомендуется использовать типовые нормы труда. Аналогичное решение рекомендуется принимать, если имеющиеся различия организационно-технических условий выполнения технологических (трудовых) процессов не могут существенно повлиять на норму труда.

Возвращаясь от общих вопросов организации рациональной системы нормирования труда к конкретным проблемам планирования штатной численности сотрудников отдельных видов учреждений УИС, следует сделать некоторые выводы. Их решение невозможно без осознания существующих организационных и методологических сложностей в нормировании персонала.

По нашему мнению, следует уйти от традиционного подхода к нормированию численности сотрудников на основе определения трудоемкости отдельных видов работ в направлении более широкого и системного взгляда на вопросы определения нормативов штатной численности с учетом целей, задач и специфики функционирования учреждений, детального анализа преобразований их организационной структуры и штатного расписания, а также специфики деятельности входящих в учреждения структурных подразделений.

Подобный расширенный подход к вопросу определения потребности в персонале учреждений УИС влечет за собой дополнительные трудовые, информационные и временные затраты. Однако в случае достижения запланированных результатов возможно определить более обоснованные параметры организации их деятельности.

Рис. 2. Типовой алгоритм разработки норм труда

Источник: Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 31 мая 2013 г. № 235 «Об утверждении Методических рекомендаций для федеральных органов исполнительной власти по разработке типовых отраслевых норм труда»

Библиографический список

1. Погудин О. А. Нормирование труда на предприятиях УИС: пережиток прошлого или насущная необходимость? // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2001. № 6. С. 25–27.

2. Огородников В. И., Долинин А. Ю. Понятие, сущность, принципы организационно-штатной работы в УИС и ее место в реализации государственной кадровой политики // Человек: преступление и наказание. 2006. № 1. С. 46–50.

3. Долинин А. Ю., Брыков Д. А. Организационно-правовые аспекты сокращения штата и численности в уголовно-исполнительной системе // Человек: преступление и наказание. 2015. № 2(89). С. 61–66.

4. Шебураков И. Методики нормирования численности служащих // Государственная служба. 2015. № 2(94). С. 63–66.

5. Долинин А. Ю. Теоретико-прикладные аспекты определения штатной численности сотрудников уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 2(20). С. 30–34.

6. Генкин Б. М. Оптимизация норм труда. М. : Экономика, 1982. 200 с.

7. Экономика персонала : учебник / Р. П. Колосова [и др.]. М. : ИНФРА-М, 2009. 896 с.

8. Позолотина Е. И. Сравнение методов нормирования труда // Human Progress. 2015. Т. 1, № 1. С. 48–59.

9. Шамсунов С. Х., Пещеров Г. И. Управленческая культура учреждений и органов уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26(1–4), № 2. С. 162–167.

УДК 343.77

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.504-509

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ВАСИЛЬЕВА,

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики,
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: mvd-ecology@mail.ru;

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЗУБЕНКО,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры управления органами расследования преступлений,
Академия управления МВД России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: zubenko1978@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ПОДЛЕЖАЩИХ ДОКАЗЫВАНИЮ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧЕ ВОДНЫХ БИОРЕСУРСОВ И РУБКЕ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ

Для цитирования

Васильева, М. А. К вопросу об установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам о незаконной добыче водных биоресурсов и рубке лесных насаждений / М. А. Васильева, Е. В. Зубенко // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 4. – С. 504–509. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.504-509.

Аннотация. В статье раскрываются особенности установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам о незаконной добыче водных биоресурсов и рубке лесных насаждений. Данные преступления характеризуются схожими чертами в событии преступления. Предлагается классификация рассматриваемых преступлений по целям их совершения: для самостоятельного пользования добытыми ресурсами; дальнейшей реализации внутри страны; дальнейшей реализации за пределы Российской Федерации. Дается описание каждому виду представленной характеристики, уделяется внимание способам совершения преступлений и личности преступников. Так, лица, совершающие рассматриваемые преступления для самостоятельного пользования добытыми ресурсами, являются жителями сел, деревень, поселков, расположенных в районе нахождения водного или лесного объекта, имеют образование до среднего (среднего специального), являются низкоквалифицированными специалистами, не трудоустроены. Орудиями и средствами совершения преступлений могут быть ручные пилы, топоры, гужевой транспорт;

© Васильева М. А., Зубенко Е. В., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

водные биоресурсы добывают при помощи сетей, весельных либо моторных лодок (реже); древесина используется в качестве сырья для отопления, постройки и ремонта жилья и хозяйственных сооружений; водные биоресурсы употребляются в пищу, а также используются для штучной продажи. Незаконная добыча водных биоресурсов и рубка лесных насаждений для дальнейшей реализации внутри страны осуществляется преступными группами, состоящими: из организаторов (не более 3–5 человек, включая представителя легального бизнеса в сфере перевозок, должностное лицо правоохранительных органов); исполнителей (могут быть поделены на несколько бригад численностью от 5 до 10–12 человек); лиц, занимающихся охраной добытых предметов и их обработкой; лиц, осуществляющих транспортировку ресурсов. Для третьего вида преступлений характерно присутствие среди организаторов иностранных граждан той страны, куда экспортируется ресурс; предмет преступного посягательства обладает высоким качеством и избирателен (краснокнижные животные, высокосортные древесные породы); ресурсы транспортируются в большом объеме, что требует их хранения и переработки; перевозка осуществляется либо открыто под видом легального груза, либо тайно (в пустотах транспортного средства или под видом незапрещенного товара). Указывается на то, что с точки зрения полноты и достаточности сбора, проверки и оценки доказательств по установлению наличия события рассматриваемых преступлений и виновности лиц, их совершивших, необходимо делать акцент на исследуемых в статье аспектах обстоятельств, подлежащих доказыванию, в том числе касающихся механизма совершения незаконной добычи водных биоресурсов и рубки лесных насаждений. Предлагается, используя информацию об указанной типологии видов совершаемых экологических преступлений, выдвигать следственные версии и осуществлять планирование расследования для повышения его качества и оперативности.

Ключевые слова: незаконная добыча водных биоресурсов, незаконная рубка лесных насаждений, обстоятельства, подлежащие доказыванию, расследование, древесина, рыба, личность преступника, механизм преступления.

Объектом уголовного процесса в широком смысле является преступная деятельность, которая пресекается и карается в уголовно-процессуальном порядке. Обладая знаниями о закономерностях действий лиц, совершающих преступления, органы расследования могут обнаруживать следы такой деятельности и в конечном счете устанавливать преступников и их виновность в совершении преступлений.

По нашему мнению, имеются специфические преступления, которые обладают определенными схожими чертами в его событии (время, место, способ их совершения – ст. 74 УПК РФ). Остановимся на двух преступлениях, представляющих серьезную общественную опасность по которым установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, вызывает определенные трудности в правоприменительной деятельности: незаконный вылов (добыча) водных биологических ресурсов и незаконная рубка лесных насаждений. Объектом этих преступлений в своем сущностно-глобальном плане (видовой объект) выступает экологическая безопасность Российской Федерации, а также ее ресурсная составляющая.

Войны XIX и XX веков, по большому счету, были продиктованы борьбой за ресурсы. Такую же ситуацию мы видим и теперь в Ираке, Ливии, Сирии и других странах, где происходили и происходят военные действия, одной из причин которых является борьба за право обладания углеводородными ресурсами. Биологические и лесные запасы не менее ценны, чем углеводороды, поэтому в этом случае также идет противостояние, которое не так ярко выражено в виде открытой войны.

Наша страна богата водными биоресурсами и лесом. Основные объемы этого достояния сосредоточены в Сибири (лес) [2], а также на Дальнем Востоке (лес, водные ресурсы) [2, 3]. Указанные регионы, особенно Дальневосточный, граничат с Китайской Народной Республикой, являющейся, по многим экспертным оценкам, второй экономикой в мире по номинальному значению валового внутреннего продукта [1], в связи с чем требующей для развития и поддержания своего экономического уровня обозначенных выше жизненно необходимых ей ресурсов.

Рассмотренная ситуация детерминирует спрос на древесину, рыбу, млекопитающих не только на нашем внутреннем рынке, но и за рубежом [8]. Этим пользуются преступные элементы, действуя по известному закону экономики «спрос рождает предложение», создавая и модернизируя методы совершения экологических преступлений, благодаря чему раскрываемость данной категории преступлений лишь немного превышает половину (50,3 %) (форма «4-Е» (723) за январь – декабрь 2018 г. ГИАЦ МВД России). Экологические преступления наносят существенный ущерб нашему государству, но другим странам приносят обогащение и экономическую стабильность.

Вопросы охраны окружающей среды, защиты отдельных природных ресурсов исследовались специалистами разных юридических наук [4, 5, 6, 7], но низкие показатели раскрываемости и стабильно высокие показатели регистрации сообщений о совершении этих преступлений (с 2014 по 2018 год совершено более 120 тыс. экологических преступлений, зарегистрированных в Российской Федерации различными правоохранительными органами) (Сводный отчет по России «Единый отчет о преступности» за январь – декабрь 2014 г., форма «1-ЕГС» (491), кн. 1; Сводный отчет по России «Единый отчет о преступности» за январь – декабрь 2015 г., форма «1-ЕГС» (491), кн. 1; Сводный отчет по России «Единый отчет о преступности» за январь – декабрь 2016 г., форма «1-ЕГС» (491), кн. 1; Сводный отчет по России «Единый отчет о преступности» за январь – декабрь 2017 г., форма «1-ЕГС» (491), кн. 1; Сводный отчет по России «Единый отчет о преступности» за январь – декабрь 2018 г., форма «1-ЕГС» (491), кн. 1) актуализируют продолжение научных разработок и их активное внедрение в практическую деятельность.

Считаем значимой классификацию рассматриваемой категории преступлений по целям их совершения, которая условно может быть представлена в следующем виде:

- 1) экологические преступления, совершаемые для самостоятельного пользования добытыми ресурсами;
- 2) экологические преступления, совершаемые для дальнейшей реализации внутри страны;
- 3) экологические преступления, совершаемые для дальнейшей реализации за пределы Российской Федерации.

Для первого вида характерны следующие обстоятельства преступления. Как правило, они совершаются жителями сел, деревень, поселков, проживающими в районе нахождения водного или лесного объекта. Лица, занимающиеся преступной деятельностью, имеют образование до среднего (среднего специального), являются низкоквалифицированными специалистами без постоянного источника доходов (нетрудоустрада-

ивающиеся либо потерявшие работу), часто характеризуются как злоупотребляющие спиртными напитками, допускающие административные правонарушения, в том числе на почве хулиганских побуждений, в некоторых ситуациях совершают экологические преступления, граничащие по незначительности ущерба с административными правонарушениями в силу незнания норм закона и соответственно неосведомленности о наличии наказания в уголовном порядке за их нарушения.

Орудия и средства совершения преступлений не обладают высокой степенью технологичности, основываются не на автоматизированном, а на механическом способе применения. Так, для заготовки древесины применяются ручные пилы, топоры, гужевого транспорт. Водные биоресурсы добывают при помощи сетей, весельных либо моторных лодок (реже).

Древесина используется в качестве сырья для отопления в осенне-зимне-весенний период, постройки и ремонта жилья и хозяйственных сооружений, облагораживания придомовой территории, для поштучной продажи в небольшом объеме, заготавливается она по мере надобности, но чаще всего в сентябре, октябре.

Приведем характерный для обозначенной группы экологических преступлений пример из следственной практики. Так, Уссурийским районным судом (приговор № 1-779/2018 Уссурийского районного суда Приморского края) в отношении гр. К. вынесен приговор в связи с совершением им незаконной рубки семи берез, которые он высадил несколько лет назад перед своим домом с декоративной целью, но в осенне-зимний период решил их срубить для отопления дома, не осознавая, что таким образом причиняет ущерб окружающей среде и государству. О его противоправном поступке соседи сообщили в правоохранительные органы.

Водные биоресурсы употребляются в пищу лицом, их выловившим, и его семьей, а также реализуются ограниченному кругу лиц (родственники, знакомые, соседи).

Место совершения преступления в этих случаях часто совпадает с районом места их проживания, обычно удаленным от промышленных центров, где присутствует слабая инфраструктура, неблагоприятные жилищно-бытовые условия, не развита материально-техническая оснащенность.

Действия, связанные с сокрытием преступлений, примитивны и минимальны, о преступной деятельности известно значительному кругу лиц, проживающих совместно (либо по соседству) с данными лицами. Преступления совершаются систематически, по мере необходимости получения ресурсов, но объемы преступной деятельности незначительны по сравнению с другими видами, которые мы рассмотрим ниже.

Механизм совершения второго вида преступлений более сложен и представляет собой организованную деятельность (вовлечено значительное количество участников), характеризующуюся признаками коррупции, преступного нарушения должностных инструкций. Действия лиц носят профессиональный характер, наличествует вовлеченность представителей правоохранительных органов. Добытое в качестве предмета преступного посягательства реализуется на внутреннем рынке России, в первую очередь в центральных регионах.

Исходя из анализа изученных материалов уголовных дел (проанализировано 157 материалов уголовных дел, расследованных и рассмотренных в Дальневосточном, Сибирском и Северо-Западном федеральных округах) можно выделить следующую структуру участников преступной группы этого вида и характер их действий.

1. Организаторы преступного сообщества, не более 3–5 человек, включая представителя легального бизнеса в данной сфере, должностное лицо правоохранительных органов (представитель МВД России, прокуратуры и пр.).

2. Основная часть группы – исполнители. Могут быть поделены на несколько бригад численностью от 5 до 10–12 человек. Их набирают из числа жителей региона добычи ресурсов. Лица занимаются непосредственной добычей ресурсов. Ими используются высокотехнологичные орудия и средства добычи: моторные катера, аквалангистское снаряжение, сети-ловушки для водных биоресурсов; погрузчики, трактора, лесовозы и другие орудия для незаконной рубки лесных насаждений.

3. Лица, в обязанности которых входит охрана добытых предметов и их обработка. В зависимости от объемов заготавливаемой продукции используется от 3 до 6 человек. Ими могут быть местные жители, как граждане России, так и иностранцы.

4. Лица, занимающиеся транспортировкой ресурсов. Они перевозят груз под видом легальных перевозок. Как правило, используется специализированный перевозочный транспорт компании одного из организаторов преступной группы, открытый бизнес которого связан с перевозками.

Преступления третьего вида совершаются при активном участии представителей зарубежных стран, в том числе в составе преступных сообществ, носят ярко выраженный транснациональный характер. Рынки сбыта наиболее часто расположены в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, реже в странах Европы.

Исходя из анализа изученных материалов уголовных дел можно выделить следующую структуру участников преступного сообщества и характер их действий (проанализировано 73 материала уголовных дел, расследованных и рассмотренных в Дальневосточном, Сибирском и Северо-Западном федеральных округах). Она в целом схожа с представленной по второму виду, но среди организаторов преступного сообщества обычно присутствует иностранный гражданин (гражданин) государства, куда экспортируется ресурс; представитель легального бизнеса в сфере зарубежных перевозок; должностное лицо правоохранительных органов (МВД России, таможни и пр.). Предмет преступного посягательства в этом случае обладает высоким качеством и избирателен (отличен) в сравнении с рассмотренными при описании первых двух видов преступлений (краснокнижные животные, высокосортные древесные породы). Ресурсы транспортируются в большом объеме, что требует их хранения и переработки. Для водных биоресурсов необходимо наличие промышленных морозильных камер, для обработки – сушильные устройства (например, для дальневосточного трепанга), цеха по разделке рыбы и пр. (например, при сокрытии возможности установления ценных пород рыбы удаляется голова, плавники, хвост, остается тушка), для древесины – складские помещения; лесопилки в случае обработки. Перевозка осуществляется либо открыто под видом легального груза, либо тайно (в пустотах транспортного средства или под видом незапрещенного товара).

Взаимодействие со странами, куда незаконно перемещаются добытые ресурсы, находится не на должном уровне. Одной из причин отсутствия наступательности и заинтересованности в пресечении действий международных организованных преступных групп (сообществ) со стороны иностранных государств, по нашему мнению, являются экономические обстоятельства.

Соседним государствам выгодно приобретать таким способом богатства нашей страны, для этого в том же Китае на приграничных территориях выстроена целая инфраструктура по приему биологических и лесных ресурсов из России. При этом практически

все доходы от рассматриваемых преступных действий включаются в экономику иностранных государств. Часть средств аккумулируется в теневой экономике нашей страны.

Мы полагаем, что затронутые в статье некоторые аспекты обстоятельств, подлежащих доказыванию, в том числе связанные с механизмом совершения незаконной добычи водных биоресурсов и незаконной рубки лесных насаждений, имеют важное значение с точки зрения полноты и достаточности сбора, проверки и оценки доказательств для установления наличия события рассматриваемых преступлений и виновности лиц, их совершивших. Используя информацию о рассмотренной в статье типологии видов совершаемых экологических преступлений против лесных насаждений и водных биологических ресурсов, характеристике личности преступников, способах реализации форм соучастия, механизме совершаемых преступлений, можно на основе имеющейся информации о предмете преступного деяния, его качестве и объеме выдвигать следственные версии, учитывая вероятность вхождения в состав преступной группы (преступного сообщества) иностранных граждан, а также осуществлять планирование расследования для повышения его качества и оперативности.

Библиографический список

1. Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. 2019. № 41. URL : <http://ac.gov.ru/files/publication/a/20868.pdf> (дата обращения: 15.09.2019).
2. Общая площадь земель лесного фонда. Федеральное агентство лесного хозяйства. URL : <https://roslesinforg.ru/atlas> (дата обращения: 28.09.2019).
3. Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. Дальневосточный федеральный округ. Водные ресурсы. URL : <https://gosdoklad-ecology.ru/2017/subjects/dfo> (дата обращения: 10.10.2019).
4. Булгакова М. А. Методология сбалансированного ведения лесного хозяйства в интересах сохранения биосферного равновесия : монография. М., 2019. 168 с.
5. Бессонов А. А. Расследование незаконной добычи рыбных ресурсов : учеб. пособие. М. : Юрлитинформ, 2015. 197 с.
6. Гармаев Ю. П. Эколого-правовое просвещение как инновационная технология в образовании и правоприменении // Национальная безопасность в экологической сфере: проблемы теории и практики : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2017. С. 72–80.
7. Лапшин В. Ф. Правила построения санкций норм об ответственности за отдельные преступления, посягающие на государственные интересы в сельскохозяйственном секторе экономики // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25. № 4. С. 522–526.
8. Давыдов А. А., Макрицкая Е. Д. Уголовно-процессуальные основы международного взаимодействия при расследовании трансграничных экологических преступлений // Exhgis: правовые исследования. 2017. № 3. С. 16–19.

УДК 343.161

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.510-519

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ПРЫСЬ,
кандидат юридических наук, профессор,
профессор института по кафедре уголовного процесса и криминалистики,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: editor62@yandex. ru;

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА НАРУЦКАЯ,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Национальный институт бизнеса, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: editor62@yandex. ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОСТАВА СУДА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Для цитирования

Прысь, Е. В. Взаимодействие коллегии присяжных заседателей и профессионально-го состава суда в уголовном процессе / Е. В. Прысь, Н. В. Нарущкая // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 4. – С. 510–519. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.510-519.

Аннотация. В современном Российском государстве суд присяжных занимает особое место. Этот институт, способствующий восстановлению справедливости, является одной из возможных форм реализации конституционного права граждан России участвовать лично в отправлении правосудия. В статье освещаются отдельные проблемы взаимодействия между коллегией присяжных и профессиональными судьями в процессе судебного разбирательства, предлагаются пути их решения. По итогам проведенного исследования для оптимизации процесса взаимодействия коллегии присяжных заседателей и профессионального состава суда в уголовном процессе предлагается внести ряд изменений в действующее законодательство:

в целях создания объективного представления присяжными о предъявляемом подсудимому обвинению считаем целесообразным включить в содержание Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации право присяжных на ознакомление с обвинительным заключением. Данное право присяжных возможно закрепить в части 1 статьи 333 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации;

© Прысь Е. В., Нарущкая Н. В., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

в процессе судебного разбирательства у присяжных могут возникнуть вопросы относительно определенных обстоятельств, которые требуют профессионального разъяснения. В связи с этим следует дополнить первое предложение части 4 статьи 335 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации словом «специалиста»;

необходимо упростить процедуру обращения присяжных с вопросами к участникам процесса и в части 4 статьи 335 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации закрепить право присяжных напрямую задавать вопросы подсудимому, потерпевшему, свидетелям, экспертам, специалисту.

Ключевые слова: профессиональный состав суда, присяжные заседатели, взаимодействие, напутственное слово судьи, вердикт.

Проблематика народного участия в отправлении правосудия и функционирования суда присяжных достаточно актуальна в современном мире, так как непосредственно связана с фактической реализацией принципов правового государства и участия гражданского общества в общественных отношениях. Развитие института присяжных взаимосвязано с вопросами влияния правосудия на общее направление развития государственности в любой стране, с необходимостью защиты общечеловеческих ценностей правовыми средствами. Фактическая реализация норм, регулирующих институт присяжных, является прогрессивным элементом в уголовном судопроизводстве, свидетельствует о наличии элементов демократии и гражданского общества в государстве. По мнению М. Н. Голыбиной и Ю. В. Яковлевой, функционирование института суда присяжных заседателей предопределено необходимостью придания отправлению правосудия от лица народа фактической независимости от государства [1, с. 41].

Институт суда присяжных не только имеет общеправовое значение в плане реализации принципов демократии в стране, но и влияет на совершенствование самого уголовного процесса, в частности, на усиление такого важного процессуального принципа, как состязательность сторон. Без сомнения, и это находит подтверждение у современных ученых-процессуалистов, принцип состязательности является одним из самых значимых в процессе установления истины по делу, а в условиях судебного разбирательства, которое осуществляется в присутствии присяжных, принцип состязательности реализуется еще с большей силой.

Вопросы участия обычных граждан в отправлении правосудия, функционировании суда присяжных привлекали внимание исследователей во все времена. В период античности, в эпоху Просвещения данная тема вызывала живой интерес у философов и историков. Среди современных исследователей, внесших значительный вклад в развитие учения о присяжных заседателях, следует отметить В. Т. Батычко, В. М. Борзова, В. И. Зажицкого, И. М. Зайцева, Е. А. Киреевой, И. В. Корнееву, А. М. Ларина, Н. С. Манову, В. В. Мельник, И. Б. Михайловскую, С. А. Насонова, И. Л. Петрухина, Н. Н. Розина, Ю. А. Романову, С. В. Спирина, В. А. Сударикова, А. А. Тарасова, Н. М. Чепурнову, В. И. Черных, Р. К. Шамсутдинова, А. П. Шурыгина, М. В. Яровую и др.

Институт суда присяжных в отечественном уголовном судопроизводстве переживает второе свое рождение. Суды присяжных уже функционировали в Российской империи в период с конца XIX до начала XX века в качестве одного из «судебных установлений», которые были учреждены в результате принятия судебных уставов 1864 г. Такой демократический элемент процесса, как суд присяжных, был упразднен после революци-

онных событий 1917 г., а с октября 1922 г. упоминание о суде присяжных вообще было исключено из нормативных актов Советского государства. Конституционное право на рассмотрение дела при участии присяжных было закреплено лишь в конце 1990-х годов в результате внесения изменений 1 ноября 1991 г. в ч. 1 ст. 166 Конституции РСФСР 1978 г. В соответствии с Концепцией судебной реформы, утвержденной Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 г., и в целях обеспечения гражданам государства возможности рассмотрения их уголовных дел при участии присяжных заседателей 16 июля 1993 г. был принят соответствующий закон.

В Российской Федерации судебное разбирательство при участии присяжных осуществляется в общеустановленном порядке, но с учетом тех особенностей, которые предусмотрены в гл. 42 УПК РФ. Следует отметить, что в настоящее время происходит активное реформирование института присяжных. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 190-ФЗ содержит достаточно много нововведений в части формирования коллегии присяжных заседателей и судебного разбирательства с их участием. Сама юрисдикция суда присяжных в России неоднократно менялась. Так, в 2008 г. из подсудности суда присяжных были исключены несколько составов преступлений, посягающих на конституционный строй России, в том числе преступления, связанные с террористическими актами, с насильственным захватом власти. Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 19 апреля 2010 г. № 8 объяснил это тем, что такие дела представляют особую сложность при анализе всех обстоятельств совершенного деяния, только профессиональные судьи способны объективно, с правовых позиций оценить деяние, всю его общественную опасность и определить наличие либо отсутствие вины в содеянном по отношению к конкретному обвиняемому.

В 2010 г. дела, связанные с государственной тайной, также были исключены из подсудности суда присяжных. Исключение таких дел представляется вполне обоснованным, так как рассмотрение дела присяжными, то есть лицами, не имеющими доступа к государственной тайне, уже так или иначе способствует раскрытию данной тайны.

В 2013 г. исключены из подсудности суда присяжных дела по преступлениям, санкции которых не предусматривают пожизненное лишение свободы либо смертную казнь.

Уменьшение количества дел, подсудных суду присяжных, свидетельствует о том, что по объективным причинам присяжными не могут рассматриваться отдельные дела, представляющие особую опасность для общества и государства. Данное обстоятельство усилило дискуссию среди специалистов о целесообразности вообще института суда присяжных. В противостоянии «за» и «против» суда присяжных действующая власть однозначно занимает позицию о необходимости не только дальнейшего существования суда присяжных в России, но и расширения его подсудности. В 2016 г. в Государственную Думу был внесен ряд законопроектов в подтверждение указанной позиции. Проекты предусматривали изменение норм как УПК РФ, так и Федерального закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции», который не корректировался с 2010 г. В результате был принят Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей», который внес значительные изменения в УПК РФ относительно состава коллегии присяжных в части перечня уголовных дел, которые подсудны суду присяжных. Корректировки коснулись и порядка судебного следствия при участии присяжных, основ составления вопросного листа, а также содержания текста напутственного слова, произносимого председательствующим судьей. Реализация комплекса положений, сформулированных в тексте

Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 190-ФЗ, потребовала как организационных, так и материально-технических мероприятий. Указанный Федеральный закон вступил в силу не в полном объеме с 1 июня 2017 г.

С 1 июня 2018 г. вступили в силу нормы, расширяющие подсудность суда присяжных, изменились требования относительно количественного состава присяжных заседателей. Указанные и другие нововведения непосредственно оказывают влияние на отдельные элементы взаимодействия присяжных и суда.

Что касается взаимодействия коллегии присяжных и судей-профессионалов, то в научной литературе выделяются два возможных типа взаимодействия, которые сложились к настоящему времени в мире: 1) взаимодействие, основанное на процессуальном равенстве прав присяжных и профессиональных судей; 2) взаимодействие, при котором имеет место «процессуальная доминанта права профессионального судьи» [4, с. 171] над коллегией присяжных заседателей. Для уголовного процесса России, по справедливому мнению Ю. В. Шидловской, характерен второй тип взаимодействия [4, с. 171]. Присяжные не могут автономно функционировать без судьи. Взаимная связь коллегии присяжных заседателей и профессионального состава суда бесспорна, но в плане ее реализации есть отдельные проблемные вопросы, на часть которых мы и обратим внимание далее.

Из множества существующих проблем, имеющих место в процессе взаимодействия коллегии присяжных заседателей и профессионального состава суда, хотелось бы выделить проблему взаимного понимания, которая связана с отсутствием у присяжных правовых знаний. Это не позволяет им понимать вообще или правильно трактовать правовые термины, используемые в речи участниками процесса: судом, адвокатами, специалистами, экспертами и т. д. Кроме того, сложности у отдельных присяжных могут возникнуть ввиду неполного представления о предъявленном обвинении подсудимому: судья сообщает участникам процесса, в чем обвиняется подсудимый, при том что мотивировка обвинения в постановлении следователя излагается на множестве листов, с подтверждением соответствующими фактами и доказательствами. Таким образом, судья полностью ознакомлен с материалами следствия, а присяжные лишь частично. В целях создания объективного представления присяжными о предъявляемом подсудимому обвинении считаем целесообразным включить в содержание УПК РФ право присяжных на ознакомление с обвинительным заключением. Данное право возможно закрепить в ч. 1 ст. 333 УПК РФ.

Нормы действующего УПК РФ содержат ряд особенностей проведения судебного следствия, когда судебное разбирательство происходит при участии присяжных. Особенности судебного следствия содержатся в ст. 335 УПК РФ и в общих чертах заключаются в следующем: первоначально должны выступить со вступительными словами государственный обвинитель и защитник подсудимого(ых). Затем сторонами осуществляется допрос подсудимого, после чего присяжные (не сами, а через председательствующего) вправе задать подсудимому свои вопросы. Вопросы также могут задаваться в отношении потерпевшего лица, свидетелей, эксперта. Присяжные свои вопросы формулируют в письменной форме и передают через своего старшину председательствующему судье. Если судья посчитает, что вопросы не относятся к существу обвинения, то он вправе их не задавать. В связи с этим недостатком действующего УПК РФ является отсутствие возможности присяжным самим, непосредственно, лично задавать вопросы участникам процесса. Они являются посторонними слушателями, наблюдателями за процессом, хотя от их итогового решения (вердикта) зависит судьба подсудимого

лица. Именно присяжные должны стать активными участниками процесса: знакомиться со всеми без исключения материалами дела, задавать напрямую вопросы, требовать проведения экспертиз либо вызова специалиста для дачи разъяснения и т. п. Однако такой обширный комплекс прав у присяжных отсутствует, свои вопросы они задают в соответствии с ч. 4 ст. 335 УПК РФ в письменной форме и передают судье, опять же не напрямую, а через старшину, хотя не видится никаких объективных причин для такого сложного процесса задавания вопроса. Не следует забывать, что присяжный, в том числе старшина, не имеет определенного уровня правовых знаний и соответственно не всегда может корректно и лаконично в письменной форме изложить суть своего вопроса. Кроме того, изложение в письменной форме вопроса требует определенного времени: присяжный, формулируя вопрос, может упустить какую-то информацию, которая в этот момент будет представляться участниками процесса. Почему не упростить данную процедуру и не разрешить присяжным задавать напрямую вопросы участникам процесса? Если вопрос будет не по существу либо некорректным, судья его просто отклонит. Существующий порядок обращения присяжных к участникам процесса является, по мнению исследователей, именно проблемой, которая, по справедливому замечанию Е. Н. Клешиной, «значительно затрудняет получение и восприятие информации присяжным заседателем» [2, с. 89].

В присутствии присяжных заседателей исследуются только допустимые доказательства. Вопросы о недопустимости отдельных доказательств рассматриваются судьей в отсутствие присяжных.

Явной проблемой, как представляется, является ограничение присяжных в их праве все знать о подсудимом. В соответствии с ч. 8 ст. 335 УПК РФ информация о личности подсудимого в присутствии присяжных анализируется только в той мере, в какой такая информация необходима для определения основных признаков состава уголовного деяния, в совершении которого подсудимый обвиняется. Присяжным не представляется информация, является ли подсудимый хроническим алкоголиком, наркоманом, был ли он ранее судим и т. д. Такое ограничение в информации обосновывается тем, что присяжные, зная отрицательные факты о личности подсудимого, будут более предвзято оценивать обстоятельства дела, поведение подсудимого, его действия в момент совершения преступления. На наш взгляд, такое ограничение в информации недопустимо: присяжные хотя и не имеют юридического образования, но обладают определенным уровнем интеллектуального развития, и решать за них, какая информация для них полезна, а какая нет, значит уменьшать и принижать их уровень интеллекта, не доверять им. Зачем же их тогда вообще привлекать к уголовному процессу, если им не доверять? Как представляется, внесение в УПК РФ положений о праве присяжных знакомиться со всей информацией по делу, в том числе относительно личности подсудимого, не только будет способствовать повышению доверия к присяжным заседателям, но и значительно упростит в определенной части работу председательствующего судьи. Кроме того, отсутствие информации о личности подсудимого не позволяет объективно ответить на вопрос о снисхождении при назначении наказания.

За судебным следствием проходят прения, но в отличие от общего порядка, предусмотренного ст. 292 УПК РФ, прения в суде с участием присяжных осуществляются только в пределах тех вопросов, которые будут разрешаться присяжными. Стороны не вправе затрагивать вопросы, подлежащие рассмотрению после вынесения вердикта и уже без участия присяжных заседателей. После завершения прений участники судеб-

ного разбирательства имеют право на произнесение реплики. В последнюю очередь реплики звучат от защитника, а также подсудимого.

Дальнейшая процедура процесса заключается в формулировании председательствующим судьей вопросов в письменном виде, которые подлежат разрешению присяжными. Эти вопросы должны быть оглашены (без присутствия присяжных) и переданы сторонам процесса, которые имеют право сделать свои замечания и предложения по перечню вопросов и их содержанию. Согласно ч. 2 ст. 338 УПК РФ судья не имеет права отказать стороне защиты (подсудимому и его адвокату) во включении вопросов относительно наличия по рассматриваемому уголовному делу конкретных, фактических обстоятельств, которые исключают уголовную ответственность подсудимого, либо обстоятельств, которые приводят к необходимости применения уголовной ответственности за другое, менее тяжкое деяние.

Присяжные должны разрешать только те вопросы, которые перед ними сформулированы судьей в вопросном листе и исходят из содержания пп. 1, 2, 4 ч. 1 ст. 299 УПК РФ. Сущность вопросов состоит в следующем:

– является ли доказанным сам факт совершения преступления, в котором непосредственно обвиняется подсудимый?

– является ли доказанным факт того, что данное преступление совершено именно данным подсудимым?

– является ли виновным подсудимый в инкриминируемом ему деянии?

Если присяжные заседатели придут к утверждению, что подсудимый виновен, то они также должны решить вопрос о возможности применения к подсудимому лицу снисхождения. Впоследствии, в случае вынесения обвинительного вердикта, позиция присяжных относительно снисхождения должна быть учтена судьей при назначении конкретного наказания (ст. 349 УПК РФ). Все остальные вопросы, указанные в ст. 299 УПК РФ (помимо тех, которые мы указали выше), должен единолично решать председательствующий судья (ч. 2 ст. 334 УПК РФ), что еще раз подчеркивает вышеобозначенную доминантную роль судьи в процессе взаимодействия с присяжными заседателями в уголовном процессе.

Перечень основных вопросов мы уже указывали выше. Чтобы исключить повторение, лишь укажем, что при формулировании вопросов следует учитывать положения ч. 1 ст. 299, ст. 334, 339 УПК РФ. Каждый общий вопрос может содержать один или несколько частных вопросов. Судья вправе включить в перечень вопросы относительно степени осуществления подсудимым преступного намерения, о причинах совершения деяния, о роли каждого подсудимого в деянии. Возможны также вопросы, которые свидетельствуют о признании либо об отсутствии вины подсудимого лица в совершении другого, менее тяжкого деяния. Однако такой вопрос может быть включен в вопросный лист только в том случае, если ухудшается положение самого подсудимого. Недопустимы вопросы, которые требуют юридических знаний от присяжных.

После составления итогового вопросного листа единолично судьей в совещательной комнате происходит оглашение вопросов, но уже в присутствии присяжных. Вопросник передается старшине присяжных, и до удаления в совещательную комнату присяжные имеют право обратиться к судье за разъяснением по данным вопросам, но это не должно касаться сущности возможных на них ответов.

Анализируя отдельные проблемы в области взаимодействия коллегии присяжных заседателей и профессионального состава суда, невозможно обойти вниманием требования к напутственному слову судьи, председательствующему на процессе. Изда-

чальная функция произнесения такого слова заключается в оказании именно помощи присяжным в части правильного понимания сущности обвинения, которое выдвинуто на основе исследованных в процессе доказательств. Требования ст. 340 УПК РФ к напутственному слову не всегда выполняются в полном объеме, а подчас напутствие председательствующего судьи только усиливает сомнение того или иного присяжного в доказанности вины подсудимого. Н. А. Развейкина оценивает напутственное слово судьи в качестве «мощного и доступного средства воздействия на присяжных заседателей» [3, с. 123]. Правильно составленное и грамотно произнесенное напутственное слово, как представляется, не имеет под собой цель воздействия на присяжных. Здесь проблема состоит, на наш взгляд, в профессионализме председательствующего судьи, в его умении донести до сведения присяжных информацию, необходимую не для него самого, а для объективного принятия присяжными своего итогового решения в виде вердикта. Необходима соответствующая системная работа по повышению уровня профессионализма судей.

После напутственного объективного и беспристрастного слова судьи присяжные удаляются в совещательную комнату.

Действующее законодательство (ст. 341 УПК РФ) предусматривает необходимость соблюдения принципа тайны совещания присяжных. Тайна обеспечивается тем, что присяжные находятся в совещательной комнате, где запрещено находиться иным лицам, в том числе судье. Им позволено прервать свое совещание только в ночное время либо по окончании рабочего времени, но только по разрешению судьи. Присяжные могут вернуться в зал судебного заседания, если им потребуются дополнительные разъяснения от судьи либо у них появятся сомнения в фактических обстоятельствах дела (в этом случае возможно принятие судьей решения о возобновлении судебного следствия на основании ч. 6 ст. 344 УПК РФ).

Присяжным запрещено разглашать имеющие место в процессе совещания свои суждения и суждения других присяжных.

Голосование проводит старшина присяжных. Осуществляется голосование по вопросам в той последовательности, как они сформулированы в вопросном листе. Форма голосования: открытая (ч. 2 ст. 342 УПК РФ). Голосование может быть только конкретным (например, «Да, виновен», «Нет, не виновен»), присяжные голосуют по списку и не имеют права воздерживаться. Последним всегда голосует старшина присяжных.

В процессе обсуждения присяжные должны стремиться к единодушному принятию решения. Если таковое не будет достигнуто, то по истечении трех часов присяжные принимают решение путем голосования. В итоге возможно принятие одного из двух вердиктов: обвинительного либо оправдательного:

– обвинительный вердикт имеет место только в том случае, если на каждый основной вопрос утвердительно проголосовала большая часть присяжных. Основных вопросов, как было уже указано, всего три (ч. 1 ст. 339 УПК РФ);

– оправдательный вердикт считается принятым в зависимости от числа отрицательных ответов на три основных вопроса: в суде субъекта Российской Федерации должно быть не менее 4 присяжных, проголосовавших отрицательно; в суде районного уровня число отрицательно проголосовавших на любой из трех основных вопросов присяжных должно быть не менее 3 (здесь мы привели положения относительно оправдательного приговора, содержащиеся в ч. 3 ст. 343 УПК РФ, в редакции, вступившей в силу с 1 июня 2018 г.).

Результаты голосования на дополнительные, частные вопросы определяются путем выявления большинства голосов. Если ответ на предыдущий вопрос исключает необходимость в голосовании по следующему вопросу, то старшина в отношении этого следующего вопроса ставит фразу: «Без ответа». В вопросном листе отражаются не только ответы на вопросы, но и число голосов. Старшина подписывает оформленный вопросный лист с ответами, и присяжные переходят в зал судебного заседания.

Старшина должен передать вопросный лист с ответами председательствующему судье, но только для ознакомления, и если у судьи не будет замечаний, то чтение ответов на вопросы осуществляет сам старейшина присяжных. Замечания судьи могут быть в том случае, если, например, ответы противоречат друг другу либо не вносят ясности. С целью уточнения неясностей или устранения противоречий в ответах судья должен предложить присяжным продолжить обсуждение в совещательной комнате.

Независимо от вида вердикта (оправдательного либо обвинительного) судья должен поблагодарить присяжных за их работу. Все дальнейшие действия осуществляются судьей без участия присяжных, хотя они имеют право остаться в зале судебного заседания по своему желанию, но должны перейти на места, предназначенные для публики.

Вынесение даже оправдательного вердикта не завершает процесс судебного разбирательства, так как необходимо разрешить ряд вопросов. В том случае если принят оправдательный вердикт, судье следует при участии сторон рассмотреть вопросы относительно гражданского иска, по поводу распределения судебных издержек и относительно вещественных доказательств.

Обвинительный вердикт предопределяет необходимость юридической квалификации содеянного и назначения конкретного уголовного наказания. Для этого в суде исследуются обстоятельства, потом происходят прения сторон. Стороны могут ставить любые вопросы в рамках дела, но не должен ставиться под сомнения сам вердикт. Подсудимый имеет право, как и при рассмотрении дела без участия присяжных, на последнее слово, после произнесения которого судья уходит в совещательную комнату для принятия итогового решения по рассматриваемому уголовному делу.

Любой вердикт для судьи является обязательным, но если оправдательный вердикт влечет за собой безусловное вынесение оправдательного приговора, то наличие обвинительного вердикта является обязательным для судьи, за исключением следующих случаев:

– если судья пришел к убеждению об отсутствии с действиях подсудимого признаков какого-либо состава преступления, то он может вынести оправдательный приговор (ч. 4 ст. 348 УПК РФ);

– если судья признает, что обвинительный вердикт присяжных принят в отношении невиновного человека, и у судьи имеются достаточные основания, позволяющие принять решение о принятии оправдательного приговора. Такое, в частности, возможно, если в процессе судебного следствия не установлено событие преступного деяния или не доказан факт участия подсудимого лица в совершении инкриминируемого деяния. В этом случае судья должен принять решение о роспуске действующей коллегии присяжных, а дело будет направлено на новое рассмотрение, но уже другим составом суда. Дело будет рассматриваться с такой стадией, как предварительное слушание. Принятие судьей постановления, предусмотренного ч. 5 ст. 348 УПК РФ, невозможно обжаловать участниками процесса в апелляционном порядке.

Таким образом, действующие нормы УПК РФ содержат важные положения относительно решения вопроса в пользу подсудимого, если имеются предусмотренные законом обстоятельства, даже и в том случае, если присяжными принят обвинительный вердикт.

Постановление приговора по делу, рассматриваемому с участием присяжных заседателей, имеет определенные особенности, в частности, в приговоре (в его вводной части) нельзя указывать фамилии присяжных.

Особенности имеются и в описательно-мотивировочной части:

– оправдательный приговор: должна быть изложена только сущность обвинения, доказательства необходимы только в той части, которая не следует из вердикта присяжных;

– обвинительный приговор: содержит характеристику преступного деяния, квалификацию преступления, мотивы, по которым назначается уголовное наказание, обосновывается также само решение суда в части гражданского иска.

Резолютивная часть содержит положения относительно права и порядка апелляционного обжалования приговора.

Одна из главных особенностей производства по уголовным делам с участием присяжных заседателей заключается в том, что, согласно ст. 389. 27 УПК РФ, основаниями отмены или изменения судебных решений, вынесенных с участием присяжных заседателей, являются только: существенное нарушение уголовно-процессуального закона; неправильное применение уголовного закона; несправедливость приговора. Следовательно, помимо основания отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке, предусмотренного п. 5 ст. 389. 15 УПК РФ, несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела (п. 1 ст. 389. 15 УПК РФ) таким основанием также служить не может, поскольку фактические обстоятельства дела в вердикте присяжных заседателей, а значит, и в приговоре детальному анализу вообще не подлежат. В свою очередь, оправдательный приговор, постановленный на основании оправдательного вердикта присяжных заседателей, может быть отменен по основаниям, указанным в ч. 1 ст. 389. 25 УПК РФ, либо если при неясном и противоречивом вердикте председательствующий не указал присяжным заседателям на неясность и противоречивость вердикта и не предложил им вернуться в совещательную комнату для внесения уточнений в вопросный лист (ч. 2 ст. 389. 25 УПК РФ).

По мнению Конституционного Суда РФ, изложенному в определении от 5 ноября 2004 г. № 380-О, суд в ходе производства по делу не может становиться ни на сторону обвинения, ни на сторону защиты, подменять стороны, принимая на себя их процессуальные полномочия, а должен оставаться объективным и беспристрастным арбитром. Однако существующий порядок обжалования решений суда, принятых по уголовным делам, производство по которым велось с участием присяжных заседателей, становится одновременно с этим и причиной неустранимости допущенных судебных ошибок. Такое положение дел относительно возможности устранения ошибок, допущенных присяжными, также требует дальнейшего совершенствования.

Таким образом, мы можем констатировать, что от профессионализма судьи зависит должный уровень взаимодействия с присяжными заседателями. В целях оптимизации процесса взаимодействия коллегии присяжных заседателей и профессионального состава суда в уголовном процессе необходимо внести ряд изменений в действующее законодательство:

– в целях создания объективного представления присяжными о предъявляемом подсудимому обвинении считаем целесообразным включить в содержание УПК РФ право

присяжных на ознакомление с обвинительным заключением. Данное право присяжных возможно закрепить в ч. 1 ст. 333 УПК РФ;

– в процессе судебного разбирательства у присяжных могут возникнуть вопросы относительно определенных обстоятельств, которые требуют профессионального разъяснения. В связи с этим следует дополнить первое предложение ч. 4 ст. 335 УПК РФ словом «специалиста»;

– необходимо упростить процедуру обращения присяжных с вопросами к участникам процесса и в ч. 4 ст. 335 УПК РФ закрепить право присяжных напрямую задавать вопросы подсудимому, потерпевшему, свидетелям, экспертам, специалисту.

Библиографический список

1. Голыбина М. Н., Яковлева Ю. В. Некоторые проблемы производства в суде с участием присяжных заседателей: проблемы законодательства и практики применения // Территория права. 2015. № 1. С. 41–44.

2. Клещина Е. Н. О некоторых проблемах и подходах к совершенствованию производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей // Вестн. Всерос. ин-та повышения квалификации сотрудников МВД России. 2016. № 4. С. 87–92.

3. Развейкина Н. А. Напутственное слово председательствующего как средство неправомерного воздействия на присяжных заседателей // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2007. № 5-1. С. 123–131.

4. Шидловская Ю. В. О процессуальном взаимодействии коллегии присяжных заседателей и профессионального состава суда в российском уголовном процессе // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. № 298. С. 171–173.

УДК 343.144

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.520-528

ДМИТРИЙ БОРИСОВИЧ ЧЕРНЫШЕВ,
адъюнкт кафедры уголовного права,
Уральский юридический институт МВД России,
г. Екатеринбург, Российская Федерация,
Researcher ID I-2819-2017,
e-mail: sledstvient404@mail.ru

ПРОБЛЕМА ПРИНУЖДЕНИЯ К ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ КАК УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА ПОЛУЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Для цитирования

Чернышев, Д. Б. Проблема принуждения к даче показаний как уголовно-процессуального механизма получения доказательств / Д. Б. Чернышев // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 4. – С. 520–528. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.520-528.

Аннотация. Высокий общественный резонанс, вызываемый регулярно выявляемыми случаями принуждения к даче показаний в ходе следствия, обуславливает актуальность научного изучения данной проблемы. В статье рассматриваются мотивы, побуждающие правоприменителей к использованию насилия в отношении допрашиваемых лиц, дается оценка историческим, правовым, нравственным предпосылкам принуждения как уголовно-процессуального метода или средства получения доказательств. Акцентируется внимание на методологической эффективности принуждения с точки зрения криминалистической тактики, а также достоверности и ценности полученных таким способом доказательств. Делается вывод о том, что существующее негативное отношение к доказательственному значению показаний, полученных под принуждением, основано на ошибочном понимании мотивов его применения. Абстрагируясь от формального представления о насилии как о физическом и нравственном истязании и оценивая его назначение с аксиологической точки зрения, автор полагает принуждение к даче правдивых показаний в форме, не связанной с причинением боли человеку, эффективным средством достижения целей уголовного процесса – установления истины по уголовному делу.

Ключевые слова: пытки, насилие, признание вины, доказательство, показание, обвиняемый, принуждение.

Упоминание насилия как способа получения показаний, применяемого в уголовном процессе, на первый взгляд вызывает исключительно негативные ассоциации, связан-

© Чернышев Д. Б., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

ные со средневековой инквизицией, опричным террором Ивана IV Грозного, репрессиями первых лет советской власти. Во всех случаях в глазах современников насилие как уголовно-процессуальное явление несет негативный характер. При этом, помимо абсолютного отрицания физического и психического принуждения в современном просвещенном обществе с точки зрения гуманизма, современными исследователями отрицается в том числе сама процессуальная эффективность этого способа получения доказательств и установления истины по уголовному делу.

Несмотря на существующий во всех цивилизованных странах законодательный запрет на использование насилия при получении доказательств, регулярно отмечаемые в России случаи рецидива применения указанного способа уголовно-процессуального принуждения свидетельствуют о том, что данный правовой атавизм еще не до конца искоренен из правоприменительной практики, что, в свою очередь, обуславливает актуальность изучения данного негативного явления.

Проблеме применения насилия при получении доказательств в уголовном процессе посвящено значительное число исследований, среди которых следует отметить труды советских ученых-процессуалистов А. Ю. Вышинского, М. А. Чельцова-Бутова, В. И. Каминской, а также работы современных авторов А. С. Барабаша, А. Э. Иваньшиной, С. А. Гордейчик, Н. А. Егоровой, Ю. В. Шелегова, Е. Б. Кургузкиной. Изучение работ указанных исследователей показало единодушное отрицательное отношение к применению насилия в качестве метода получения показаний и использованию таких показаний в качестве доказательств виновности. При этом основная дискуссия ведется относительно обосновывающих подобную позицию мотивов. Однако, на наш взгляд, исследуемые мотивы базируются на ошибочном понимании истинного предназначения применения насилия в уголовном процессе, правовых и волевых предпосылок его появления.

Основные доводы против применения методов принуждения при получении показаний условно делятся на две группы: недопустимость причинения физических и нравственных страданий личности человека с точки зрения современной гуманистической идеологии, а также неэффективность и недостоверность полученных под принуждением доказательств для установления истины по уголовному делу.

Мы согласны с первой группой доводов и не призываем к применению насилия, полагая недопустимым в современной правовой реальности причинение страданий обвиняемому с целью принуждения его к даче показаний.

Однако ко второй группе доводов мы относимся критически, так как, на наш взгляд, они основаны на ошибочном понимании сущности появления насилия в уголовном процессе и истинной цели его применения. Полагаем, что принуждение к даче показаний может служить цели установления объективной истины по уголовному делу, и пытку следует рассматривать как способ достижения истины, и ни в коем случае не как средство истязания. В связи с этим целью настоящего исследования является теоретическое осмысление сущности принуждения как уголовно-процессуального средства получения достоверных доказательств по уголовному делу.

Как отмечает А. Э. Иваньшина, в научной среде пытку как средство получения доказательств рассматривают исключительно негативно, причина – восприятие ее в идеологическом ключе, при этом игнорируется методологическая составляющая [1].

Перед непосредственным изучением проблемы насилия необходимо определиться со смысловым содержанием данного явления. В широком смысле оно может иметь два значения: 1) мера уголовно-процессуального принуждения к даче показаний; 2) мера уголовного наказания. В рамках настоящего исследования мы будем рассматривать

применение насилия исключительно в уголовно-процессуальном смысле, то есть как средство процессуального получения показаний, используемых в дальнейшем в качестве доказательств по уголовному делу, а не как способ причинения страданий, являющихся одновременно самоцелью.

Понятие пытки, закрепленное в примечании к ст. 117 УК РФ, определяет ее как причинение физических и нравственных страданий в целях принуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека. Более широкое определение данного явления приводится в ст. 1 Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Нью-Йорк, 10 декабря 1984 г.), согласно которому под пыткой понимается любое действие, причиняющее сильную боль или страдание, физическое или нравственное, совершаемое государственным должностным лицом лично либо по его подстрекательству, с его ведома либо молчаливого согласия с целью получения сведений или признаний либо с целью наказания.

Пытка (истязание, в том числе самоистязание) имеет историю, уходящую корнями в глубокую древность. При этом она далеко не всегда была средством принудительного получения показаний в уголовном процессе. Древняя процедура ордалии, существовавшая со времен Античной Греции до расцвета средневековой инквизиции, служила процессуальным средством проверки правдивости уже данных показаний, отказ от нее приравнивался к признанию вины и самопроклятию. В сознании древних определение истины доверялось Богу, которому не требовалось признание вины подозреваемым, так как Он изначально знал, кто прав, через испытание Бог указывал виновного [2].

По мнению судьи Европейского Суда по правам человека Б. Уолша (Ирландия) в отношении постановления от 17 декабря 1996 г. по делу «Саундерс (Saunders) против Соединенного Королевства» (жалоба № 19187/91) значительные злоупотребления данной нормой со стороны инквизиции привели к появлению в XVI–XVII вв. в английском общем праве доктрины о невозможности превращения человека в орудие своего собственного осуждения. Российская уголовно-процессуальная традиция в целом соответствовала европейской и изначально рассматривала пытку как инструмент проверки правдивости показаний допрашиваемого. Так, до XVIII в. она применялась к обвиняемому вне зависимости от наличия признательных показаний. Пытаемый должен был подтвердить искренность данных показаний, пронеся их через мучительную процедуру пытки [3]. В ходе глобального реформирования российского законодательства Петром I пытка впервые получила форму меры процессуального принуждения к даче показаний и применялась в случаях, когда само преступление несомненно, обвиняемый не сознается в преступлении либо против него есть улики или полудоказательства [4]. В разделе «Краткое изображение процессов и судебных тяжб» Воинского устава 1716 г. указывается, что в случае отсутствия у допрашиваемого стремления признаться добровольно его необходимо пытаться, дабы получить желанное признание [5]. Протокол допроса камер-медхен Софии в ходе дознания, проводимого в 1742 г., начинался словами: «О всем том, что спрашивало будет, имеешь показать самую истину, без малейшей утайки, под опасением истязания» [6]. Из данных источников мы можем судить о двойственном назначении пытки – добиться признания вины со стороны допрашиваемого, а также получить правдивые показания, то есть установить истину по уголовному делу. Мы хотели бы особо обратить внимание на разницу между этими двумя целями применения пытки, так как данная двойственность сущности пытки, сопровождающая ее с древности до настоящего времени, на наш взгляд, и является причиной ошибочного

понимания ее истинного назначения и недооценки ее методологического потенциала в криминалистике.

Именно по этой причине ретроспективный взгляд на подход к пониманию насилия при получении доказательств имеет такое значение для разделения форм его проявления. Приписываемое Генеральному прокурору РСФСР А. Я. Вышинскому утверждение: «Признание – царица доказательств», – в действительности имеет корни в римском праве, где «*Regina probationum*» – признание вины подсудимым делало излишним проведение дальнейшего следствия, поиска иных доказательств [7]. Доказательственное значение признания на протяжении веков особо подчеркивалось как в нормативных документах, так и в научной юридической литературе. Так, ст. 681 Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. при наличии признательных показаний предписывала суду, не производя дальнейшего исследования материалов уголовного дела, переходить к окончательным прениям. М. А. Чельцов-Бебутов полагает, что в данном документе впервые была закреплена так называемая теория формальных доказательств, освобождающая лицо, ведущее расследование, от бремени поиска иных улик по уголовному делу при возможности приобщения признательных показаний обвиняемого [8]. А. Я. Вышинский также в своих работах утверждает, что на обвиняемого должно быть возложено в том числе бремя доказывания оправдывающих его обстоятельств, алиби. При этом он добавляет, что признание вины является излишним и не имеет доказательственного значения лишь в том случае, когда в деле имеются другие установленные обстоятельства, доказывающие виновность данного лица [9]. А. С. Барабаш интерпретирует слова А. Я. Вышинского таким образом, что упомянутая обязанность обвиняемого перерастает в «долг», который может быть взыскан принудительно. На практике «взыскание долга» может выражаться в том числе в требовании от обвиняемого доказывания не только своей невиновности, но и виновности. И пытка может выступать в качестве процессуального средства «взыскания долга». Развивая свою мысль, данный автор критикует позицию А. Я. Вышинского, переставляет местами его тезисы о позиции признания вины в системе доказательств и приходит к выводу о том, что лишь отсутствие признания требует поиска иных доказательств, в связи с чем в интерпретации А. С. Барабаша слова А. Я. Вышинского укрепляют признание в качестве «царицы доказательств» [10].

Таким образом, мы наблюдаем дискуссию относительно доказательственного значения признания подсудимым своей вины, и из отношения к данной проблеме закономерно вытекает объяснение мотива применения пытки как средства получения «главного доказательства» по уголовному делу. Сторонники указанного подхода мотивируют поведение должностных лиц, применяющих пытки к допрашиваемым с целью получения признательных показаний, интересами «оптимизации» следствия, стремлением избежать трудностей, связанных с добросовестным выполнением обязанности по сбору объективных доказательств по уголовному делу, стремлением «раскрыть» преступления, повысив тем самым статистические показатели своей работы, и т. д. [1, 10, 11, 12]. Мы согласны с данным подходом и полагаем, что когда мотивом применения насилия является именно получение признательных показаний с целью облегчения расследования уголовного дела и освобождения от дальнейшей работы по сбору иных доказательств, а не установление истины по уголовному делу, то методологическое значение данного уголовно-процессуального механизма становится отрицательным, что предопределяет низкую ценность полученных таким образом доказательств.

На данном этапе необходимо отдельно остановиться на упомянутых выше ошибочных, с нашей точки зрения, доводах относительно истинных мотивов применения насилия, так как именно они служат предпосылками для отрицания принуждения как средства уголовно-процессуального получения доказательств и недооценки его методологического потенциала при установлении объективной истины по уголовному делу.

Изучение имеющихся источников позволило сформулировать основные тезисы, на которые в различных интерпретациях ссылаются авторы.

Наибольшей популярностью при аргументации пользуется тезис о том, что целью применения насилия является получение от допрашиваемого признания вины как основного доказательства по уголовному делу. Данный мотив неразрывно связан с местом признания в общей системе доказательств. По мнению авторов, именно само явление самоинкриминирующих показаний обвиняемого в качестве доказательства создает предпосылки к злоупотреблениям, направленным на его получение. Так, А. Э. Иваньшина полагает, что именно значение признания как доказательства является основанием для его «выбивания» [13]. А. С. Барабаш полагает, что признание лишает уголовный процесс состязательности, освобождая обвинение от необходимости доказывать виновность, в связи с чем насилие становится основным методом получения «основного доказательства», укоренившись в качестве такового в мышлении правоприменителей [10].

Очевидным, с точки зрения исследователей, решением указанной проблемы, направленным на борьбу с рецидивами применения насилия в современной правоохранительной деятельности, видится искусственное снижение доказательственного значения показаний обвиняемого. Наиболее радикальную позицию, а именно полное исключение показаний подозреваемого и обвиняемого из системы доказательств, занимает Ю. В. Шелегов [12]. А. С. Барабаш предлагает внести изменения в п. 1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, согласно которым в качестве доказательств могут быть учтены лишь те показания подозреваемого и обвиняемого, которые свидетельствуют о его невиновности, полагая, что таким образом правоохранители лишатся главного мотива применения пытки – получения признания любым путем [14]. С. А. Гордейчик предлагает в качестве доказательств принимать лишь показания подсудимого, данные им в ходе судебного следствия [15]. А. Э. Иваньшина, поддерживая предложение А. С. Барабаша, полагает, что признательные показания следует учитывать лишь при решении вопроса о применении особого порядка судопроизводства, назначения судебного штрафа, освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и т. д. [13]. Мы не согласны с позицией последнего автора, так как предоставление при назначении наказания привилегии, связанной с применением особого порядка судопроизводства, назначения судебного штрафа и пр., одним из условий для которых является признание вины, вызвано в первую очередь пониженным уровнем общественной опасности обвиняемого, осознавшего свою преступную сущность и раскаявшегося. И лишь во вторую очередь это вызвано оптимизацией работы судов, экономией уголовно-правовой репрессии и т. д.

Еще один мотив применения пытки – нехватка у правоприменителей интеллектуальных средств установления истины по уголовному делу, а также желание снизить трудозатраты, связанные со сбором доказательств. Причинами применения насилия при допросе Ю. В. Шелегов называет отсутствие умений и желания получать достоверные сведения процессуальным путем, стремление идти по пути наименьшего сопротивления, низкую культуру следователей, судей, вызванные низким уровнем правовой культуры общества, порождающие современную модель уголовного судопроизводства. Автор также отмечает стремление к достижению «формальной истины», то есть соответствию

требованиям закона в ущерб действительности [12]. А. С. Барабаш также в качестве причины применения насилия в ходе допроса называет нравственный регресс правоприменителей, вызванный укоренившимися атавизмами «формальных доказательств». При этом он подчеркивает, что состязательное мышление при отсутствии общей и правовой культуры фактически оправдывает применение насилия для получения признательных показаний [10]. Б. Н. Кашников видит насилие в мышлении правоприменителя в качестве более короткого и простого пути к цели [16].

К ошибочным, с нашей точки зрения, мотивам отрицания процессуального потенциала применения пытки при получении доказательств также относится тезис о том, что человек под пыткой готов признаться в чем угодно. Так, Н. И. Нарышкина полагает, что простая демонстрация пыточных орудий побуждает человека признаться даже в несуществующих грехах [11]. А. Шайо использует данный тезис в качестве основной аргументации в защиту свидетельского иммунитета [17].

В настоящее время существует законодательно закрепленный запрет на применение насилия к допрашиваемым лицам. С точки зрения юридической теории право не быть подвергнутым пыткам относится к группе охранительных [18]. Интерес в рамках настоящего исследования представляет сущность появления и пределы данного права. Исследователями высказываются два основания данного права. Н. В. Витрук относит правовую возможность на защиту от пыток и жестокого обращения к группе фундаментальных гражданских и политических прав [19]. Данный подход также нашел свое отражение в решении Европейского Суда по правам человека по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» от 18 января 1978 г. (Series A. № 26. P. 65, para. 162). Другая, более популярная среди исследователей позиция базируется на естественном праве уважения воли личности свободно распоряжаться собой [20]. Данный подход в основном опирается на нравственные представления о ценности внутренней духовности человека, которую надлежит оберегать от подавления собственного духовного достоинства посредством насилия в любой форме, так как это может поколебать доверие человека к самому себе. Пытки же разрушают душевное здоровье и духовную силу человека [21]. В пытке заложено безнравственное начало причинения жертве особых страданий [22]. Право на защиту от пытки тождественно праву на защиту достоинства, чести и репутации и обеспечивает нравственное единство личности, при котором любое ее принуждение, посягающее на указанные достоинство и честь, невозможно [23].

Перечисленные доводы, обосновывающие порочную природу появления и применения насилия в уголовном процессе, выглядят весьма убедительными. Однако в рамках настоящего исследования мы хотели бы взглянуть на данную проблему несколько с иной стороны.

Рассуждая о допустимости применения пытки, невозможно не затронуть моральной составляющей данной проблемы. Статья 2 Конституции РФ определяет права и свободы человека в качестве высшей ценности. Внутренний мир, свобода воли, честь и достоинство, разумеется, относятся к данной категории прав. Однако применительно к уголовному процессу встает один из старейших нравственно-философских вопросов иерархии публичных и частных интересов. При декларировании внутренней свободы личности, к которой в том числе относится право на отказ от дачи показаний, в качестве высшей ценности публичные интересы ставятся ниже частных. Одной из функций государства как публичного представителя общества является борьба с преступностью. Общество заинтересовано в защите каждого своего члена от преступных посягательств, и это является одной из первых форм обеспечения названных выше частных интересов. Таким

образом государство, осуществляя публичные функции по противодействию преступности, отстаивая публичные интересы, одновременно обеспечивает защиту интересов частных. Ведь любой публичный интерес состоит из множества частных. Возвращаясь к теме исследования, а именно о применении пытки как уголовно-процессуального средства получения доказательств, мы задаемся сложным вопросом, выходящим за рамки юридической науки: является ли познание истины по уголовному делу, установлению действительно преступника и, как следствие, привлечение его к ответственности за действительно совершенное преступление общественным благом? Безусловно, да. Однако насколько велика ценность данного общественного блага и каковы допустимые пределы его достижения? Возможно ли жертвовать частными интересами ради высокой цели защиты публичных ценностей? Общая философская парадигма второй половины XX в., находясь под сильнейшим впечатлением от ужасов двух мировых войн, однозначно указывает на приоритет защиты личности от любых посягательств со стороны государства независимо от важности мотивов. Однако в настоящее время данная позиция эволюционирует в обратном направлении. В ряде европейских стран начинают высказываться доводы о том, что в случаях, касающихся общественной безопасности, нарушение прав человека может быть допустимо.

Первым толчком к развитию идеи о возможности ограничения прав и свобод личности послужило обострение борьбы с мировым терроризмом после трагедии 11 сентября 2001 г. в г. Нью-Йорке. Премьер-министр Италии С. Берлускони утверждал, что на людей, имеющих средневековые представления о добре и зле, нельзя воздействовать с помощью цивилизованных мер [22]. В марте 2008 г. президентом США Д. Бушем по мотивам «чрезвычайных обстоятельств борьбы с терроризмом» было наложено вето на законопроект, запрещающий определенные виды психологической пытки [24]. Высокий общественный резонанс вызывают периодические сообщения о применении американскими военными насилия при допросах лиц, обвиняемых в терроризме, в тюрьме Гуантанамо. Все это свидетельствует о том, что даже современные цивилизованные западные страны, декларирующие гуманистические идеалы свободы личности, допускают существование общественных интересов, ценность которых настолько выше свободы воли человека, что для их достижения возможно такое грубое нарушение указанной свободы, как насильственное принуждение к даче показаний. С данной позицией также неразрывно связан старый аксиологический философский вопрос: есть ли что-то дороже человеческой жизни? Однозначный ответ на указанный вопрос до сегодняшнего дня не выработан, и философская дискуссия продолжается. Не являясь специалистом в области философии, автор может лишь высказать свое мнение: «Да, есть! Две человеческие жизни!» Даже средневековые инквизиторы, жестоко преследуя ересь, стремились к достижению общественного блага в понимании средневекового сознания – очищению христианства от вероотступничества. В наши дни эта формула заместилась словами «защита общества от преступности» [22]. Как видно, мы придерживаемся мнения о том, что общественный интерес выше частного. Возвращаясь к криминалистическому потенциалу принуждения, постараемся изложить свою позицию.

Прежде чем решить, допустимо ли применение принуждения для получения сведений, мы должны ответить на вопрос: чего мы хотим этим добиться? Если в качестве движущего мотива применения насилия является получение «главного доказательства», то, безусловно, подобная форма уголовного процесса противоречит интересам законности и справедливости. В качестве мотива может выступать также абстрактное получение доказательств, позволяющих установить действительные обстоятельства совершен-

ного преступления. Такая ситуация объективно соответствует процессуальному назначению пытки. Однако мы полагаем, что истинное методологическое значение пытки – средство познания истины, то есть правды об объективной действительности, существующей в форме «вещь в себе», независимо от субъективного к ней отношения сторон уголовного процесса. Насилие в таком понимании является лишь одним из средств познания истины. Для более точного восприятия его сути, свободного от стереотипного отношения к пытке как к физическому истязанию, с этого момента мы будем понимать ее как применение насилия в любой форме. Насилия с целью познания истины! И смыслом познания истины является достижение высокого общечеловеческого блага – защиты общества от преступных посягательств, достижения целей справедливости. Ведь одна из форм справедливости – это когда лицо, в действительности совершившее преступление, получает наказание, соответствующее тяжести проступка. Рассуждая диалектически, мы полагаем, что избегание преступником наказания за действительно совершенное преступление – это форма несправедливости по отношению к обществу и к самому преступнику. Для достижения целей общественной и личной справедливости допустимо нарушение определенных личных свобод, особенно если под насилием подразумевается не только физическое истязание, а любое внешнее вмешательство, нарушающее волю человека, – моральное и психологическое давление, обман, провокация, использование средств гипноза, применение специальных химических препаратов. По сути, кроме «кнута» – непосредственного принуждения к даче показаний, в арсенале правоприменителей имеется и «пряник» – средства уголовно-правового стимулирования путем предоставления определенных привилегий при назначении наказания, таких как особый порядок судопроизводства. Опосредованно их также можно отнести к средствам склонения обвиняемого к даче признательных показаний. Таким образом, истинная цель насилия – получение не любых самооговаривающих показаний, а правдивых показаний.

Мы полагаем, что принуждение к даче показаний, совершаемое в определенной форме, если оно преследует цель познания истины, имеет положительное методологическое значение для криминалистики, являясь средством достижения справедливости как по отношению к обществу, так и по отношению к самому преступнику.

Библиографический список

1. Иваньшина А. Э. Пытка как средство стимулирования обвиняемого к даче признательных показаний: ретроспективный анализ // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2(42). С. 299–303.
2. Мальцев Г. В. Мечь и возмездие в древнем праве. М. : Норма, ИНФРА-М, 2012. 633 с.
3. Анисимов Е. В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М. : Новое литературное обозрение, 1999. 720 с.
4. Спасович В. Д. Избранные труды и речи / сост. И. В. Потапчук. Тула : Автограф, 2000. 496 с.
5. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / отв. ред. А. Г. Маньков. М. : Юрид. лит., 1986. Т. 4 : Законодательство периода становления абсолютизма. 512 с.
6. Корф М. А. Брауншвейгское семейство. М., 1993. 413 с.
7. Серов В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М. : Локкид-Пресс, 2005. 852 с.
8. Чельцов-Бебутов М. А. Обвиняемый и его показания в советском уголовном процессе. М. : Минюст СССР, 1947. 52 с.

9. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М. : Юрид. лит., 1950. 308 с.

10. Барабаш А. С. Доказательственная ценность признания обвиняемым своей вины вчера, сегодня // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5 : Юриспруденция. 2015. № 1(26). С. 15–24.

11. Нарышкина Н. И. Классификация пыток, практиковавшихся в тюрьмах России и Европы // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2018. № 3. С. 182–186.

12. Шелегов Ю. В. Пытки как крайняя форма девиации в уголовном судопроизводстве на стадии предварительного расследования // Девиация в современном российском обществе. Ее профилактика и минимизация : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2018. С. 63–67.

13. Иваньшина А. Э. Стимулирование обвиняемого к признанию своей вины: проблема минимизации рисков // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 678–681.

14. Барабаш А. С. Совершенствование уголовно-процессуального механизма защиты граждан от незаконного насилия со стороны сотрудников правоохранительных органов // Обеспечение прав и свобод человека и гражданина : сб. ст. по итогам материалов Международ. науч.-практ. конф., Тюмень, 17–18 ноября 2005 г. : в 5 ч. / под ред. Г. Н. Чеботарева. Тюмень, 2006. Ч. 4. С. 45–48.

15. Гордейчик С. А., Егорова Н. А. Пытки на предварительном расследовании: причины и предупреждение // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 2(21). С. 94–99.

16. Кашников Б. Н. Насилие справедливости и справедливость насилия // Военно-юридический журнал. 2013. № 8. С. 20–28.

17. Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). М. : Юрист, 2001. 292 с.

18. Катков Д. Б., Корчиго Е. В. Конституционное право России : учеб. пособие / отв. ред. Ю. А. Веденеев. М. : Юриспруденция, 1999. 288 с.

19. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М. : Норма, 2008. 448 с.

20. Лукашева Е. А. Социалистическое право и личность. М., 1987. 155 с.

21. Ильин И. А. Путь к очевидности. М. : Республика, 1993. 430 с.

22. Дикаев С. У. Допустимо ли применение пыток в целях обеспечения права безопасности? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 2(33). С. 25–30.

23. Еминцева Ю. А. Место запрета пыток в системе общепризнанных прав человека // NovaUm.Ru. 2016. № 4. С. 152–154.

24. Данилов А. П. Всеобъемлющее нарушение тайны общения как мера безопасности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 1(32). С. 41–47.

УДК 343.848:364.04

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.529-535

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ПАСТУШЕНЯ,

доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры психологии и педагогики,
Академия МВД Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь,
e-mail: anp-1308@ya.ru;

ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА СИМАКОВА,

кандидат психологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: simakovatanea@yandex.ru

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ КАК ПРОЦЕСС СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ

Для цитирования

Пастушеня, А. Н. Ресоциализация как процесс социально-психологического и духовно-нравственного развития личности осужденных / А. Н. Пастушеня, Т. А. Симакова // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 4. – С. 529–535. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.529-535.

Аннотация. В статье рассматривается содержательная сторона ресоциализирующего воздействия на осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Методологическая рефлексия процесса ресоциализации акцентирует внимание на процессах преобразования внутреннего мира личности осужденных, представляющего собой системную иерархию процессов, свойств и состояний личности. Это имеет принципиальное значение, поскольку в современной пенитенциарной практике можно наблюдать смещение активности в сторону улучшения условий содержания в связи с необходимостью соответствия европейским стандартам осуществления наказания в местах лишения свободы. Подобного рода практика при дефиците психологического сопровождения осужденных вызывает негативные результаты отбывания наказания, проявляющиеся в обогащении личности осужденного новыми социальными пороками, такими как иждивенчество, низкая социальная адаптивность в изменяющихся условиях гражданского социума, криминальная зараженность мотивационно-смысловой сферы личности. Исправление осужденных, преобразование их психологии, включающей в себя правосознание и его реализацию, в правопослушном поведении возможны только при условиях адекватного сочетания функций наказания и исправления. В этом контексте предлагается

© Пастушеня А. Н., Симакова Т. А., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

структурно-функциональная модель развития готовности личности к правомерному образу жизни, содержащая основные компоненты ресоциализации, касающиеся когнитивной, коммуникативной, социально-перцептивной, ценностно-смысловой, мотивационной, эмоционально-волевой сфер личности. В соответствии с моделью сформулированы задачи ресоциализации применительно к основным сферам жизнедеятельности осужденного после освобождения: материальное обеспечение жизни, взаимодействие с другими людьми, благоразумное поведение в сфере отдыха и развлечений.

Ключевые слова: ресоциализация осужденных, готовность к правопослушному образу жизни, антикриминальная устойчивость личности осужденного, задачи исправительного процесса.

В международных стандартах, нашедших свою реализацию в отечественном уголовно-исполнительном законодательстве, в качестве одной из основных целей исполнения наказаний выступает ресоциализация осужденных. В. М. Поздняков, подчеркивая комплексный характер ресоциализирующего воздействия, выделяет в этом процессе коррекцию поведения, позитивное изменение внутренних установок и ценностных ориентаций осужденных, приобщение их к освоению и выполнению основных социальных ролей в обществе в качестве законопослушных социально полезных граждан [1, с. 227]. А. В. Пищелко указывает на необходимость формирования у осужденного в процессе ресоциализации качеств личности, способствующих восстановлению нарушенных социальных связей и отношений, идентификации личности как субъекта собственной жизнедеятельности [2, 3].

Таким образом, содержание определения ресоциализации осужденных, выражающее ее сущность, раскрывается в личностной готовности и способности осужденных вести правопослушный образ жизни. Ресоциализация предполагает исправительный результат, а именно устойчивую внутреннюю потребность и способность действовать правомерно при обеспечении личных потребностей и интересов во всех сферах жизнедеятельности. Система методологических принципов является инструментарием, конструирующим процесс ресоциализирующего воздействия на осужденных.

Встроенность методологической составляющей в пенитенциарную практику позволяет оптимально реализовать функции наказания, ориентируясь в первую очередь на внутренний мир личности, на приведение осужденного к раскаиванию, покаянию и исправлению. Внутренняя необходимость означает наличие желаний и стремлений действовать таким образом, что представляет собой целемотивационную составляющую готовности. Наряду с ней необходима и решимость проявлять волевые усилия для правомерного преодоления трудностей и деструктивных соблазнов, что выражает волевой компонент внутренней необходимости. Внутренняя возможность вести законопослушный образ жизни выражается в наличии умений правомерно решать различные жизненные противоречия, обеспечивая удовлетворение своих потребностей и выход из проблемных ситуаций.

Кроме того, готовность к правомерному поведению и образу жизни зависит от общих способностей к социальной адаптации, которые позволяют адекватно условиям осуществлять необходимые для нормальной жизнедеятельности функции, налаживать взаимодействие с другими людьми, не провоцируя проблемных ситуаций, которые могут привести к криминальному срыву.

Готовность личности осужденного к правопослушному образу жизни включает в себя:

– подготовленность к правомерному поведению в основных сферах жизнедеятельности, выражающую стремление и умение вести себя правомерно, а также волевую решимость преодолевать трудности при правомерной реализации жизненных задач и проблем;

– антикриминальную устойчивость, выражающую решимость и умение противостоять внешним и внутренним криминогенным факторам;

– общие способности к нормальной социальной адаптации.

Эта общая трактовка основных сторон указанной готовности нуждается в конкретизации для практического использования в исправительном процессе. Такая конкретизация выражается в ответе на вопрос: какие свойства и качества необходимо формировать и изменять в личности осужденных для того, чтобы достичь указанной готовности? Ответ на него является исходным для определения конкретных задач исправительного процесса. Он может быть дан на основе системного подхода, который применительно к описанию личностных предпосылок к определенным видам деятельности или поведения представляет собой структурно-функциональные модели психических свойств. В соответствии с этим подходом готовность личности к правомерному образу жизни (и каждая из ее основных сторон) может быть представлена как система психических свойств личности, которые выступают существенными в детерминации правомерного поведения в различных сферах жизнедеятельности человека при решении определенных жизненных задач.

Основываясь на системном понимании психологического механизма социального поведения и его личностных детерминантах, представим структурно-функциональную модель готовности личности к правомерному образу жизни, которая может выступать целеориентирующей основой исправительного процесса. Психологическая структура указанной готовности включает в себя следующие основные элементы:

- 1) правомерные жизненные планы;
- 2) ценностно-смысловые представления о правопослушном образе жизни;
- 3) личностно-ценный Я-образ добропорядочного человека;
- 4) притязания и потребности, основанные на правовых и моральных нормах;
- 5) осознанность реальных правомерных возможностей удовлетворения потребностей;
- 6) антиценности как личностные барьеры для противоправных или аморальных действий;
- 7) моральные принципы, детерминирующие удовлетворение своих потребностей и интересов;
- 8) социально-правовые ожидания, выражающие веру в успешную самореализацию;
- 9) убежденность в неизбежности наказания в случае совершения противоправных деяний;
- 10) профессиональные и социальные умения, лежащие в основе удовлетворения потребностей и выполнения социальных ролей.

Важное значение имеет развитие адекватных представлений о самом себе: какой Я есть и, самое главное, каким мне надо быть. Потребностный Я-образ включает в себя, прежде всего, отражение своей ведущей жизненной роли. Лица с законопослушной позицией проявляют положительную ролевую идентификацию «Я – семейный человек», «Я – рабочий человек», «Я – законопослушный человек», в то время как лица криминальной направленности, как правило, идентифицируют себя с криминальной ро-

лю: «Я – бродяга», «Я – порядочный арестант», «Я – вор», «Я – игрок». Потребостный Я-образ включает в себя осознание нескольких компонентов: должных черт характера (каким следует быть), форм и манер поведения (как надо поступать), внешнего облика (как надо выглядеть).

Важно определить комплекс именно тех личностных ценностей, которые являются реальными для осужденного и адекватными его возрасту, уровню культурного развития, семейному и имущественному положению, и при этом они должны быть по возможности ассимилируемыми, то есть реально достигаемыми в процессе личностного преобразования. В формировании ценностно-смысловой системы личности осужденного базовое значение имеет ценность жизни в условиях свободы. Казалось бы, эта ценность является естественной и лично значимой для любого осужденного, однако существуют скрытые механизмы ее девальвации. Они выражаются в самооправдании, в принятии статуса преступника, в привыкании к местам лишения свободы, в отчуждении от нормальной социальной среды, в опасении неразрешимых проблем при жизни на свободе. Это дает основание утверждать, что осужденные не хотят лишения свободы, однако они не боятся его и в то же время испытывают негативные ожидания в отношении жизни в условиях свободы. В силу этого воспитание ценностного отношения к жизни в условиях свободы является важной задачей в исправительном процессе.

Наряду с формированием положительных ценностей не меньшее значение имеет и девальвация аморально-криминального образа жизни. Эту воспитательную задачу можно представить и как формирование комплекса антиценностей, к которым необходимо отнести: разгульный образ жизни, употребление наркотиков, компанию криминальных и аморальных лиц, жизнь в пьяном угаре, оставление без помощи своих детей и в конечном итоге осуждение и жизнь в условиях лишения или ограничения свободы.

В качестве внутренних криминогенных факторов могут выступать побуждения или переживания, которые предрасполагают индивида к вредоносному, в том числе противоправному, поведению. В качестве таких внутренних факторов выступают:

- зависимость от наркотиков, потребность в употреблении алкоголя, патологическая страсть к азартным играм и развлечениям, последствиями чего могут являться криминальные срывы;
- переживания отрицательных эмоций, таких как гнев, ревность, обида, чувство униженности, которые порождают агрессивные и иные вредоносные побуждения;
- реактивная актуализация ранее присущих криминальных стереотипов и влечений, которые он сознает как нежелательные, но не всегда способен силой воли их сдерживать при состояниях, снижающих сознательно-волевой самоконтроль.

Эти внутренние факторы представляют собой остаточные явления криминальных стереотипов и влечений. Подобные остаточные явления присущи и имевшимся у людей зависимостям: наркотической, алкогольной, игровой и другим, даже несмотря на их терапию.

Перечень этих внутренних криминогенных факторов определяет конкретные исправительные задачи по формированию устойчивости к каждому их виду. Наряду с развитием волевой решимости сдерживать негативные побуждения необходимо и формирование умений соответствующей саморегуляции.

Еще одна сторона готовности личности к правомерному образу жизни заключается в общих способностях к социальной адаптации, что означает снижение дезадаптационных личностных предпосылок, выражающихся в отрицательных чертах характера, в деформациях личности, обусловленных психотравмирующими событиями и морально ущерб-

ными условиями жизни в среде осужденных, неразвитостью или утратой определенных социальных умений. Социальная адаптация определяется как способность человека к адекватному восприятию окружающей социальной действительности, к адекватным отношениям и общению с людьми; как способность к труду, обучению, к организации досуга и отдыха, к самообслуживанию и взаимообслуживанию в семье и коллективе; как способность к изменению поведения в соответствии с ситуациями и социальными ролями. Противоположное явление выражается в социальной дезадаптации, которая детерминирована определенными личностными свойствами и качествами.

Повышение адаптационных способностей осужденных заключается в формировании стремлений и умений благоприятно решать жизненные задачи, не создавая трудностей и проблем себе и другим людям в силу отрицательных черт характера и склонностей. Такие адаптационные проблемы в большей мере касаются сферы взаимодействия с другими людьми и могут проявляться в повышенной конфликтности или неумении правильно общаться, чтобы решить жизненные задачи и проблемы. Они могут проявляться в низкой самостоятельности, в склонности к негативной оценке других людей и событий, в отказе от цели при возникновении трудностей, в повышенном конформизме и внушаемости.

Изложенное понимание готовности осужденного к законопослушному образу жизни как определенной психологической структуры позволяет достаточно четко определить задачи исправительной работы с осужденными, которые заключаются в формировании и закреплении указанной совокупности психологических свойств. Рассмотрим эти задачи применительно к основным сферам жизнедеятельности осужденного после освобождения.

Для формирования готовности к правомерному поведению в сфере материального обеспечения жизни необходимо решение следующих задач по обучению, воспитанию и оказанию социальной помощи осужденным:

- формирование правильных взглядов, отношений и ценностных ориентаций, определяющих, с одной стороны, намерения трудовым путем обеспечивать свой материальный достаток и не совершать корыстные противоправные посягательства, с другой стороны, адекватный уровень материальных притязаний;
- привитие установок, препятствующих податливости провоцирующим влияниям и соблазнам незаконного завладения материальными благами, а также умений, необходимых для их реализации;
- профессиональное обучение, ориентированное на индивидуальные способности и реальную возможность трудоустройства по будущему месту жительства;
- приучение к систематическому труду и соблюдению трудовой дисциплины, которое возможно только при осознании положительного личностного смысла трудовой деятельности в период отбывания наказания;
- правовое просвещение, касающееся государственной помощи в трудовой занятости, трудовых правоотношений, предпринимательской деятельности, правоотношений в сфере собственности, социального обеспечения и жилищных прав;
- психологическая подготовка к возможным материальным трудностям, включающая в себя совместную проработку с осужденным вариантов решения этих проблем, поддержание уверенности в положительном будущем;
- формирование знаний и умений правильно планировать и использовать личный бюджет, обеспечивать свое питание и бытовое самообслуживание;
- оказание помощи в трудовом и бытовом устройстве освобождаемого.

Воспитание готовности к правомерному поведению в сфере взаимодействия с другими людьми предусматривает решение следующих задач просветительной, воспитательной и психокоррекционной работы с осужденными:

- укрепление ценностной значимости семьи и добропорядочных отношений с другими людьми, выработка толерантного отношения к людям, их поступкам, к проявлениям с их стороны недоверия;

- обучение основам правовых знаний, которые необходимы для юридически правильной оценки ситуаций и правовых последствий различных вариантов собственного поведения, а также для понимания возможностей и способов правомерного решения проблем, возникающих при взаимодействии с другими людьми;

- формирование отрицательного отношения к насильственным действиям и приемлемости правомерных и морально одобряемых способов взаимодействия с другими людьми в ситуациях столкновения личных интересов, в том числе приемлемости ухода от конфликта и отказа от взаимодействия с лицами, которые ведут противоправный или аморальный образ жизни;

- обучение основам этических и психологических знаний и формирование умений тактично и психологически рационально строить общение и отношения, вести себя в ситуациях столкновения или ущемления личных интересов;

- развитие способности контролировать свое эмоциональное состояние и поведение в конфликтных ситуациях, а также противостоять подстрекательствам других лиц или провоцирующему поведению с их стороны;

- формирование умеренных статусных притязаний, благоразумной самодостаточности, а также сглаживание психологических последствий отбытия наказания (чувств социальной отчужденности, стигматизированности).

Для формирования готовности к благоразумному поведению в сфере отдыха и развлечений необходимо:

- воспитание умеренности в развлечениях и отрицательного отношения к разгульному образу жизни;

- развитие представлений о положительных формах отдыха и установок на их использование;

- наркологическое просвещение и воспитание, а в необходимых случаях проведение наркологической терапии для снижения (избавления) алкогольной, наркотической или токсической зависимости.

Мы придерживаемся мнения А. И. Ушатикова и Б. Б. Казака, указавших на то, что ресоциализирующее воздействие на осужденного, по сути, представляет собой восполнение его социальных недостатков (образование, кругозор, профессиональная подготовка), а также нейтрализацию негативного влияния последствий отбывания наказания [4, с. 464]. Таким образом, ресоциализация при условии адресной компенсирующей помощи и системного применения методологически обоснованных способов воздействия имеет возможность ее осуществления в условиях современной пенитенциарной системы демократического общества.

Библиографический список

1. Преступление и наказание от А до Я (словарь по пенитенциарной психологии) / под общ. ред. Д. В. Сочивко. М. : МПСИ, 2009. 456 с.

2. Пищелко А. В. Психолого-педагогические основы ресоциализации личности осужденных : монография. Домодедово : Респ. ин-т повышения квалификации работников МВД РФ, 1995. 88 с.

3. Пищелко А. В. Основы пенитенциарной психологии и педагогики. М., 2002.

4. Ушатиков А. И., Казак Б. Б. Пенитенциарная психология : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Рязань : Академия права и управления Минюста России, 2003. 758 с.

УДК 343.828

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.536-542

НИНА АЛЕКСЕЕВНА ТЮГАЕВА,

доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
профессор кафедры юридической психологии и педагогики,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: editor62@yandex.ru;

БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ АЛЕКСАНДРОВ,

преподаватель кафедры социальной психологии и социальной работы,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: abv2712@rambler.ru;

РОМАН МИХАЙЛОВИЧ ВОРОНИН,

доктор медицинских наук, доцент,
профессор кафедры психологии профессиональной деятельности в УИС
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: rmvoronin@mail.ru;

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ОГОРОДНИКОВ,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры управления и организации деятельности в УИС,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: ogorodnikov_v.i.@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ В ПРОЦЕССЕ ИХ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Для цитирования

Тюгаева, Н. А. Развитие личности осужденных к лишению свободы в процессе их физического воспитания: теоретико-методический аспект / Н. А. Тюгаева, Б. В. Александров, Р. М. Воронин, В. И. Огородников // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 4. – С. 536–542. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.536-542.

Аннотация. В статье определено понятие и раскрыты сущность, особенности, функции физического воспитания осужденных к лишению свободы с целью достижения их личностного развития в этом процессе и подготовки к ресоциализации. Особое внимание уделено научным направлениям, в рамках которых рассматривается личность человека, выступающая объектом физического воспитания, и психологическому содержанию физического воспитания как процесса.

© Тюгаева Н. А., Александров Б. В., Воронин Р. М., Огородников В. И., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

По мнению авторов, осужденные имеют скудные представления о значимости физического воспитания и физического саморазвития. В работе отражен краткий экскурс в историю проблемы, который свидетельствует о том, что физическое воспитание возникло на заре человеческой цивилизации, непосредственно связано с физкультурно-спортивной работой, в том числе проводимой в местах лишения свободы с осужденными и способствующей развитию личности. Рассмотрены алгоритм действий и принципы физического воспитания, которые реализуются с целью развития личности осужденных, а также представлена примерная программа физического воспитания, состоящая из таких блоков, как: теоретический (просветительский), практический и контрольный. Отмечены критерии эффективности применения данных программ. Раскрыта также роль физических упражнений, правил личной и общественной, производственной и бытовой гигиены, являющихся важными средствами физического воспитания и формирования личностных качеств осужденных.

Ключевые слова: физическое воспитание, развитие личности, осужденные, физкультурно-спортивная работа, ресоциализация.

Психолого-педагогическим элементом воспитательной системы исправительного учреждения является физическое воспитание осужденных, под которым следует понимать процесс формирования и развития физических способностей, эмоционально-волевых качеств осужденных, укрепления и сбережения их физического и психического здоровья. Этот процесс идет в особых условиях ограниченного пространства и движений, поэтому очень актуален и избран предметом исследования. Физическое воспитание осужденных выполняет три взаимосвязанные функции: оздоровительную, воспитательную (исправительную), сублимирующую (переключающую активность (энергию) субъекта на более высокий уровень). Результатом исследуемого процесса будут степень исправления и развития личности осужденных, а также уровень готовности их к ресоциализации.

Изучение научной литературы показывает, что одним из ключевых и сложных вопросов науки и практики является проблема развития личности в специально организованных условиях. Она многогранна, поэтому рассматривается разными науками: возрастной физиологией и анатомией, философией и социологией, психологией и педагогикой и др. Педагогическая психология изучает и выявляет наиболее эффективные условия для гармоничного развития личности в процессе воспитания. В психолого-педагогической литературе по проблеме развития личности выделяются три основных направления: биологическое, социологическое и биосоциальное.

Представители биологического направления, считая личность сугубо природным существом, поведение человека объясняют действием присущих ему от рождения потребностей, влечений и инстинктов (З. Фрейд и др.). Человек вынужден подчиняться требованиям общества и при этом постоянно подавлять естественные потребности. Чтобы скрыть эту постоянную борьбу с самим собой, он «надевает маску» или неудовлетворение естественных потребностей замещает занятиями каким-либо видом деятельности.

Представители социологического направления считают, что хотя человек рождается как существо биологическое, однако в процессе своей жизни он постепенно социализируется благодаря влиянию на него тех социальных групп, с которыми он контактирует. Чем ниже по уровню развития личность, тем ярче и резче проявляются у нее биологические черты, прежде всего инстинкты обладания, разрушения, половые и т. п.

Представители биосоциального направления считают, что психические процессы (ощущение, восприятие, мышление и др.) имеют биологическую природу, а направленность, интересы, способности личности формируются как явления социальные. Представляется, что такой подход никак не может объяснить ни поведение личности, ни ее развитие.

Таким образом, осмысливая вышеизложенное с позиции педагогической психологии, следует сделать вывод: личность человека – единое целое, в котором биологическое неотделимо от социального. Изменения в биологии личности отражаются не только на особенностях ее деятельности, но и на образе жизни. Однако решающую роль играют те мотивы, интересы, цели, то есть результаты социальной жизни, которые, определяя весь облик личности, придают ей силы для преодоления своих физических недостатков и особенностей характера (вспыльчивость, стеснительность и т. п.). Личность, будучи продуктом общественной жизни, в то же время является живым организмом, представляет собой целостную психическую систему (Л. С. Выготский). Отношения социального и биологического в формировании и поведении личности чрезвычайно сложны и оказывают неодинаковое воздействие на нее на разных этапах развития человека, в разных ситуациях и видах общения с людьми. Так, смелость может доходить до безрассудства, когда в основе – желание привлечь к себе внимание (естественная потребность в признании). Другого человека смелость побуждает идти навстречу жизненным трудностям, хотя об этом никто, кроме него, не знает. Важно видеть и степень выраженности качества. Чрезмерная вежливость, например, может граничить с подхалимством, послушание – быть показателем пассивного исполнения требований, безразличия, а непоседливость – свидетельствовать о живости интереса, быстроте переключения внимания и др.

Основными составляющими процесса развития личности выступают социальные, культурные, интеллектуальные, физические, профессиональные, творческие, организаторские, управленческие, педагогические и прочие способности, познавательные, деловые, волевые и другие качества. Интегральным же показателем развития выступает развитость личности, а применительно к осужденным – еще и исправленность.

Среди важнейших функций личности следует назвать творческое освоение общественного опыта и ее включение в систему общественных отношений, поскольку личность существует, проявляется и формируется только в деятельности. В современных исправительных учреждениях трудно представить исполнение наказания без специально организованной физкультурно-спортивной деятельности осужденных, в процессе которой осуществляется их физическое воспитание. Кроме того, наблюдение показывает, что оно выступает в качестве важного средства, с помощью которого реализуется социальная программа развития личности, ее задатков и способностей. Современная отечественная педагогическая психология стоит на позиции диалектической взаимосвязи воспитания и развития личности: вне воспитания не может быть полноценного развития личности.

Психологическим содержанием физического воспитания как процесса являются знания, умения, навыки, компетенции, способы действий. Управляется этот процесс сознательной целью, а продуктом будут внутренние новообразования психики и деятельности в мотивационном, ценностном и смысловом планах, знания и умения применять их для решения разнообразных практических задач. Организация физического воспитания осужденных видится в двух направлениях: 1) изначальное формирование мотивации осужденных к занятиям физкультурой и спортом; 2) переориентация уже сформированной мотивации осужденных. В том и другом случае в процессе физического воспитания осужденных определяющая роль отводится конструктивной информации о

закономерностях развития природы, общества, человека, о всеобщих причинно-следственных связях, о том, что надо делать, как и в каком направлении это осуществляется.

Изучение научных источников и практики показало, что осужденные имеют весьма скудные представления о значимости физического воспитания и физического саморазвития. В связи с этим педагогически целесообразен краткий экскурс в историю проблемы.

Физическое воспитание возникло на заре человеческой цивилизации. Первобытные люди охотились, добывали пищу, обустроивали свое жилище – все эти естественные действия приводили к совершенствованию их физической формы, улучшению таких качеств, как выносливость, скорость, сила. Некоторые направления, формы, методы и средства физического воспитания возникли в первобытнообщинный период, но они не носили целенаправленный характер.

Как организованная и целенаправленная деятельность физическое воспитание впервые появилось в Древней Греции. Известна спартанская (г. Спарта) система воспитания, ее основным элементом была военная подготовка, которая развивала силу, ловкость и др. Интеллектуальное воспитание сводилось к минимуму. Большое значение имели Олимпийские игры и другие состязания. Позже (конец VI в. до н. э.) сложилась афинская (г. Афины) система воспитания, которая сочетала умственное и физическое воспитание.

В III в. до н. э. Древний Рим стал ведущим в военном отношении государством. У римлян не привились элементы греческого воспитания (гимнастика, обучение музыке, пению, танцу), они, стесняясь наготы, отвергли спорт, предпочитая бои гладиаторов. Физические упражнения стали использовать в основном для развития выносливости, ловкости и силы, которые необходимы бойцам римской армии для ведения военных действий. Античная система воспитания была в дальнейшем усвоена Средневековьем. Возрождение в истории культуры стран Западной и Центральной Европы – эпоха перехода от средневековой культуры к культуре Нового времени (XIV–XVI вв.). Педагогическая мысль Возрождения оказала влияние на европейскую систему воспитания теоретическими положениями, подтвержденными практикой. Главными среди них были идеи гармоничного развития, связь умственного, нравственного и физического воспитания, внимание к индивидуальным особенностям и природным склонностям детей.

Одним из основоположников теоретических и практических вопросов физического воспитания детей и взрослых является П. Ф. Лесгафт (1837–1909). Главный принцип теории П. Ф. Лесгафта – единство физического и умственного развития человека. Он рассматривал систему направленных упражнений средством не только физического, но и умственного, нравственного и эстетического воспитания.

После 1917 г. научное наследие П. Ф. Лесгафта творчески использовалось советской школой и педагогикой. Массовое физкультурное движение началось в рамках всеобщего военного обучения (всеобща). С 1918 г. создавались военно-спортивные клубы и кружки, в 1920-е годы проводились многодневные эстафеты, спартакиады, пробеги и пр. В 1930-е годы основу физического воспитания составлял комплекс «Готов к труду и обороне» (ГТО); для детей – ступень «Будь готов к труду и обороне» (БГТО). В 1990-е годы новые общественно-экономические отношения поставили физкультурно-спортивные организации и коллективы в сложные условия. В настоящее время ситуация изменилась, указ Президента В. В. Путина вернул к жизни физкультурно-спортивный комплекс ГТО.

Применительно к лицам, отбывающим уголовные наказания, следует отметить, что они остаются гражданами своей страны. Объектом уголовной кары являются свобода, материальные, духовные блага, принадлежащие гражданину. Осужденные либо ограничиваются в пользовании ими, либо лишаются некоторых из них полностью. Однако

личность осужденного, его здоровье не являются и не могут быть объектом уголовного наказания. Наказывая человека за совершенное им преступление, государство исходит из того, что после отбытия наказания он должен быть возвращен в общество здоровым и жизнедеятельным. В местах лишения свободы особо активно проводилась физкультурно-спортивная работа в 1970–1980-х гг. В комплексных планах политико-воспитательной работы с осужденными наряду с другими был раздел «Физкультурно-спортивная работа». Он включал в себя проведение летних и зимних спартакиад, ежедневную утреннюю физзарядку, соревнования по отдельным видам спорта (волейбол, баскетбол, настольный теннис), спортивные игры (шашки, шахматы, домино – по одному комплекту на каждые 30 человек, а в ИТУ особого вида режима, в тюрьме и СИЗО – на каждую камеру).

Практика не стоит на месте, физкультурно-спортивная работа с осужденными проводилась и проводится, о чем свидетельствуют публикации [1, с. 12–15; 2, с. 28–29; 3, с. 16–19].

Осознание вышеизложенного в полной мере рано или поздно приведет осужденного к мысли о неотвратимости быть ответственным за свое здоровье и жизнь. Возникающий таким образом внутренний (психологический) регулятор дает определенные гарантии ориентации поведения на социально полезные модели поведения. Этот регулятор в сфере педагогического взаимодействия сотрудников и осужденных мало используется в силу влияния ряда объективных и субъективных факторов: сложность и тонкость индивидуальной работы; низкий уровень психолого-педагогической компетентности сотрудников; много информации – знаний мало; отсутствие надлежащих условий и др. Следует отметить, что с сотрудниками уголовно-исполнительной системы также проводится работа в рамках физического воспитания.

Анализ существующего и собственного опыта авторов свидетельствует о том, что применительно к физическому воспитанию осужденных возникает необходимость соблюдения следующего алгоритма действий: просвещение (просветительский проект) – обучение (образовательная программа) – формирование (мотивы, способности, физкультурно-оздоровительные и физкультурно-спортивные навыки) – включение в деятельность (самообразование и самовоспитание) – анализ результатов (состояние физического и психического здоровья, уровень исправленности и развитости). При этом важно знать и применять следующие принципы:

1) принцип добровольности – отражает необходимость добровольного участия осужденных в физкультурно-спортивной деятельности для физического (телесного) и духовного развития личности;

2) системности – отражает необходимость заниматься физическими упражнениями в течение определенного отрезка времени без перерывов, что позволит определить необходимый (достаточный) уровень физической нагрузки при выполнении того или иного упражнения, соотнеся ее с собственными возможностями;

3) деятельности – ориентирует осужденных на освоение новых знаний, компетенций и навыков, а также на возможность реализации духовного и интеллектуального потенциала;

4) оптимальности – предполагает целесообразный подбор форм, методов и средств физического воспитания осужденных с учетом их индивидуальных особенностей, интересов, потребностей и возможностей исправительного учреждения;

5) сотрудничества – предусматривает постоянный диалог и взаимодействие между субъектами педагогического процесса, взаимное уважение и доверие;

6) саморазвития – предполагает постоянное самовоспитание и самообразование через самостоятельные занятия, используя ранее имеющийся жизненный опыт и стремление к овладению новыми знаниями, формирование новых умений и навыков.

В соответствии с изложенным алгоритмом действий и принципами физического воспитания с целью развития личности осужденных разрабатывается программа, которая может состоять, например, из трех блоков: теоретического (просветительского), практического и контрольного.

Теоретический блок направлен на просвещение осужденных в области физкультурно-спортивной работы исходя из следующих приоритетов: компенсация недостатков существующего физического развития осужденных; обеспечение необходимого двигательного режима; формирование и совершенствование важных для жизни качеств и способностей; формирование уверенности в своих силах и убежденности в том, что разносторонняя физическая подготовленность является основой духовного и телесного развития личности и ее коррекции.

Содержание практического блока предполагает на обучение осужденных методам и способам физкультурно-спортивной деятельности, освоение ими различных видов физических упражнений, в первую очередь общеразвивающих, формирование навыков самосовершенствования, саморазвития, повышение уровня психофизических, двигательных функциональных и социальных способностей.

Контрольный блок предусматривает анализ, объективный контроль и учет результатов физкультурно-спортивной деятельности, мониторинг показателей физической подготовленности осужденных и их психофизического развития.

Основными критериями эффективности предложенной примерной программы физического воспитания осужденных в условиях конкретных исправительных учреждений предполагаются сформированность потребности у них в занятиях физкультурой и спортом, а также степень развитости личности, что является основанием ее исправления.

Важными средствами физического воспитания осужденных являются физические упражнения, соблюдение правил личной и общественной, производственной и бытовой гигиены. Это обусловлено тем, что физические упражнения разносторонне воздействуют на развитие физических способностей личности. Познавание закономерностей влияния физических упражнений на организм, научная методика их выполнения дают возможность использовать физические упражнения для достижения целей физического воспитания. Соблюдение правил гигиены выступает в качестве условия успешной организации и проведения занятий физическими упражнениями. Кроме того, соблюдение гигиены необходимо для сохранения и укрепления психического и физического здоровья.

Результаты проведенного теоретико-методического исследования позволяют сделать следующий вывод: физкультура и спорт как составные элементы процесса физического воспитания осужденных оказывают настолько сильное воздействие на личность, ее исправление и развитие, что трудно представить, чем их можно заменить или компенсировать в условиях лишения свободы, ограниченности пространства и движений. Однако важно отметить, что прогрессивный результат будет давать только систематическая и целенаправленная работа по физическому воспитанию осужденных при соблюдении следующих условий: целостность системы знаний и умений в контексте развивающей функции процесса физического воспитания; постоянное совершенствование компетентности и компетенций руководителей и сотрудников воспитательных отделов исправительных учреждений; развитие и популяризация видов спорта, разрешенных в местах лишения свободы; использование традиционных физкультурно-спортивных и физкультурно-оздоровительных методик, инновационных технологий, адаптированных к возрастным и психологическим особенностям личности осужденного, а также материальным возможностям исправительного учреждения.

Библиографический список

1. Тюгаева Н. А. Реализация физического воспитания осужденных через физкультурно-спортивную работу с ними // Человек: преступление и наказание. 2016. № 4(95). С. 12–15.
2. Данилин Е. М., Евдокимов И. В. Как оценить деятельность воспитательных колоний // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2014. № 10. С. 28–29.
3. Шишигин В. Энергия, помноженная на целеустремленность // Преступление и наказание. 2014. № 10. С. 16–19.

УДК 316:343.8

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.543-553

ГРИГОРИЙ ВИКТОРОВИЧ ЩЕРБАКОВ,

кандидат психологических наук, доцент,
заместитель начальника академии по научной работе,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: gregoralt@yandex.ru;

МАКСИМ МИХАЙЛОВИЧ ЧЕРЕХОВИЧ,

аспирант, Московский государственный областной университет,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: m.16.mm@mail.ru

МЕТОДИКА АНКЕТНОГО ИЗУЧЕНИЯ МНЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ О ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ С НИМИ

Для цитирования

Щербаков, Г. В. Методика анкетного изучения мнения осужденных о воспитательной работе с ними / Г. В. Щербаков, М. М. Черехович // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 4. – С. 543–553. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.543-553.

Аннотация. В статье рассматриваются методология проведенного криминологического-социологического исследования (анкетирования), этапы подготовки исследовательского инструментария, сбора, обработки результатов анкетирования, приводятся основные данные, полученные в результате исследования. Объект исследования – анкетирование как метод сбора информации об осужденных мужского пола, отбывающих наказание в исправительных колониях (кроме осужденных пожизненно), воспитательная работа с указанной категорией осужденных.

Ключевые слова: анкетирование, осужденные, лишение свободы, исправление, воспитательная работа, исправительное учреждение.

Главной особенностью анкетирования осужденных является повышенная вероятность получения недостоверных результатов. Каждый осужденный, отвечая на вопросы даже анонимного опросника, надеется создать о себе лучшее впечатление, поскольку главная цель большинства – условно-досрочное освобождение, а значит, респондент видит необходимость в том, чтобы убедить окружающих в позитивных изменениях личности, мнимых или реальных.

Можно воспользоваться методом повышения достоверности результатов анкетирования путем введения дополнительных повторяющихся вопросов либо вопросов, сформулированных диаметрально противоположными друг другу [4, с. 134]. Однако такой подход

© Щербаков Г. В., Черехович М. М., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

значительно удлиняет опросный лист, увеличивает время ответа, снижает мотивацию респондента [9, с. 181]. Кроме того, в этом случае многие ответы исследователем просто не анализируются [13, с. 5]. В силу этого нам видится наиболее эффективным подход к повышению достоверности анкетирования, основанный на принципе «чем больше лиц опрошено, тем достовернее результат опроса» [3, с. 59; 10, с. 99].

Разработанный нами анкетный лист разделен на три части: классификационная часть, содержащая социально-демографические и специфические профессионально-классификационные сведения о респондентах с учетом особенностей обследуемого контингента; информативная часть и заключительная часть, в которой выражена благодарность за участие в опросе.

Ряд вопросов информативной части содержит включенные в текст инструктивные указания, адресованные респондентам: указание на периодичность проведенной воспитательной работы для облегчения выбора подходящего ответа; на технику заполнения анкеты в зависимости от ответов на предыдущие вопросы; на возможность выбора нескольких вариантов ответа.

Композиция классификационной части определена задачами исследования и логикой исследования личности обследуемого (выстроены по схеме: демографические признаки → отношение: к администрации ИУ, воспитательному воздействию → дисциплинарные показатели). Разрыв классификационной части на два блока, помещенных в начале и конце опросника, выполнен сознательно в методических целях, в частности, для отделения смысловых блоков анкеты и группы сложных вопросов информативной части анкеты простым (разгрузочным) ее завершением.

Цель анкетирования – изучение эффективности организации исправительной работы с осужденными. Первым этапом разработки анкеты стало определение ее содержания. По официальным данным, среди находящихся в местах лишения свободы осужденных доля ранее отбывавших наказание лиц составляет более 50 % (Институт проблем современного общества, статистика по осужденным. URL : <http://i-pso.ru/2016/04/05/299>; Состояние преступности в России в 2018 г. URL : https://liteks.pro/images/stat/crime_rf_12_2018.pdf; Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4759>). Это позволяет выдвинуть гипотезу о наличии существенных недостатков в исправлении осужденных, достигаемом в числе прочих средств методами воспитательной работы. Данная гипотеза была выражена в ряде вопросов, направленных на получение сведений о результатах и об условиях воспитательного процесса в местах лишения свободы, отношении осужденных к этому процессу, о признаках его эффективности (неэффективности).

При ответе на ряд вопросов, помимо мнения респондента, нас интересовала интенсивность данного мнения, поэтому в некоторых случаях были предложены варианты ответов в виде шкалы оценок. Такое условие предоставляет возможность применения количественно-качественных методов анализа полученной информации, выявление взаимосвязи различных факторов воспитательной работы с осужденными.

Некоторые вопросы являлись дихотомичными по своей форме, не пересекающимися или слабо пересекающимися с другими вопросами, другие – с множественным выбором. За исключением четырех вопросов, все были закрытыми.

Отдельные вопросы построены по принципу воронки, в которой последовательность вопросов направлена на выяснение количественно-качественных показателей воспитательной работы с осужденными в исправительном учреждении (ИУ) (кто проводит, как часто, какие виды воспитательной работы проводятся, характер этой работы и т. п.). Их

цель – выяснение отношения респондента к проводимой с ним воспитательной работе, восприимчивости к ней, степени удовлетворенности ею, источникам информированности, субъективная оценка ее качества. Это позволило определить содержание и объем воспитательной работы с осужденными, субъектов такой работы. Путем сопоставления этих данных с демографическими признаками есть возможность получить сведения об интенсивности и эффективности воспитательной работы с различными категориями осужденных, о зависимости этой работы от совершенного преступления, социального положения, демографических показателей, в частности, семейного положения и наличия детей, количества судимостей. Нас интересовал также «отклик» осужденного на проводимую с ним воспитательную работу.

Вопросы анкеты были предварительно апробированы на небольшой группе испытуемых (20 человек). Целью апробации было обеспечение валидности анкеты; определение четкости и ясности изложения вопросов; исключение неточностей, формулировок, затрудняющих понимание смысла текста и, следовательно, снижающих достоверность полученных ответов; максимально возможное исключение влияния предшествующих вопросов на последующие; первичная обработка результатов.

Анкетирование не является методом, гарантирующим достоверность результатов, поэтому в анкету в качестве первого уровня обеспечения достоверности результатов были включены вопросы, сопоставление которых с информацией объективного характера (прежде всего официальной статистикой) позволяет экстраполировать достоверность полученных данных на всю совокупность обследованных респондентов. Так, сведения о возрасте, образовательном уровне, статье осуждения, сроке наказания, количестве судимостей могут быть сопоставлены с данными Росстата, Судебного департамента при Верховном Суде РФ, ФСИН России, МВД России.

По статистике ФСИН России, МВД России и Росстата за 2018–2019 гг., лица в возрасте 26–55 лет составляют около 85 % от общего количества осужденных мужчин. С учетом несколько иного шкалирования возрастных групп нами в отношении лиц 21–59 лет получены сходные данные – 91,3 %. Количество осужденных мужчин старше 60 лет составляет 2,05 % (по нашим данным – 2,5 %). По данным ФСИН России, на 2018 г. мужчины, отбывающие наказание в виде лишения свободы, по уровню образования и семейному положению разделены следующим образом: не имеют образования 1,7 % (по нашим данным – 1,07 %), 30 % – состоят в браке (по нашим данным – 28 %). Нами получены также сходные данные об уровне рецидивной преступности – более 50 % (МВД России. Официальный сайт. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – сентябрь 2019 г. URL : <https://мвд.рф/reports/item/18556721>; Росстат. Официальный сайт. URL : http://www.rosstat.gov.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/#). Сравнение этих и других социально-демографических параметров выборки и генеральной совокупности, наличие сопоставимости официальных данных и данных, полученных в ходе анкетирования осужденных, позволяет говорить о репрезентативности выборки [6, с. 62; 7, с. 112–116].

Вторым уровнем обеспечения достоверности результатов опроса стали методологические принципы отбора, обеспечивающие репрезентативность выборки. Мы стремились к максимальному приближению выборочных характеристик генеральной совокупности, для чего необходимо было определить тип выборки, ее размеры и провести оценку качества (точности) выборки. Для решения этих задач были использованы следующие правила: простая бесповторная выборка; ее формирование вероятностным (случайным) образом [5; 10, с. 99]; наличие равной для каждого респондента возмож-

ности попадания в выборку; достаточный объем (численность) выборочной совокупности; осуществление выбора из всех частей изучаемой совокупности вне зависимости от цели и задач анкетирования.

Для определения требуемого уровня точности и репрезентативности выборки нами был сделан обзор предлагаемых в социологической науке методов расчета оптимального объема выборки [8, с. 71–74; 10, с. 101]. Коэффициент доверия, вычисленный по таблицам и составляющий в нашем случае 95 %, считается достаточной степенью достоверности результата [2, с. 101]. Предельная ошибка выборки задана на уровне 5 % [10, с. 100]. В начале исследования известна численность генеральной совокупности по состоянию на 1 января 2019 г. – 276 599 совершеннолетних мужчин, отбывающих наказание в исправительных колониях (в генеральную совокупность не вошли лица, содержащиеся в колониях-поселениях – 33 909 чел., в исправительных колониях для осужденных к пожизненному лишению свободы – 2029 чел., в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора при исправительных колониях, – 100 722 чел., в тюрьмах – 1212 чел., в воспитательных колониях для несовершеннолетних – 1309 чел.; женщины – 45 143 чел. (Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. URL : [http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya %20har-ka %20UIS](http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS)). Исходя из этих данных, минимальный объем выборки должен составлять 350–398 чел. [10, с. 100; 12].

В рамках нашего исследования данный показатель намеренно был превышен в 2,5 раза в целях сохранения репрезентативности выборки и достоверности результатов исследования в случае исключения некоторой части анкет как недостоверных. Всего было опрошено 1000 осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы.

При определении недостоверности мы руководствовались следующими критериями оценки: отсутствие 25 % ответов, наличие в ответах респондентов взаимоисключающих вариантов, неадекватность ответов, свидетельствующих о непонимании респондентом сути вопроса, неразборчивость записей респондентов, большое количество исправлений в ответах (более 15 % в одном опросном листе). Был также использован метод экспертных оценок при выявлении неискренности в ответах респондентов на основе различных признаков, например, при выявлении очевидных признаков заполнения анкеты одним лицом (совпадение почерка, графических символов, отсутствие интенсивности изменений ответов в ряде последовательно расположенных анкетных листов (например, нами были исключены 11 опросных листов на основании того, что ответы в них совпадали полностью) и т. п.).

В ходе исследования респонденты, отвечая на вопросы анкеты, не должны были испытывать повышенную тревожность и беспокойство, поскольку находились в стандартных для себя условиях, при заполнении анкеты не присутствовал ни интервьюер, ни сотрудник исправительного учреждения, экспериментальные условия в ходе опроса не изменялись.

Из числа полученных анкет 258 были исключены из анализа как недостоверные, оставшиеся 742 анкеты превысили минимальный порог численности выборки в 1,9 раза.

Заключительным этапом исследования стали обработка и анализ, интерпретация полученных результатов анкетирования. Наши задачи могут быть решены с помощью стандартных программных средств, поэтому для обработки информации была использована прикладная программа Excel. Выбор обусловлен простотой использования этой программы, возможностью настройки фильтров анализа, сортировки и корректировки данных. На первом этапе обработки данные каждой анкеты, признанной достоверной,

были сформированы на отдельном листе в форме таблицы, где каждый столбец соответствовал порядковому номеру анкеты и содержал неповторяющиеся подклассы (варианты ответов). Открытые вопросы анализировались отдельно.

Большинство признаков анкеты носят нечисловой характер. Использование объектов нечисловой природы продиктовано стремлением получить более объективную, освобожденную от погрешностей информацию, поскольку человек правильнее (и с меньшими затруднениями) отвечает на вопросы качественного, нежели количественного характера [11, с. 61]. Для их обработки использована операция типизации. Например, при ответе на некоторые вопросы было выделено по 10–16 различных вариаций ответов (подклассов), то есть произведено обобщение, если респондент давал не один, а несколько ответов. Множественные ответы потребовали разделения исследуемого признака на несколько признаков, для обработки которых применялась многоступенчатая типизация. Такой подход позволил исключить нежелательную вариативность при построении ряда признаков анкеты.

Использовались методы процентного соотношения (для вопросов, где требовалось выбрать ответ из предложенных вариантов) и усредненной оценки (для вопросов, где требовалось определить степень значимости). На этом этапе статистическая обработка по каждому классификационному признаку производилась отдельно (например, возраст) или по группам признаков (возраст и образование, количество судимостей и содержание воспитательной работы и т. д.), исходя из цели и задач исследования.

Интерпретация полученных данных, анализ результатов обработки информации позволяют сделать некоторые выводы и обобщения в отношении изучаемого явления. Обследованные разделились по возрастным категориям следующим образом: в возрасте 18–20 лет – 6,2 %; 21–29 лет – 28,6; 30–39 лет – 33,8; 40–49 лет – 20,6; 50–59 лет – 8,3; старше 60 лет – 2,5 %.

Из числа опрошенных осужденных 1,07 % не имеет начального образования (из них 45 % – в возрасте 18–20 лет); 2,5 – имеют начальное (из них 80 % – в возрасте 18–29 лет); 13,7 – неполное среднее (из них по 16 % – в возрасте 18–20 и 40–49 лет, 30 % – 1–29 лет, 35 % – в возрасте 30–39 лет); 18,5 – полное среднее (из них 27,7 % – в возрасте 21–29 лет, 37,9 % – 30–39 лет, 21 % – 40–49 лет); 31,9 – среднее профессиональное (27,4 % – в возрасте 21–29 лет, 37,5 % – 30–39 лет, 22,7 % – 40–49 лет); 20,03 – среднее специальное (60 % – в возрасте 21–39 лет); 3,9 – незаконченное высшее (35 % – в возрасте 21–29 лет, 27,5 % – 30–49 лет) и 8,4 % – высшее образование (самая многочисленная группа – 26,9 % – в возрасте 30–39 лет, 15 % – 21–29 лет и 17,5 % – 40–49 лет).

В указанных возрастных группах наблюдается следующее распределение по видам преступлений: среди осужденных, не имеющих начального образования, почти 100 % совершили тяжкие и особо тяжкие преступления (убийство и причинение тяжкого вреда здоровью – около 60 %, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, – 25 %, грабеж и разбой – 12 %). Среди лиц, имеющих начальное, неполное среднее и общее среднее образование, около 90 % осуждены за убийство, причинение тяжкого вреда здоровью, преступления в сфере наркотиков, кражу, грабеж и разбой). Из имеющих среднее специальное образование за указанные преступления осуждены 84,93 %, незаконченное высшее – 75 %, высшее – 45,27 %.

Ранее не привлекались к уголовной ответственности – 40,5 %, ранее судимы – 59,5, из них 28,1 % – 1 раз; 17,2 – 2 раза; 14,2 % – 3 и более раз.

Осуждены на срок до 5 лет лишения свободы – 42,6 %, 5–10 лет – 40,5, 10–15 лет – 13,4, свыше 15 лет – 3,5 %. Таким образом, 83,1 % лиц осуждены на срок до 10 лет лишения свободы.

Отбывают наказание за убийство – 14,68 %, причинение тяжкого вреда здоровью – 12,5, преступления в сфере наркотиков – 27,7, кражи – 18,14, грабеж, разбой – 12,32, иные виды хищения, в том числе растрату, – 1,98, хулиганство – 3,18, коррупционное преступление – 0,79, иные виды преступлений – 8,46 %.

Сопоставление данных о совершенных преступлениях и количестве судимостей приведено в таблице 1.

Таблица 1

Распределение преступлений по количеству судимостей

Количество судимостей	Убийство, %	Причинение тяжкого вреда здоровью, %	Хулиганство, %	Преступления в сфере наркотиков, %	Кража, %	Грабеж, разбой, %	Растрата, хищение, присвоение, %	Коррупционное преступление, %	Иное, %
Ранее несудим	63,2	44,5	29,2	39,5	18,3	25,9	66,7	83,4	54,9
Один раз	20,7	27,7	16,7	34,0	32,0	35,6	6,5	16,6	27,5
Два раза	10,5	18,9	37,5	11,5	20,6	25,9	26,8	0	14,5
Три и более раза	5,6	8,9	16,6	15,0	29,1	15,7	0	0	3,1

Как видно из таблицы 1, ранее судимые лица совершают большинство краж (81,7 %), грабежей и разбоев (77,2 %), хулиганств (70,8 %), наркопреступлений (60,5 %), причинений тяжкого вреда здоровью (55,5 %).

Из числа опрошенных 28 % состоят в зарегистрированном браке; 46 – не состоят в браке; 26 % – находятся в фактических семейных отношениях (сожительстве). Наличие детей отметили 53,3 % опрошенных, при этом из числа лиц, состоящих в зарегистрированном браке, дети есть у 84,9 %; у состоящих в сожительстве – 64,5, у не состоящих в браке – 27,1 %.

При сопоставлении данных о семейном положении, наличии детей и побуждении осужденных к рефлексивной работе по осмыслению прожитой жизни мы получили следующие результаты: сотрудники исправительного учреждения предлагали осмыслить прожитую жизнь 48,24 % осужденных. Из числа лиц, состоящих в браке, такая работа велась с 58 %; состоящих в сожительстве – с 53,4, не состоящих в браке – с 46,9 % осужденных. Из числа имеющих детей такая работа велась в отношении состоящих и не состоящих в браке в 58 %; состоящих в сожительстве – в 65,5 % случаев. Из числа лиц, не имеющих детей, она велась в отношении состоящих в браке в 36,4 %, в сожительстве – в 35,9, не состоящих в браке – в 50 % случаев.

Большинство осужденных указали, что довольны решением вопросов администрацией ИУ (78,9 %); недовольны – 3,6, не совсем довольны – 17,5 %. Очень хорошо качество воспитательной работы оценили 26,4 %, хорошо – 68,4, плохо – 3,6, очень плохо – 1,6 %. Уверенность в необходимости воспитательной работы с осужденными выразили 58,6 % респондентов; 26,5 % – считают, что такая работа скорее нужна; мнение о ненужности или скорее ненужности воспитательной работы высказало меньшинство – 6,6 и 2,8 % соответственно; 5,5 % опрошенных затруднились ответить.

Всего нарушителей режима среди опрошенных выявлено 46,7 %. При этом из числа лиц, удовлетворенных воспитательной работой в ИУ, совершали дисциплинарные правонарушения 41,2 %, из числа недовольных – 79,1 %, из числа не совсем довольных – почти 100 %. Интересно, что независимо от степени удовлетворенности воспитательной работой в ИУ меры поощрения применялись к подавляющему большинству: к 88,8 % удовлетворенных; 87,5 – неудовлетворенных и 99,2 % – не совсем удовлетворенных осужденных.

Ответы осужденных на вопрос о содержании воспитательной работы в зависимости от количества судимостей распределились следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

Зависимость содержания воспитательной работы от количества судимостей

Количество судимостей	Содержание проведенной воспитательной работы (о чем говорили), %						
	О семье	О сроке наказания	О порядке отбывания наказания и поведении в ИУ	О поведении после освобождения	Сможет ли осужденный вновь совершить преступление	О трудоустройстве после освобождения	О другом
Ранее несудим	15,3	9,9	60,4	3,6	1,8	0,9	8,1
Один раз	2,5	6	82,5	2,5	1,2	1,2	4,1
Два раза	4	2	82	4	2	0	6
Три и более раза	4,5	4,5	77,4	4,5	0	2,3	6,8

Как видно из таблицы, содержание воспитательных бесед различается в зависимости от количества судимостей: наибольшее внимание администрация уделяет поведению и порядку отбывания наказания, при этом в отношении неоднократно судимых лиц эти беседы проводятся чаще. Абсолютное большинство опрошенных ответили, что в ходе воспитательных бесед с ними обсуждаются вопросы взаимоотношений с другими осужденными (87,6 %) и причины совершенного преступления (80,0 %). Значительно меньше внимания уделяется вопросам, связанным с семьей осужденного, сроком наказания, поведением после освобождения. Вопросы семейного воспитания обсуждались с 48,9 % осужденных, вообще не обсуждались – с 46,3, обсуждались очень редко – с 4,8 %. 49,0 % опрошенных указали, что в ходе воспитательной работы обсуждались вопросы отно-

шения к ним родителей; 47,3 – что такого обсуждения не было; 3,7 % – обсуждали очень редко.

Недостаточное внимание уделяется возможностям совершения повторного преступления осужденным, его трудоустройству, хотя о наличии проблем с трудоустройством после освобождения заявляют более 50 % опрошенных осужденных. Лишь 50,2 % осужденных указали, что с ними обсуждался вопрос, как больше не совершать преступления, 47,5 – ответили отрицательно, 3,7 % – отметили, что такие беседы проводятся очень редко.

Выбор модели поведения и образа жизни в будущем вошел в содержание воспитательной работы лишь в 49,1 % случаев. 45,7 % опрошенных отметили, что беседа об этом не велась; 5,2 % – велась очень редко.

Наличие проблем после освобождения отметили 71,5 % ранее несудимых лиц; 53,7 – судимых 1 раз; 51,7 – судимых 2 раза; 58,5 % – судимых 3 и более раза. Наличие конкретных проблем после освобождения у лиц с разным количеством судимостей приведено в таблице 3.

Таблица 3

Зависимость проблем после освобождения от количества судимостей

Количество судимостей	Проблемы после освобождения, %				
	С трудоустройством	С жильем	С семьей	Иные проблемы	С трудоустройством, семьей и жильем
Ранее несудимые	51,8	6,5	7	15,5	17,8
Один раз	53,7	6,5	9,1	11,1	19,6
Два раза	51,7	15,5	12,3	16,0	4,5
Три и более раза	58,5	6,9	5,5	23,6	5,5

С осужденными, отметившими наличие семейных проблем (10,1 % от общего числа опрошенных), воспитательная работа проводится в основном единолично начальником отряда (73,7 %). Помощь психолога оказывается в 11,4 % случаев; 13,1 % – отметили единоличную работу начальника воспитательного отдела; 1,8 % – сотрудников других служб ИУ.

Всего на вопрос о том, какие сотрудники чаще всего помогают решать вопросы осужденных, более 90 % опрашиваемых указали на сотрудников воспитательной службы (84,2 % – начальника отряда и 6,8 % – начальника отдела воспитательной работы); 2,7 – отметили начальника отдела режима; 4,9 – начальника оперативного отдела; 1,4 % – иных лиц из числа сотрудников.

При ответе на вопрос о том, помогала ли администрация наладить связь с семьей, 77,1 % осужденных указали, что вообще не помогала; 19,1 – помогала; 2,2 – не очень помогала; 1,6 % опрошенных ответили, что не хотят иметь семью.

Совместная работа психолога с сотрудниками воспитательной службы отмечена незначительным числом респондентов (не более 5,5 %). Совместная работа психолога с иными сотрудниками ИУ проводится в 25,5 % случаев.

В рамках исследования нас интересовала также взаимосвязь образовательного уровня осужденных с количеством дисциплинарных взысканий и поощрений. Полученные данные приведены в таблице 4.

Таблица 4

Зависимость количества дисциплинарных взысканий и поощрений от образовательного уровня осужденных

Образование (группа)	Есть взыскания, %	Нет взысканий, %	Есть поощрения, %	Нет поощрений, %
Нет начального (1)	87,5	12,5	87,5	12,5
Начальное (2)	68,4	31,6	84,2	15,8
Неполное среднее (3)	55,0	45,0	88,2	11,2
Среднее общее (4)	46,7	53,3	86,0	14,0
Среднее профессиональное (5)	44,3	55,7	91,1	8,9
Среднее специальное (6)	45,2	54,8	88,5	11,5
Незаконченное высшее (7)	35,5	64,5	87,0	13,0
Высшее (8)	39,7	60,3	90,0	10,0

Как видно из таблицы 4, количество дисциплинарных взысканий превалирует у лиц, не имеющих образования или имеющих низкий уровень (87,5; 68,4 и 55,0 % в первых трех группах). С повышением образовательного уровня количество нарушений снижается и находится в районе 45 % в группах 4–6. Для лиц с незаконченным высшим и высшим образованием (группы 7, 8) характерна наименьшая доля нарушителей от общего числа опрошенных в группе (35,5 и 39,7 % соответственно). Показатель числа осужденных, не имеющих ни одного взыскания, также находится в зависимости от уровня образования: чем он выше, тем большее количество осужденных в группе не привлекалось к дисциплинарной ответственности.

Почти не зависит от уровня образования применение к осужденным мер поощрения. Во всех группах количество поощряемых находится на уровне 85–90 %, а доля лиц, не имеющих ни одного поощрения, – на уровне 10–15 %. Эти данные могут свидетельствовать о неизбирательном подходе администрации к вопросу поощрения осужденных. Опрос сотрудников нескольких ИУ показал, что поощрительные меры часто применяются для обеспечения достаточной численности участвующих в массовых мероприятиях осужденных, во многих ИУ существует также система так называемых квартальных поощрений, в основном для лиц, работающих на производстве или на общественных началах без оплаты труда. Таким образом, эта мера призвана компенсировать невысокий уровень заработка либо его отсутствие у осужденных.

На вопрос о том, убедили ли беседы с администрацией изменить образ жизни, 53,2 % осужденных отметили, что убедили; 38,3 – не убедили и 8,5 % – не очень убедили. Ответы осужденных в зависимости от совершенного преступления распределились следующим образом (табл. 5).

Таблица 5

**Убеденность осужденного в необходимости изменения образа жизни
 в зависимости от совершенного преступления**

Статья	Убеден, %	Не убежден, %	Не очень убежден, %
Убийство	53,6	36,6	9,8
Причинение тяжкого вреда здоровью	56	38	6
Хулиганство	50	35,7	14,3
Преступление в сфере наркотиков	61,5	32,3	6,2
Кража	53,5	39,5	7
Грабеж, разбой	46,5	44,2	9,3
Растрата, хищение, присвоение	57,1	42,9	0
Коррупционное преступление	80	20	0
Иное	36	52	12

Принимая во внимание полученные данные, мы склонны считать состоятельной гипотезу о наличии существенных недостатков в воспитательной работе с осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы.

Помимо того что в воспитательной работе вопросам, связанным с трудоустройством после освобождения, профилактическим воздействием на личность осужденного в целях предупреждения совершения повторного преступления, уделяется мало внимания, следует отметить чрезвычайно низкий уровень участия психологических служб в воспитательной работе, недостаточное использование семьи и семейных ценностей как важного психологического инструмента в исправительно-воспитательной работе. Выяснение особенностей семейного воспитания, взаимоотношений осужденного с родителями осуществляется менее чем в половине случаев, вместе с тем эти данные помогают лучше понять преступника, составить картину предшествующей преступлению жизни осужденного, его привычек, склонностей, привязанностей, круг, содержание и устойчивость социальных контактов, различных индивидуально-психологических особенностей, дефектов, детерминирующих личность, закономерности ее развития и, следовательно, определение эффективных мер исправительного воздействия на нее. Как справедливо отмечает Ю. М. Антонян, «исправление осужденных, в местах лишения свободы особенно, это весьма специфическая сфера борьбы с преступностью, в которой должны использоваться психотерапевтические, психологические и педагогические меры воздействия на преступников» [1, с. 364].

Вместе с тем основная направленность воспитательной работы в ИУ заключается в обеспечении порядка отбывания наказания, что, на наш взгляд, преследует в основном оперативно-режимные цели, но мало способствует исправительному воздействию на личность осужденного. Это подтверждается и приведенными данными о том, что

около половины опрошенных осужденных не убеждены или недостаточно убеждены в необходимости изменения своего образа жизни. Однако без осознания этой необходимости самими осужденными невозможно выстроить эффективную индивидуальную профилактическую работу с ними.

В воспитательной работе с осужденными отмечаются и иные недостатки. Как показывают результаты нашего исследования, а также опросы сотрудников администрации разных ИУ, применение мер поощрения к осужденным часто приобретает не индивидуально-личный, а системный характер. Подобный подход, во-первых, нивелирует саму воспитательную сущность поощрения, а во-вторых, искажает критерии оценки реальной степени исправления осужденных, ведет к необоснованному условно-досрочному освобождению, росту рецидивной преступности.

Библиографический список

1. Антонян Ю. М. Наука криминология. М. : Юрайт, 2015. 376 с.
2. Антонов Г. В. Выборочный метод в социологических исследованиях // Научный диалог. 2013. № 11(23). С. 96–109.
3. Валеев Г. Х. Методология и методы психолого-педагогических исследований : учеб. пособие. Стерлитамак : Стерлитамак. гос. пед. ин-т, 2002. 134 с.
4. Горбатов Д. С. Методы психологического исследования : учеб. пособие. Самара, 2000. 196 с.
5. Дембицкий С. С. Основы построения выборки в различных типах исследования. URL : <http://soc-research.info/principles/6.html> (дата обращения: 15.11.2019).
6. Ильясов Ф. Н. Алгоритмы формирования выборки социологического опроса // Социальные исследования. 2017. № 2. С. 60–75.
7. Ильясов Ф. Н. Репрезентативность результатов опроса в маркетинговом исследовании // Социологические исследования. 2011. № 3. С. 112–116.
8. Койчубеков Б. К., Сорокина М. А., Мхитарян К. Э. Определение размера выборки при планировании научного исследования // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 4. С. 71–74.
9. Кокорева Н. А. Применение метода анкетирования в практической психологии на примере исследования эффективности использования научно-лабораторного оборудования в начальных классах // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. Психология. 2015. № 1(17). С. 180–187.
10. Кошевой О. С., Карпова М. К. Определение объема выборочной совокупности при проведении региональных социологических исследований // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2011. № 2(18). С. 98–104.
11. Орлов А. И. Нечисловая статистика. М. : МЗ-Пресс, 2004. 513 с.
12. Тихова Г. П. Планируем клиническое исследование. Вопрос № 1: как определить необходимый объем выборки // Региональная анестезия и лечение острой боли. 2014. Т. VIII. № 3. С. 57–63.
13. Cochran, W. G. 1977, *Sampling techniques*, 3rd edn, New York.

УДК 351.741

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.554-560

ОКСАНА ИЛЬНИЧНА ИЛЬЯНОВА,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры теории
и методологии государственного управления,
Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: ilyanova_oksana@mail.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НЕГАТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Для цитирования

Ильянова, О. И. Проблемные вопросы распространения негативной информации о деятельности сотрудников органов внутренних дел в сети Интернет / О. И. Ильянова // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 4. – С. 554–560. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.554-560.

Аннотация. Стихийное и неконтролируемое распространение информации в сети Интернет создает предпосылки появления недостоверной и негативной информации о деятельности сотрудников органов внутренних дел и тем самым способствует снижению имиджа полицейского в глазах граждан. В статье проводится анализ наиболее действенных, с точки зрения восприятия, медийных источников, из которых граждане черпают информацию о деятельности сотрудников органов внутренних дел. Предлагается вариант нивелирования воздействия негативной информации на общественное мнение за счет организационных и технических мероприятий, проводимых ведомственными службами по связям с общественностью.

Ключевые слова: имидж сотрудника полиции, связи с общественностью, средства массовой информации, Интернет.

Имидж сотрудника органов внутренних дел (ОВД) на протяжении всей истории развития данной государственной структуры постоянно менялся. Этому способствовало множество социальных и политических факторов. Менялись структура и роль самой организации в жизни общества. Однако на протяжении всего периода развития органов внутренних дел поддержание доверия общества к сотрудникам полиции и других силовых ведомств было одним из приоритетных направлений развития государства.

© Ильянова О. И., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

В современном российском обществе существует достаточно сложное, противоречивое отношение к полиции, которое характеризуется, с одной стороны, осознанием социальной значимости деятельности по охране правопорядка, а с другой – негативизмом и недоверием [3]. В рамках статьи проводится анализ наиболее действенных, с точки зрения восприятия, медийных источников, из которых граждане черпают информацию о деятельности сотрудников внутренних дел. Предлагается вариант нивелирования воздействия негативной информации на общественное мнение за счет организационных и технических мероприятий, проводимых ведомственными службами по связям с общественностью.

Для того чтобы понять, как у граждан формируется негативное отношение к сотрудникам полиции, нужно проанализировать основные каналы получения информации в современном обществе и оценить уровень адекватного восприятия социумом органов внутренних дел. В данном контексте становится весьма актуальным изучение стереотипов восприятия правоохранительных органов в обществе, выявление механизмов формирования этих стереотипов и разработка эффективных методов и алгоритмов противодействия распространению негативного отношения к сотрудникам полиции.

Президент Российской Федерации В. В. Путин на заседании расширенной коллегии МВД России 15 марта 2016 г. отметил, что наиболее любимыми персонажами у народа остаются герои таких фильмов, как «Рожденная революцией», «Следствие ведут знатоки», «Деревенский детектив», поскольку в них сочетаются высокий профессионализм и моральные качества, заслуживающие доверия (Вступительное слово Президента РФ на расширенном заседании коллегии МВД России, 15 марта 2016 г. URL : http://78.mvd.ru/upload/site79/document_journal/3_2016_god.pdf). Однако если абстрагироваться от того, что это сказано главой государства и должно являться руководством для соответствующих служб по формированию облика современного сотрудника полиции, то это стереотип позитивной направленности, взятый из уже далекого советского периода деятельности органов внутренних дел. Действительно, в советский период дети узнавали о том, кто такой милиционер и какова его основная роль в жизни общества, из известного произведения С. Михалкова «Дядя Степа». На протяжении всей жизни стереотип милиционера как представителя органа власти с высочайшим уровнем доверия поддерживался грамотной тоталитарной пропагандистской системой, которая пронизывала как средства массовой информации, так и систему образования и воспитания личности советского гражданина. Советская система пропаганды даже не требовала существования каких-то специальных служб по связям с общественностью или средствами массовой информации (СМИ) для освещения положительной роли сотрудника милиции в жизни общества. Наличие информационного кордона с другими странами и отсутствие Интернета с его хаотичным распространением информации способствовало тому, что большая часть советского общества (за исключением каких-то криминальных структур и личностей) имела в своем сознании весьма положительный образ сотрудника органов внутренних дел. Имидж милиционера как отдельной личности и как профессии в целом был на высочайшем уровне.

Что же происходит в современной России? Ответить на вопрос, как воспринимают сотрудника полиции в обществе, достаточно сложно, это требует серьезных исследований, и в рамках данной статьи этот вопрос не рассматривается. Гораздо важнее ответить на вопросы, из каких источников современный гражданин России формирует стереотип полицейского и как эффективно противодействовать снижению имиджа сотрудника полиции, если это происходит?

Проблемой анализа сущности, а также причин, влияющих на воззрения социума на работу стражей порядка и путей укрепления авторитета полиции среди населения, в том числе во взаимодействии со средствами массовой информации, занимались Ю. Н. Мазаев, В. И. Майоров и др. [1, 5, 6]. В их статьях прослеживаются попытки объяснить формирование негативного общественного мнения о деятельности российской полиции; акцентируется внимание на большом потенциале массмедиа в способствовании оптимизации социальных отношений между органами полиции и социумом [5].

Что же изменилось в каналах получения информации с советского периода? Прежде всего, на смену партийной прессе пришли коммерческие издания, что привело к появлению новых типов и видов изданий, в том числе бульварной, финансовой и другой прессы. Новым феноменом в развитии СМИ явился Интернет, который позволил многим газетам, радиостанциям, телевизионным каналам приобрести доступ к широкой аудитории, выводя их за пределы только местных интересов. Все это способствует активизации взаимодействия двух социальных систем (ОВД и СМИ), тем более что криминологическая тематика в целом сегодня является наиболее популярной и востребованной населением. Средства массовой информации, в свою очередь, идут навстречу удовлетворению такого спроса. Однако, как это ни парадоксально, в результате влияния современных СМИ наблюдается целенаправленное формирование негативного имиджа сотрудников полиции, что усложняет процесс его преодоления и изменения его модальности. Очевидно, этот обратный эффект создается за счет того, что в новостях и специальных программах наиболее часто фигурируют криминальная хроника, негативные явления, происходящие в нашем обществе, девиантное и противоправное поведение (громкие преступления, коррупционные скандалы, а также злоупотребление властью отдельными сотрудниками правоохранительных органов, бесконечная череда ДТП, хамство при общении с сотрудниками ГИБДД и т. п.), что освещается в многочисленных программах.

Однако распространению негативного отношения к сотрудникам полиции в средствах массовой информации можно и нужно противодействовать. Для этого в структурах органов внутренних дел существуют пресс-службы. Взаимодействие пресс-службы МВД России и редакций СМИ основывается на Федеральном законе «О полиции», Законе РФ «О средствах массовой информации», Федеральном законе «Об информации, информатизации и о защите информации», Федеральном законе «О персональных данных», УПК РФ, ГК РФ и ряде подзаконных нормативных актов. В рамках данного взаимодействия вполне возможно выработать четкую стратегию повышения имиджа сотрудника полиции и не допустить распространения фэйковой или негативной информации.

Гораздо сложнее с сетью Интернет. В различных социальных сетях и чатах любая информация, особенно негативная, распространяется мгновенно, и простое частное опровержение не способно нейтрализовать отрицательный пример поведения некоторых сотрудников полиции. В вышеуказанном выступлении президент отметил, что недостойное поведение отдельных полицейских воспринимается населением крайне негативно и, в силу «переноса социальных стереотипов», имплицитно на весь образ МВД России и государственную власть в целом.

Интернет является громадным ресурсом социальной информации и все более привлекает внимание социологов. Кроме возможного целенаправленного манипулирования общественным сознанием, в сетях Интернет происходит стихийное, абсолютно нерегулируемое распространение информации, и прежде всего негативной, что обусловлено особенностями человеческой психики. Человек воспринимает информацию, поступающую из внешнего мира, исключительно индивидуально. При этом в усло-

виях действия локальных и глобальных сетей система обмена идей подменяется хаотичностью информационных потоков, преимущественно не рассчитанных на обратную связь. В формировании знаний и представлений о мире массовой аудитории все большее место занимают средства массовой информации и коммуникации, а роль реципиента становится все более пассивной. Несмотря на то что каждый человек по-своему индивидуален, психика всех без исключения людей функционирует в соответствии с некоторыми общими законами существования, и частично на этих законах строятся такие науки, как психология, психоанализ, педагогика, социология, философия и прочие дисциплины, в которых предмет и объект исследования замыкаются на фигуре человека.

В своей книге «Заразительный» И. Бергер рассматривает статьи из онлайн-версии газеты New York Times, которыми пользователи делятся друг с другом [1]. Самое большое количество ссылок набирают статьи, вызывающие сильные позитивные или негативные эмоции. В своей книге «Эффект стрекозы» Дж. Аакер в качестве главных причин вирусного распространения информации называет эмоции и страсти. Кроме того, необходимо помнить, что обычно приятные моменты запоминаются в эйдетических образах, а негативные (травмирующие психику) – в конструктивных. Еще более это актуально для видеороликов, распространяемых в Интернете, поскольку информация, подкрепленная видеорядом, сильнее воздействует на человека, чем услышанная или напечатанная. Одним из самых популярных источников видеоконтента является Интернет-платформа YouTube, которая за 14 лет существования стала популярнее многих центральных каналов. На рисунке 1 приведены две диаграммы, которые получены по данным исследований Epicstars (Youtube обогнал российские телеканалы по охвату. URL : <https://ru.epicstars.com/youtube-telekanal>).

Данные рисунка 1 свидетельствуют о том, что для большей части активной прослойки общества YouTube с его стихийно распространяемым контентом является значительным источником информации. В связи с этим актуальна проблема противодействия распространению негативного отношения к сотрудникам полиции в современном мультимедийном пространстве. Эта задача должна быть возложена на ведомственные пресс-службы.

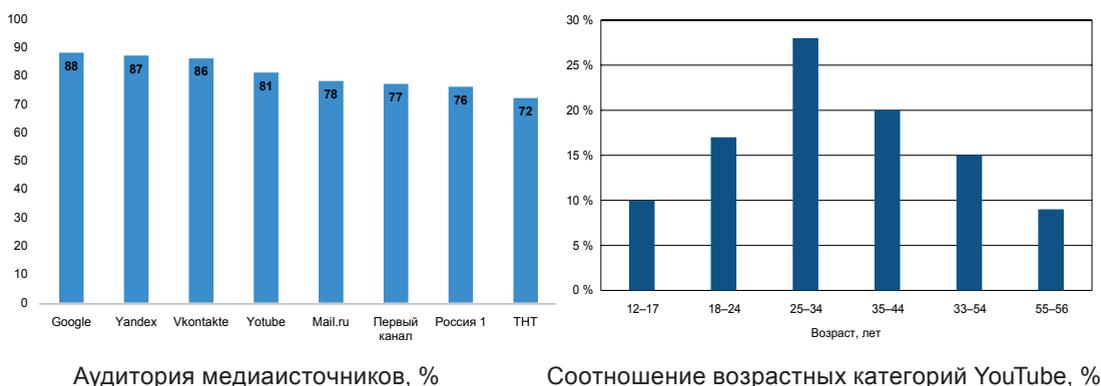

Рис. 1. Степень популярность различных медиаисточников

Такая возможность закреплена законодательно. Инструкцией об организации постоянного мониторинга общественного мнения о деятельности полиции, утвержденной приказом МВД России от 1 декабря 2016 г. № 777, предусмотрено самостоятельное изучение мнения населения на районном уровне (муниципальные районы и городские округа)

силами территориальных подразделений МВД России. Данным подразделениям необходимо в своей деятельности использовать новейшие информационные технологии, методы и специальные инструменты влияния на формирование общественного мнения. Эти инструменты и технологии в части противодействия распространению негативной информации должны быть направлены прежде всего на мониторинг информационного пространства и прогнозирование ситуации с целью упреждения конфликтов или распространения негативной информации.

Мониторинг можно проводить с помощью стандартных поисковых систем или специально разработанных программных продуктов. Цель мониторинга – поиск тематического видеоконтента. В общем виде методика противодействия распространению негативного отношения к сотрудникам полиции в сетях Интернет может быть представлена в виде блок-схемы (рис. 2.)

Рис. 2. Блок-схема противодействия распространению негативного отношения к сотрудникам полиции в сети Интернет

Следующим этапом является ранжирование полученных видеороликов, определение их эмоциональной окраски. Алгоритмы ранжирования могут быть разработаны на основе известных алгоритмов анализа брендов в маркетинге. В частности, должны быть проведены следующие мероприятия:

- 1) экспресс-аудит присутствия негативной информации в социальных медиа;
- 2) оценка репутации и рейтинга видеоролика на основании опубликованных отзывов;
- 3) анализ восприятия ролика зрителями;
- 4) исследование возможности вирусного распространения данного контента;
- 5) экспертная оценка наиболее опасных видеороликов.

Кроме того, возможна их географическая привязка. Автоматическое ранжирование может быть осуществлено путем анализа текстовых комментариев или названия видеороликов. Первые два этапа предлагаемой методики можно проводить с привлечением мощных вычислительных ресурсов профильных НИИ или других организаций [4]. При наличии географической привязки отсортированной информации возможна ее передача в региональные пресс-службы для экспертной оценки, принятия необходимых управленческих решений и разработки эффективной пропагандистской стратегии.

После ранжирования отобранного контента необходимо проведение экспертного оценивания наиболее популярных видеороликов с целью опровержения негативных фактов или создания пропагандистских видеоматериалов либо текстовых файлов. Для разработки эффективных способов противодействия распространению негативного видео необходимо, прежде всего, понимание алгоритмов и методов продвижения видеоконтента в YouTube (Как работает алгоритм YouTube? Изменения 2017 г. URL : <https://network.bbtv.com/ru/kak-rabotaet-algoritm-youtube-2017>; Ранжирование видеороликов в Google и YouTube: исследуем различия. URL : <https://semantica.in/blog/ranzhirovanie-videorolikov-v-google-i-youtube-issleduem-razlichiya.html>). Факты опровержения и пропагандистские материалы должны быть преподнесены зрителям YouTube как такие же любительские видеоролики, но с положительным настроением. Ссылки на них должны быть в комментариях к наиболее просматриваемым роликам. В этом случае видео, формирующее положительный имидж сотрудников ОВД, будет распространяться вместе с негативным контентом и частично или полностью нивелировать его воздействие на общественное мнение.

Для эффективного продвижения положительного видеоматериала необходим анализ следующих факторов: как долго пользователи смотрят ролик; переходят ли они после просмотра вашего видео к просмотру другого видео (это положительный фактор); сколько раз уникальные пользователи посмотрели видео; сколько раз посетители канала поделились роликом; каково число подписчиков канала; присутствуют ли ссылки на другие сайты. Ролик обязан соответствовать тематике, а информация в нем должна быть представлена ясно и доступно для пользователей. После того как видео готово, выбирается имя загружаемого файла, которое привлечет внимание аудитории. Прописываются теги, связанные с роликом. Один из наиболее удобных инструментов Keyword Tool.io. Тщательно продумывается полное описание ролика (желательно не менее 200 слов). Видео помещается в соответствующую категорию или прикрепляется к негативному контенту в виде ссылки. Устанавливается релевантность контента. YouTube использует эту информацию, чтобы понять, к каким запросам подходит видео, и побуждает пользователя посмотреть ролик.

Таким образом, осуществляя предложенные организационные и технические мероприятия, возможно выявить факты распространения негативного отношения к сотрудникам ОВД в сетях Интернет, а также нейтрализовать или снизить влияние негативного видеоконтента на формирование общественного мнения за счет своевременных и грамотных контрмер.

Подводя итог, отметим, что современные коммуникативные технологии за счет неконтролируемости распространения информации могут достаточно быстро сформировать в общественном сознании негативное отношение к правоохранительным органам. Профессор кафедры педагогики и психологии Уральского юридического института МВД России доктор философских наук В. Куликов выдвинул тезис о необходимости научно обоснованного подхода к совершенствованию методики изучения общественного мнения о деятельности полиции [4]. Он отметил, что в современных условиях органы внутренних дел должны не только осуществлять мониторинг общественного мнения, но и проводить более активную политику по созданию положительного имиджа сотрудника полиции в глазах населения, работать над управлением общественным мнением. В рамках статьи предложен вариант методики предотвращения распространения негативного видеоконтента в сетях Интернет. Данная методика учитывает стихийность и неконтролируемость распространения видеороликов негативного характера и позволяет

нивелировать их воздействие на общественное сознание за счет адекватного распространения опровергающей или пропагандистской информации.

Библиографический список

1. Бергер Й. Заразительный. Психология сарафанного радио. Как продукты и идеи становятся популярными. М. : АСТ ; Мани, Иванов и Фербер, 2014. 227 с.

2. Беркут К. А. Создание положительного образа региональной полиции с помощью интернет-сайтов // Современные научные исследования и инновации. М., 2011. С. 154–158.

3. Каданцева Н. П. Имидж сотрудников органов внутренних дел России: история и направления развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 3. С. 183–186.

4. Общественное мнение как критерий оценки деятельности полиции: вопросы формирования и измерения : круглый стол. URL : <https://cyberleninka.ru/article/v/kruglyy-stol-obschestvennoe-mnenie-kak-kriteriy-deyatelnosti-politsii> (дата обращения: 09.08.2018).

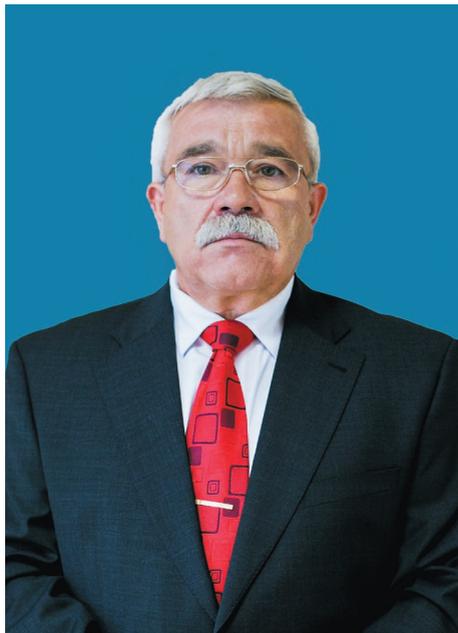
5. Мазаев Ю. Н. Роль средств массовой информации в формировании общественного мнения о милиции // Социологические исследования. 2004. № 2. С. 106–115.

6. Майоров В. И., Дунаева О. Н. Формирование стратегических приоритетов имиджевой политики российской полиции в контексте повышения эффективности ее работы // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2017. № 2. С. 144–151.

7. Русаков А. Связи с общественностью в органах государственной власти : учеб. пособие. СПб. : Изд-во Михайлова В., 2013. 224 с.

УДК 378.6:343.8-051

ВУЗ И ПРОФЕССОР: ВЗАИМОСВЯЗЬ СУДЕБ (К 85-ЛЕТИЮ АКАДЕМИИ ФСИН РОССИИ И 70-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА Н. Г. ШУРУХНОВА)

Научно-исследовательская деятельность Академии ФСИН России содействует динамичному развитию уголовно-исполнительной системы, эффективному осуществлению ее модернизации. В настоящее время ее важнейшими задачами являются инициация и выполнение фундаментальных и прикладных научных исследований в области юридических, психологических, педагогических, экономических, социальных, гуманитарных наук и информационных технологий, направленных на совершенствование системы исполнения уголовных наказаний; организация совместной научно-исследовательской деятельности с российскими, зарубежными и международными организациями; изучение и обобщение отечественного и мирового опыта по направлениям научных исследований, проводимых академией; использование результатов научных исследований и разработок в образовательном процессе и практической деятельности учреждений УИС; содействие иному практическому применению этих результатов.

Реализация поставленных задач успешно достигается благодаря научному потенциалу коллектива академии, который формировался в течение длительного времени и совершенствуется сегодня.

В 2019 г. академия отмечает 85-летний юбилей со дня ее становления как образовательной организации. За этот период в вузе сформировалась серьезная научно-исследовательская база.

В настоящее время в академии функционируют 14 научных школ, в рамках которых осуществляются научные исследования фундаментального характера.

Достойное место среди научных школ вуза занимают:

– «Расследование и предупреждение преступлений, совершаемых осужденными в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы», руководитель – профессор Н. Г. Шурухов;

– «Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России», руководитель – профессор А. А. Крымов.

Эти научные школы развивались на протяжении длительного времени – более 45 лет, их формирование и становление связано непосредственно с деятельностью кафедры уголовного процесса и криминалистики вуза.

Так, в 1971 г. в Рязанской высшей школе МВД СССР были образованы кафедры уголовного права и процесса (руководитель Г. В. Дровосеков), криминалистики и специальной техники (начальник М. С. Чугунов). В 1974 г. в результате их реорганизации создана кафедра советского уголовного процесса и криминалистики. У истоков формирования последней стояли В. В. Бубнов, В. М. Кабочкин, В. М. Ковалев, В. В. Кульков, А. П. Халынин и др.

Отметим, что создание и развитие научных школ Академии ФСИН России идет и сейчас под активным влиянием родственных научных школ Академии управления МВД России (ранее – Академии МВД СССР).

Академию управления МВД России и Академию ФСИН России связывают давние творческие и научные отношения, предпосылки для возникновения и развития которых были заложены еще в начале 1960-х годов, когда произошла коренная перестройка организации работы органов внутренних дел и исправительно-трудовых учреждений страны, потребовавшая активной научно-исследовательской деятельности, в том числе по проблемам разработки уголовно-процессуальных, тактико-криминалистических и организационных аспектов расследования преступлений, совершенных осужденными в исправительно-трудовых учреждениях.

Первые диссертационные исследования по проблемам расследования преступлений, совершаемых осужденными в местах лишения свободы, были проведены именно в рамках научной школы Академии МВД СССР.

Так, в 1968 г. М. А. Петуховский успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему «Тактика допроса свидетелей и обвиняемых из числа заключенных при расследовании преступлений, совершаемых в исправительно-трудовых учреждениях», а уже в 1971 г. защищена вторая подобная диссертация А. М. Лантухом «Тактические особенности производства первоначальных следственных действий в лесных ИТУ».

Прикладной характер сферы научного интереса М. А. Петуховского и А. М. Лантуха predetermined их судьбу. Оба молодых ученых были направлены в Рязанскую высшую школу МВД СССР, приобретающую в 1971 г. статус высшего учебного заведения и специализировавшуюся на подготовке кадров для исправительных учреждений.

За годы работы в г. Рязани Михаилом Абрамовичем и Анатолием Михайловичем было подготовлено значительное количество научных трудов и учебных пособий по уголовно-процессуальным, криминалистическим и организационным аспектам расследования преступлений, совершаемых осужденными в местах лишения свободы. Подготовка данных работ нередко была связана либо соавторством с учеными Академии МВД СССР, либо с рецензированием и учетом мнения представителей научной *alma mater*. Актуальность данных трудов не теряется и сегодня, свидетельством чему является защита за последние 15 лет более 20 кандидатских диссертаций, базирующихся на научных взглядах М. А. Петуховского и А. М. Лантуха.

Новый импульс преемственности в развитии уголовно-процессуальной и криминалистической науки Академия ФСИН России получила в результате успешной защиты докторских диссертаций, подготовленных на базе Академии управления МВД России:

в 2013 г. – О. А. Малышевой «Досудебное производство в российском уголовном процессе: проблемы реализации и правового регулирования», научный консультант – доктор юридических наук, профессор заслуженный юрист Российской Федерации Б. Я. Гаврилов;

в 2015 г. – А. А. Крымовым «Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России», научный консультант – доктор

юридических наук, доктор философских наук, профессор заслуженный юрист Российской Федерации Т. Н. Москалькова.

Уголовно-процессуальную и криминалистическую науку невозможно представить без Н. Г. Шурухнова, отмечающего в этом году свое 70-летие. Его судьба тесно связана с Академией ФСИН России и Академией управления МВД России.

Поступив в 1971 г. в Рязанскую высшую школу МВД СССР, Н. Г. Шурухнов увлекся научно-исследовательской работой, к которой профессорско-преподавательским составом тех лет привлекались курсанты вуза. Важную роль в зарождении научного интереса у Николая Григорьевича сыграл в том числе М. А. Петуховский, под чьим влиянием Н. Г. Шурухнов принял решение поступить в очную адъюнктуру Академии МВД СССР. Обучаясь в адъюнктуре по кафедре организации расследования преступлений, уголовного процесса и криминалистики Академии МВД СССР, в 1983 г. Николай Григорьевич блестяще защитил кандидатскую диссертацию, посвященную предварительной проверке заявлений и сообщений о преступлениях в стадии возбуждения уголовного дела, и навсегда связал свою научную и практическую деятельность с подготовкой юридических кадров для правоохранительных органов.

Преподавая в Академии МВД СССР, Н. Г. Шурухнов продолжил научный поиск. Обобщив научные разработки в области расследования преступлений, совершаемых осужденными в исправительно-трудовых учреждениях, он создал общую методику расследования таких преступлений, которая была признана научной общественностью после успешной защиты им в 1992 г. докторской диссертации в Академии управления МВД России (научный консультант – профессор Р. С. Белкин).

С 2004 г. по настоящее время Н. Г. Шурухнов ведет активную научно-педагогическую деятельность в Академии ФСИН России, возглавляя одну из ее научных школ.

За последние годы продолжателями научной школы профессора Н. Г. Шурухнова можно назвать его учеников, успешно защитивших кандидатские диссертации и осуществляющих научно-педагогическую деятельность в Академии ФСИН России: Д. А. Гришин «Реализация принципа законности при производстве дознания»; С. Д. Аверкин «Использование результатов режимных мероприятий (досмотра и обыска), проводимых в исправительных учреждениях, в расследовании преступлений»; Е. В. Бабкина «Обеспечение безопасности свидетелей при производстве предварительного расследования по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации»; А. А. Нуждин «Расследование мошенничества, совершенного осужденными в учреждениях УИС с использованием средств сотовых систем подвижной связи».

Н. Г. Шурухнов является автором более 300 научных работ, наиболее значительными из которых являются «Организация и криминалистическая методика расследования имущественных преступлений», «Расследование краж», «Расследование неправомерного доступа к компьютерной информации», «Криминалистика» и др.

Существенный интерес в сфере расследования пенитенциарных преступлений представляют такие работы, как «Расследование преступлений, совершаемых осужденными в ИТУ», «Личность пенитенциарного преступника», «Содействие расследованию мошенничества, совершенного осужденными в ИУ с применением средств мобильной связи» и др.

Н. Г. Шурухнов является постоянным и активным участником большинства научных форумов, посвященных проблемам теории и практики расследования преступлений.

Достижения Н. Г. Шурухнова не остались незамеченными. За успехи в своем нелегком труде педагога, наставника, сотрудника МВД России и ФСИН России он награжден

более чем 30 государственными и ведомственными наградами, за выдающиеся заслуги в развитии криминалистики – почетной серебряной медалью Р. С. Белкина.

2019 г. является удивительно богатым на знаменательные даты: исполняется 85 лет Академии ФСИН России, 45 лет – кафедре уголовного процесса и криминалистики, а также 70 лет – профессору Н. Г. Шурухнову.

Поздравляем Николая Григорьевича и коллектив Академии ФСИН России с юбилейными датами и желаем дальнейшего успешного развития, жизненного и творческого долголетия!

*Коллектив кафедры
уголовного процесса и криминалистики
Академии ФСИН России*

SCIENCE FORUM

Anastasiya Mikhaylovna Borodina, inspector at Serdobsky intermunicipal branch, Penal inspection of the FPS of Russia in the Penza region, Serdobsk, Russian Federation; Adjunct of the faculty of scientific and pedagogical personnel training, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: am.borodina@mail.ru;

Ivan Vladimirovich Dvoryanskov, DSc (Law), Professor, chief researcher of development of methodologies of criminal penalties execution without deprivation of liberty department in the Center for problems research of criminal penalties execution and psychological support of professional activity of employees of the penal system, Scientific research institute of the FPS of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: diw@yandex.ru

EVASION OF PUNISHMENT IN THE FORM OF DEPRIVATION OF THE RIGHT TO HOLD CERTAIN POSITIONS OR ENGAGE IN CERTAIN ACTIVITIES: PROBLEMS OF PREVENTION AND REGULATION OF LIABILITY

Recommended citation

Borodina, A. M. & Dvoryanskov, I. V. 2019, 'Evasion of punishment in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities: problems of prevention and regulation of liability', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 4, pp. 428–434, doi : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.428-434.

Abstract. The purpose of the study is to make proposals to change the current legislation regulating criminal and penal relations arising in the process of serving a sentence. The article is devoted to the norms of domestic law establishing the procedure for serving a sentence, characterized by the defeat of rights in different periods of Russian history. The analysis of foreign sources norms, regulating execution of specified measures of the state coercion, is carried out. The authors study the existing regulations, which determine the order and conditions of serving a sentence in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities, bringing to justice for non-execution of a court sentence. It is established that at present stage there is a certain mechanism that does not count time during which the convicted person held a prohibited position or engaged in prohibited activities in term of serving the sentence. The specified measure of reaction to illegal behavior of the person is insufficiently effective, as actually convicted person doesn't undergo real negative consequences. The work also studied the opinions of various scientists, who, in general, confirm the need to change the order and conditions of serving a sentence in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities. Proposals to change the norms of the Criminal and Penal codes were made.

Keywords: deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities, malicious evasion, penal inspection, penalties not related to isolation from society, criminal punishment.

References

Babayan, S. L. & Anfinogenov, V. A. 2017, 'Analysis of recidivism of convicts sentenced to punishments and measures of criminal-legal nature without isolation from society and measures for its prevention', *Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*, iss. 4(44), pp. 4–9.

Zvonov, A. V. 2016, 'The content of criminal punishment in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities: a brief overview', *Man: crime and punishment*, iss. 3, pp. 82–88.

Karpov, K. N. 2017, 'Deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities as a punishment or security measure', *Bulletin of Omsk University*, iss. 3, pp. 170–175.

Uvarov, O. N. 2017, 'About execution of punishment in the form of deprivation of the right to be engaged in the activity connected with management of vehicles', *Criminal justice*, iss. 1(9), pp. 65–68.

Borovikov, S. A. & Chzhan, Yu. A. 2017, 'Problems and practice of execution of criminal punishment in the form of deprivation of the right to engage in activities connected with management of vehicles', *Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*, iss. 4(40), pp. 4–8.

Utkin, V. A. 2013, 'Deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities: is it criminal punishment or security measure?', *Man: crime and punishment*, iss. 3, pp. 58–61.

Bykov, A. V. (ed.) 2016, *Execution of punishments and other criminal legal measures not related to the isolation of convicts from society: history and modernity*, Scientific Research Institute of information technologies of the Federal penitentiary service of Russia, Moscow.

Kuleshova, N. N. 2006, *Additional types of punishments: criminal-legal and penal aspects: PhD thesis (Law)*, Ryazan.

Demidov, O. G. 2004, *Evasion of punishment: criminal-legal and criminological aspects: PhD thesis (Law)*, Ryazan.

Ol'khovik, N. V. 2015, 'Recidivism of convicts sentenced to deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities', *Bulletin of Tomsk state University. Law*, iss. 2, pp. 95–100.

Vera Aleksandrovna Kazakova, DSc (Law), Professor, head of criminal law disciplines department at the Institute of international law and justice, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, e-mail: vera1313@yandex.ru

PUBLIC DANGER OF AN ACT AS A CRITERION FOR CLASSIFICATION OF OFFENCES

Recommended citation

Kazakova, V. A. 2019, 'Public danger of an act as a criterion for classification of offences', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 4, pp. 435–441, doi : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.435-441.

Abstract. The subject of the study in the article is the category of “public danger”, its criteria, their consideration when amending criminal and administrative legislation. Based on the study of doctrinal positions, statistical data and judicial practice, the author critically assesses the dynamics of criminal and administrative legislation on the example of the transformation of norms on administrative and criminal responsibility for violation of traffic rules and operation of

vehicles. The changes of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation, regulating the classification of crimes by categories of public danger, are analyzed. As evidence of the lack of a uniform approach of public danger assessment, the criminal-legal significance and features of the legislator's consideration of certain circumstances (for example, extremist motives associated with political, ideological, racial, national or religious hatred or enmity, as well as hatred or enmity against a social group, and the use of its official position by a person) are given. Special attention is paid to reactivation of criminal legislation, built taking into account the administrative prejudice, the lack of choice justification for their inclusion in the Criminal Code of the Russian Federation. A draft law on consolidation of the concept «criminal offense» is being considered. The author analyzes its legal nature and place in the system of tort legislation, reveals shortcomings of the bill and negative consequences of its introduction into force. On the basis of the study, the conclusion is made about the destruction of the system of criminal legislation associated with the dynamically occurring processes of criminalization (decriminalization), penalization and changes in the punitive component of certain types of punishments. Intersectoral conflicts arising in connection with amendments to the Criminal Code and Administrative Code of the Russian Federation are revealed. The further tendency of administrative and criminal legislation convergence is predicted.

Keywords: public danger, criminalization, decriminalization, penalization, types of punishments, forced labor, restriction of freedom, integration of criminal and administrative legislation, administrative prejudice, criminal offense, violation of traffic rules, state of intoxication.

References

- Antonov, A. D. 2002, 'Theoretical basis of criminalization', *Black holes in Russian legislation*, iss 2, viewed 20 March 2019, <http://www.k-press.ru/bh/2002/2/rantonov/rantonov.asp>.
- Dyad'kin, D. S. 2009, *Theoretical and methodological basis of criminal punishment: PhD thesis (Law)*, Moscow.
- Karlov, V. P. 2014, 'Material sign of public danger as a criterion for distinguishing crime and administrative violation (content and semantic analysis)', *Bulletin of the Volga University named after V. N Tatishchev*, iss. 1(80), pp. 59–63.
- Kaufman, M. A. 2019, 'Criminal offence: the process of identification continues', in *Criminal law: development strategy in the XXI century: proceedings of the XVI International Scientific and Practical Conference*, pp. 347–353, RG-Press Publ., Moscow.
- D'yakov, S. V. & Kadnikov, N. G. (eds) 2016, *Commentary to the Criminal code of the Russian Federation (scientific and practical, article-by-article)*, Jurisprudence Publ., Moscow.
- Lipinskiy, D. A. & Musatkina, A. A. 2015, 'Public danger of offense in scientific and legislative definitions of Russia and foreign countries', *Security concerns*, iss. 3, pp. 24–44, doi : 10.7256/2409-7543.2015.3.15941.
- Lopashenko, N. A. 2018, 'Inter-sectoral differentiation: a model of the criteria taken into account in criminalization of acts', *Proceedings of Southwestern State University. Series. History and law*, vol. 8, iss. 4(29), pp 131–136.
- Komissarov, V. S., Krylova, N. E. & Tyazhkovoy, I. M. 2012, *Criminal law of the Russian Federation. General part*, Statut Publ., Moscow.
- Chemerinskiy, K. V. 2014, 'Public danger as a category of criminal law', *Bulletin of the Volga University named after V. N Tatishchev*, iss. 1(80), pp. 99–104.

Konstantin Antonovich Sych, DSc (Law), Professor, professor of criminal law department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: vladimir_1@inbox.ru

CONCEPTUAL PROBLEMS OF GUILT IN THE CURRENT CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION (STATEMENT OF THE PROBLEM)

Recommended citation

Sych, K. A. 2019, 'Conceptual problems of guilt in the current Criminal code of the Russian Federation (statement of the problem)', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 4, pp. 442–449, doi : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.442-449.

Abstract. The article is devoted to the problems of an estimated concept of guilt in modern criminal law, the question of the need for scientific discussion of an estimated theory of guilt. It is known that the legislative models of guilt of foreign countries are based on different concepts of guilt: normative, psychological and evaluative. It follows that the legislative constructions of guilt in these States are, naturally, different. For example, in the Criminal Code of Germany there is no legislative definition of the generic concept of guilt, it is determined by the court. The legislative model of guilt of the Criminal Code of the Russian Federation is based on the psychological concept of guilt, which reduces the generic concept of guilt to the meaning of conscious and volitional activity of the person who committed a socially dangerous act. Consciousness and will are signs of any socially significant behavior of a person. In addition, these psychological signs are characteristic of sanity, as a legal sign of the crime subject. The author of the article draws the attention of researchers of the considered problem to the fact that judges and jurors determine the guilt of a person, who committed an act containing all the signs of a crime, in different ways. For example, jurors do not follow the legislative definition of guilt and its forms (intent or negligence), and determine guilt based on an assessment of objective evidence of the offense, characteristics of the person who committed a socially dangerous act. The main conclusion of the author is that the establishment of a consciously volitional aspect in the act by the court only gives rise to the process of determining the guilt of the person, and this is possible when using the evaluation theory of guilt.

Keywords: guilt, forms of guilt, principles of criminal law, objective and subjective signs of guilt, components of a crime.

References

Poznyshev, S. V. 1912, *Basic principles of criminal law science. General part of criminal law*, Moscow.

The course of soviet criminal law in six volumes 1970, vol. 2, *Crime*, Nauka Publ., Moscow.

Durmanov, N. D. 1944, 'General grounds for the doctrine of causation in criminal law', in *Criminal law issues*, iss. 1, pp. 34–55, People's Commissariat of justice of the USSR, Moscow.

Utevskiy, B. S. 1950, *Guilt in soviet criminal law*, Gosyurizdat Publ., Moscow.

Il'in, I. 2006, *General doctrine of law and state*, AST Publ., Khranitel Publ., Moscow.

Traynin, A. N. 1951, *Components of a crime under Soviet criminal law*, Gosyurizdat Publ., Moscow.

Man'kovskiy, B. S. 1949, *The problem of liability in criminal law*, USSR Academy of Sciences, Moscow.

Rarog, A. I. 1980, *General theory of guilt in criminal law, all-Union legal correspondence Institute*, Moscow.

Martsev, A. I. 2000, *General questions of the doctrine of a crime*, Omsk law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk.

Roksinb K. 2003, 'Grounds for criminal liability and personality of the offender', in O. L. Dubovik & Yu. S. Pivovarov (eds), *Topical issues of modern criminal law, criminology and criminal procedure: collection of scientific works*, pp. 143–148, INION Publ., Moscow.

Kozachenko, I. Ya., Sukharev, E. A. & Gusev, E. L. 1993, *Problems of reduced sanity*, Ural Law Academy, Yekaterinburg.

Tagantsev, N. S. 1902, *Russian criminal law. General part*, State publishing house Publ., St. Petersburg.

Santalov, A. I. 1965, 'On the unity of psychological and social legal aspects of guilt', in *Abstracts of reports and presentations at the interuniversity conference on theoretical and methodological problems of legal science*, pp. 216–219, Kishinev.

Ivanov, I. & Brika, I. 1999, 'Limited sanity', *Investigator*, iss. 7, pp. 17–18.

Kozochkin, I. D. (ed.) 2003, *Criminal law of foreign States. General part*, Moscow.

Aleksandr Semenovich Shatalov, DSc (Law), Professor, professor of criminal procedure and criminalistics department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: asshatalov@rambler.ru;

Aleksandr Vladimirovich Akchurin, PhD (Law), head of criminal procedure and criminalistics department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, ORCID 0000-0003-1742-1162, e-mail: 79206310258@yandex.ru

ISSUES OF DETECTION AND INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED BY CONVICTS USING MEANS OF COMMUNICATION AND INFORMATION TECHNOLOGIES

Recommended citation

Shatalov, A. S. & Akchurin, A. V. 2019, 'Issues of detection and investigation of crimes committed by convicts using means of communication and information technologies', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 4, pp. 450–459, doi : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.450-459.

Abstract. In this article, the authors attempt to find an answer to the question why, against the background of scientific achievements of domestic criminology, with such an abundance of new ideas, concepts, technologies, forensic algorithms, investigation programs, progress in the fight against crime remains inconspicuous. The authors see the main reason for this state of affairs in the fact that Russian criminology has long developed in isolation from the leading foreign research schools. At the same time, this state of affairs persists even now, despite the global integration processes that have covered almost all countries of the world. As the main direction of overcoming the crisis phenomena, the implementation of modern information technologies, in general, into the scientific resources of domestic criminology and to improve the effectiveness of combating crimes committed by convicts in prison in particular is defined. The authors consider the fight against them to be an international problem due to the transnational and cross-border nature of the Internet itself. Given the ongoing increase in its user, naturally generating their dependence on information society and vulnerability to different kinds of cyberplagiarism, a scientific analysis of the current state of the investigation of crimes of this kind and formulated recommendations to improve the effectiveness of this activity are presented.

Keywords: information technologies, cybercrime, places of imprisonment, convicts, computer crimes, criminalistics, investigation of crimes.

References

- Antonyan, Yu. M. & Kolyshnitsyna, E. N. 2009, *Motivation of convicts' behavior*, Moscow.
- Shurukhnov, N. G. 2015, 'Information technologies: the current state and some data of their use in the commission of crimes by persons serving sentences in institutions of the Penal system', *International penitentiary journal*, iss. 2, pp. 96–99.
- Shurukhnov, N. G. 1993, 'The identity of the penitentiary criminal', *Sociological researches*, iss. 3, pp. 74–83.
- Zharko, N. V. & Novikova, L. V. 2016, 'Subjective and objective factors as features of investigation of penitentiary crimes', *Eurasian Law Journal*, iss. 8(99), pp. 219–221.
- Shikhanov, V. A. 2016, 'Features of legal regulation of turnover of mobile cellular communication in correctional institutions of the penal system', *Man: crime and punishment*, iss. 2(93), pp. 96–101.
- Egorova, T. I. 2017, 'Counteraction against drug trafficking in prisons', *Narcocontrol*, iss. 1, pp. 33–35.
- Morozov, R. M. 2017, 'Factors influencing the investigation of criminal cases of illegal drug trafficking in correctional institutions', in *Criminal punishment in Russia and abroad: problems of appointment and execution (to the 10th anniversary of the adoption of The European penitentiary rules): proceedings of the International scientific and practical conference*, pp. 109–113, Vologda.
- Filippov, M. N. 2015, 'Methods of investigation of thefts and frauds committed using bank cards and their details', *Journal of the penal system*, iss. 5(156), pp. 26–30.
- Belyakov, A. V. 2008, 'The use of media in preparation of the disruption of institutions' activities providing isolation from society', *Lawyer of the Volga Region*, iss. 3–4.
- Tishchenko, Yu. Yu. & Maslennikov, E. E. 2018, 'Operational-search aspects of group disobedience suppression among convicts', in S. V. Garnik (ed.), *Group disobedience and mass riots in the institutions of the FPS: materials of the round table*, pp. 39–394, Scientific research institute of the FPS of Russia, Moscow.
- Fomin, Yu. S. 2011, 'Features of obtaining information from mobile communication systems in the investigation of crimes committed in correctional institutions', *Bulletin of the Vladimir law Institute*, iss. 3, pp. 65–67.
- Mikhaylova, B. P. & Khazova, E. N. n.d., 'Features of counteraction to cybercrime by criminal investigation units', in *State of crime in Russia (January–December 2010, 2011, 2012, 2013, 2014)*, The main information center of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, viewed 28 September 2019, www.mvd.ru.
- Tarasov, A. M. 2011, *E-government and information security*, St. Petersburg.
- Shevchenko, E. S. 2015, 'Actual problems of cybercrime investigation', *Forensic expert*, iss. 3, pp. 29–30.
- Sachkov, I. n.d., 'Technologies allow to fight against cybercrime – this business becomes inefficient', *Sk.ru*, viewed 28 September 2019, http://sk.ru/news/b/press/archive/2017/12/20/ilya-sachkov-tehnologii-pozvolayut-borotsya-s-kiberprestupnostyu-_1320_-etot-biznes-stanovit-sya-neeftivnym.aspx.
- 'How modern Sherlock Holmes finds Internet scammers' 2012, *Status*, iss. 8.1(19), p. 7.
- Global cybercrime losses will total \$ 2.1 trillion till 2019* n.d., viewed 28 September 2019, <http://www.securitylab.ru/news/472924.php>.
- Truntsevskiy, Yu. V. 2016, 'State and trends of crime in the Russian Federation and forecasts of its development', *Russian justice*, iss. 8, pp. 29–31.

Nekrasov, V. N. 2017, 'Current issues of criminal and legal protection of information activities in Russia', *Actual problems of Russian law*, iss. 7, pp. 108–114.

Rassolov, I. M. 2008, 'Cybercrime: concept, main features, forms of manifestation', *Legal world*, iss. 2, pp. 44–46.

Ruskevich, E. A. 2017, 'Criminal law and Informatization', *Russian Law Journal*, iss. 8, pp. 73–80.

TIME LENS

Yuriy Arsenovich Reent, DSc (History), Professor, Honored worker of higher professional education of the Russian Federation, professor of philosophy and history department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: reent2@yandex.ru

BACKGROUND OF THE EDUCATIONAL INSTITUTION ESTABLISHMENT (TO THE 85TH ANNIVERSARY OF THE ACADEMY OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA)

Recommended citation

Reent, Yu. A. 2019 'Background of the educational institution establishment (to the 85th anniversary of the Academy of the Federal penitentiary service of Russia)', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 4, pp. 460–464, doi : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.460-464.

Abstract. The article contains materials revealing the history of the creation of the first militia courses in the territory of the Ryazan province, which specialized in the training of senior personnel for law enforcement agencies in the period after the Civil war. The assessment of the main problems in their establishment and functioning is given. Based on the information obtained from archival sources, the author proposes to organize a discussion on the possibility of date revising adopted as the "day of education" of the modern Academy of the Federal penitentiary service of Russia.

Keywords: Academy of the Federal penitentiary service of Russia, training for law enforcement agencies, Ryazan courses for training the command staff of the workers' and peasants' militia.

References

State archive of the Ryazan region.

Stepanov, M. M. n.d., *Features of militia education in Russia during the Civil war (1918–1920)*, viewed 1 August 2019, <https://cyberleninka.ru/article/v/militseyskogo-obrazovaniya-v-rossii-v-gody-grazhdanskoy-voyny-1918-1920-gg>.

Reent, Yu. A. 2014, 'The origin of the training system for law enforcement agencies in Ryazan', in A. A. Krymov (ed.), *Academy of the Federal penitentiary service of Russia: history and modernity*, pp. 19–28, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

Historical form of the Academy of the FPS of Russia 2014, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

Nikolay Grigor'evich Shurukhnov, DSc (Law), Professor, chief researcher of the SRC-3, Scientific research institute of the FPS of Russia, Moscow, Russian Federation; professor of criminal procedure and criminalistics department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, ORCID 0000-0003-1132-760X, e-mail: matros49@mail.ru

INSTRUCTIONS TO THE CARETAKER OF THE PROVINCIAL PRISON CASTLE OF 1831: THE MAIN CONTENT, ESSENCE, RELEVANCE

Recommended citation

Shurukhnov, N. G. 2019, 'Instructions to the caretaker of the provincial prison castle of 1831: the main content, essence, relevance', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 4, pp. 465–480, doi : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.465-480.

Abstract. The subject of the article is an instruction to the caretaker of the provincial prison castle (1831), prepared by members of the Council of the Ministry of Internal Affairs of Russia, taking into account the comments of the St. Petersburg Committee of the society of Trustees on prisons. This document was intended for distribution to all governors of tsarist Russia. The comparative legal study of historical documents showed that the analyzed instruction is a brief set of rules from the Code of institutions and statutes on detainees. The code consisted of 1130 articles and a set of annexes. It is noteworthy that some provisions, such as article 1, were dated in legislative acts of 1767 (July), 1772 (March) years. The analysis of all 12 chapters, sections and 260 articles of the Instruction allows drawing a conclusion that it represents the complex regulation (combination of regulations) of activity of the prison lock and its officials, and also the legal status of various categories of prisoners. The article consistently presents the provisions regulating the order of admission of people to the prison castle, their placement, features of detention in prison depending on the severity of the crimes committed, sex, age, position in society. The content of rules of the address with property, subjects, securities, various acts of arrested is revealed. It is noted that the office of the castle, taking documents from the prisoners, studied them in order to find out whether there are no legal relations implemented during the detention of the prisoner. Special attention is paid to the consideration of sanitary and hygienic requirements for prisoners, premises of direct residence, bedding, the territory of the prison castle, as well as the exercise of religious rites. When considering the provisions governing visits with prisoners in custody, the author's classification is given: both visitors and prisoners are grouped into several groups.

An independent category of persons were prisoners for debts, who had privileges to visit and receive food supplies from relatives and other visitors, was singled out. The analysis of the legal status of the caretaker of the prison castle is presented. From the content of the conducted research, it is concluded that the caretaker was the sole commander (the full owner of the prison castle), the guardian of internal order, for which he was responsible to his superiors – the Governor, the provincial Prosecutor, the Police chief. He was obliged to ensure the observance of cleanliness, order, neatness, silence and decency, and prevention of escapes.

Keywords: instruction of the provincial prison of a castle, prisoners, caretaker, visitors, government offices, office, hospital, Church, priest.

References

Instructions to the caretaker of the provincial prison castle 1882, Printing house of the provincial Board, Perm, viewed 23 August 2019, http://arch.permculture.ru/bitstream/handle/permculture/1892/124307_read.pdf?sequence=2&isAllowed=y.

Ozhegov, S. I. & Shvedova, N. Yu. 2006, *Explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions*, 4th edn, A TEMP Publ., Moscow.

MANAGEMENT VECTOR

Sergey Vladimirovich Ponikarov, adjunct of the faculty of scientific and pedagogical personnel training, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: minrs@yandex.ru;

Vladimir Anatol'evich Ponikarov, DSc (Law), Associate Professor, professor of administrative and financial law department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: minrs@yandex.ru;

Sergey Mikhaylovich Smolev, head of fire training department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: ognpod@yandex.ru;

Sergey Valer'evich Stroilov, deputy head of fire training department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: ognpod@yandex.ru

COMPONENTS OF EVIDENCE IN LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES OF EMPLOYEES OF SPECIAL FORCES UNITS PERFORMING FUNCTIONS IN THE FIELD OF CRIMINAL PENALTIES EXECUTION

Recommended citation

Ponikarov, S. V., Ponikarov, V. A., Smolev, S. M. & Stroilov, S. V. 2019, 'Components of evidence in law enforcement activities of employees of special forces units performing functions in the field of criminal penalties execution', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 4, pp. 481–489, doi : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.481-489.

Abstract. The object of the study in this article are the components (subject, as well as the limits) of evidence in law enforcement activities of employees in special forces units performing functions in the field of execution of criminal penalties. The subject of the study is the normative acts regulating the basis of evidence in law enforcement activities of special purpose units in institutions and bodies executing criminal penalties. The reliability of the study is confirmed by the results of a survey of 80 employees of special purpose units in Moscow, the Moscow region, the Ryazan region and the Tula region. These regions were selected based on the number of correctional facilities located in them. Conclusions of the study are:

components of evidence is a specific type of law enforcement activities of special purpose units of the Penal system;

proving in cases of administrative offences in law enforcement activities of special forces units is not a priority, however, their employees need to have a full understanding of the evidence in administrative and other cases;

it is required to legislate the list of evidence of the use of physical force, special means and weapons.

Keywords: public administration, subject and limits of evidence, law enforcement, special forces, function, execution of punishments, the FPS of Russia.

References

Ozhegov, S. I. 2012, *Explanatory dictionary of the Russian language*, World and Education, Oniks Publ., Moscow.

Ponikarov, V. A., Pavlova, L. V. & Senatova, E. V. 2017, *Institute of evidence in cases of administrative offences in law enforcement of correctional institutions and remand centres of the Federal penitentiary service of Russia*, Prospekt Publ., Academy of the FPS of Russia, Moscow.

Dmitriy Vladimirovich Gorban', PhD (Law), senior researcher of the research department at scientific center, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: dimas8807@mail.ru;

Ol'ga Sergeevna Efremova, PhD (Law), senior lecturer-methodologist of the department of interuniversity educational and methodical work organization, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: efremova.o-s@yandex.ru

PROBLEM QUESTIONS OF SUBJECTS' ACTIVITY OF OFFENCES PREVENTION AND WAYS OF THEIR DECISION

Recommended citation

Gorban', D. V. & Efremova, O. S. 2019, 'Problem questions of subjects' activity of offences prevention and ways of their decision', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 4, pp. 490–495, doi : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.490-495.

Abstract. Crime prevention is one of the priorities of our state. At the same time, the sphere of public relations under consideration today have some problems, even after the adoption of new and improvement of the current legislation. These problems relate to the legal regulation of the activities of subjects of crime prevention. In particular, in the scientific literature disputes around the list of subjects of prevention which in the legislation is closed and rather compressed do not cease. There are also shortcomings in the activities of individual subjects of crime prevention. In the presented article on the basis of various approaches of scientists-criminologists analysis, and also conducted results of researches, authors made attempt of complex studying of problem questions of crime prevention subjects. The general concept of subject of crime prevention is considered, its features are distinguished. Theoretical and legislative classifications of subjects of crime prevention are described. The problem issues of activity of separate subjects of crime prevention are analyzed: Federal Executive authorities, bodies of Prosecutor's office of the Russian Federation, investigative bodies, public authorities of subjects of the Russian Federation, Local Governments. Based on the analysis, the authors propose some organizational and legal measures to improve the activities of subjects of crime prevention: strengthening the role of prosecutorial supervision in the field of crime prevention; adjusting the staffing of the Investigative Committee of the Russian Federation; adoption of interdepartmental joint orders on the interaction of the Investigative Committee, the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation and the Prosecutor's office; strengthening the quality of inte-

grated regional programs for crime prevention, etc. It is also proposed to legislate the concept “subject of crime prevention”.

Keywords: crime prevention, subject, offence, regional crime, system of crime prevention, a regional programme, power Ministry.

References

Antonyan, Yu. M. 2013, ‘General concept of crime prevention’, *Man: crime and punishment*, iss. 3, pp. 21–29.

Maksimov, S. V. & Valuyskov, N. V. 2016, ‘Legislative innovation on crime prevention’, *Proceedings of the Institute of state and law of the Russian Academy of Sciences*, iss. 6, pp. 150–165.

Smirnov, G. G. 2005, *Problems of development and implementation of criminological doctrine on crime prevention: PhD thesis (Law)*, Moscow.

Il’ya Nikolaevich Chernyshov, PhD (Economics), associate professor of economics and management department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: ilya_4@mail.ru

PLANNING THE STAFF REQUIREMENT IN INSTITUTIONS OF THE PENAL SYSTEM: SEARCH FOR EFFECTIVE METHODS

Recommended citation

Chernyshev, I. N. 2019, ‘Planning the staff requirement in institutions of the penal system: search for effective methods’, *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 4, pp. 496–503, doi : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.496-503.

Abstract. The article is devoted to the problem of traditional methods’ effectiveness of planning the number of personnel in institutions and bodies of the Penal system. In particular, the possibility of using a widespread method of personnel planning based on normative complexity of performed work is analyzed. There are three main factors limiting the use of this method. First, it is complexity of defining, categorizing and systematizing the actions and procedures performed by managers and executors in conditions of dynamic changes in the internal and external environment. Secondly, it is low accuracy of determining the normative labor intensity of work using traditional methods. Thirdly, it is a wide variability of conditions for the implementation of labor functions due to specific differences in the qualification of executors and managers, technical equipment, access to information resources and other infrastructure. These reasons cause problems of effective adaptation of developed standard staffing tables to specific conditions of institutions functioning of the Penal system. As the directions of methodology improvement of planning staff it is proposed the construction of a labor regulation system, based on the interaction of many parameters of the organization of working life: costs and results of labor, the ratio of the number of different categories of staff, working conditions, complexity of work and wages. This, at first glance, complication allows to implement a systematic approach in the aspect of institutions’ activities planning on the basis of goals, organizational structure of management, as well as the specifics of structural units functioning included in the institution. Ultimately, additional time, labor and information costs for the construction of a coherent system of rationing will ensure the transition from rigid models to more flexible and adaptive models of staffing, which will allow more accurately assess the needs of institutions of the Penal system in the staff.

Keywords: Penal system, organizational and staff work, labor rationing, personnel planning, labor intensity.

References

Pogudin, O. A. 2001, 'Labor rationing in the enterprises of the FPS: a relic of the past or an urgent need?', *Journal of the penal system*, iss. 6, pp. 25–27.

Ogorodnikov, V. I. & Dolinin, A. Yu. 2006, 'The concept, essence, principles of organizational and staff work in the FPS and its place in the implementation of the state personnel policy', *Man: crime and punishment*, iss. 1, pp. 46–50.

Dolinin, A. Yu. & Brykov, D. A. 2015, 'Organizational and legal aspects of staff number reduction in the penal system', *Man: crime and punishment*, iss. 2(89), pp. 61–66.

Sheburakov, I. 2015, 'Methods of rationing the number of employees', *Public service*, iss. 2(94), pp. 63–66.

Dolinin, A. Yu. 2015, 'Theoretical and applied aspects of determining the number of staff of the penal system', *Penal law*, iss. 2(20), pp. 30–34.

Genkin, B. M. 1982, *Optimization of labor standards*, Ekonomika Publ., Moscow.

Kolosova, R. P., Vasilyuk, T. N., Artamonova, M. V. & Ludanik, M. V. 2009, *Staff Economics*, INFRA-M Publ., Moscow.

Pozolotina, E. I. 2015, 'Comparison of methods of work measurement', *Human Progress*, vol. 1, iss. 1, pp. 48–59.

Shamsunov, S. Kh. & Peshcherov, G. I. 2018, 'Management culture of institutions and bodies of the penal system', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 2, pp. 162–167.

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

Mariya Aleksandrovna Vasil'eva, PhD (Law), associate professor of criminology department, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail: mvd-ecology@mail.ru;

Evgeniy Vladimirovich Zubenko, PhD (Law), associate professor of the department of management of crime investigation bodies, Academy of management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: zubenko1978@yandex.ru

ON THE QUESTION OF ESTABLISHING THE CIRCUMSTANCES TO BE PROVED IN CRIMINAL CASES ON ILLEGAL EXTRACTION OF AQUATIC BIOLOGICAL RESOURCES AND LOGGING OF FOREST PLANTATIONS

Recommended citation

Vasil'eva, M. A. & Zubenko, E. V. 2019, 'On the question of establishing the circumstances to be proved in criminal cases on illegal extraction of aquatic biological resources and logging of forest plantations', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 4, pp. 504–509, doi : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.504-509.

Abstract. The article reveals the peculiarities of establishing the circumstances to be proved in criminal cases of illegal extraction of aquatic biological resources and logging of forest plantations. These crimes are characterized by similar features in the event of the crime. The authors propose a classification of considered crimes according to purposes of their commission: for independent use of extracted resources; for further implementation within the country; for further implementation outside the Russian Federation. In addition, a description to each type of presented characteristics is given; attention is paid to the methods of committing crimes and the identity of criminals. So, the persons committing the considered crimes for independent use of extracted resources are inhabitants of villages and settlements located in the area of finding of water or forest object, have education to average (average-special), are low-skilled specialists, are not employed; tools and means of crimes commission can be hand saws, axes, horse-drawn transport; water bioresources are extracted by means of networks, rowing, or motor boats (less often); wood is used as a raw material for heating, construction and repair of houses and economic structures; water bioresources are used for food, and also used for piece sale. Illegal extraction of aquatic biological resources and felling of forest plantations for further implementation in the country is carried out by criminal groups consisting of: the organizers (no more than 3–5 people, including a representative of legal business in the field of transportation, law enforcement officials); executors (can be divided into several teams, numbering from 5 to 10–12 people); persons engaged in the protection of mined items and their processing; persons engaged in the transportation of resources. The third type of crime is characterized by presence among the organizers of foreign citizens of the country where resources are exported; the object of criminal encroachment is of high quality and selective (red-book animals, high-grade wood species); resources are transported in a large volume, which requires their storage and processing; transportation is carried out either openly under the guise of legal cargo, or secretly (in the hollows of the vehicle or under the guise of not prohibited goods). The authors indicate that from the point of view of the completeness and adequacy of collection, verification and evaluation of evidence to establish the existence of an event being considered a crime and the guilt of those who committed them, it is necessary to focus on the aspects of the circumstances to be proved, including those relating to the mechanism of illegal extraction of aquatic biological resources and felling of forest plantations, studied in the article. It is proposed, using the information on the specified typology of types of committed environmental crimes, to put forward investigative versions and to plan the investigation to improve its quality and efficiency.

Keywords: illegal extraction of aquatic biological resources, illegal logging of forest plantations, circumstances to be proved, investigation, wood, fish, the identity of the offender, the mechanism of the crime.

References

Bulletin on current trends in the world economy 2019, iss. 41, Analytical center under the Government of the Russian Federation, viewed 19 September 2019, <http://ac.gov.ru/files/publication/a/20868.pdf>.

The total land area of the Forest Fund. Federal Forestry Agency, viewed 28 September 2019, <https://roslesinforg.ru/atlas>.

Ministry of natural resources and ecology of the Russian Federation. Eastern federal district. Water resources management, viewed 10 October 2019, <https://gospoklad-ecology.ru/2017/subjects/dfol/>.

Bulgakova, M. A. 2019, *Methodology of balanced forest management for biosphere balance preservation*, Moscow.

Bessonov, A. A. 2015, *Investigation of illegal extraction of fish resources*, Yurlitinform Publ., Moscow.

Garmaev, Yu. P. 2017, 'Environmental and legal education as an innovative technology in education and law enforcement', in *National security in the environmental sphere: problems of theory and practice: proceedings of the International scientific and practical conference*, pp. 72–80, Cheboksary.

Lapshin, V. F. 2017, 'Rules of sanctions construction of norms about responsibility for separate crimes encroaching on the state interests in agricultural sector of economy', *Man: crime and punishment*, vol. 25(1–4), iss. 4, pp. 522–526.

Davydov, A. A. & Makritskaya, E. D. 2017, 'Criminal procedural bases of international cooperation in the investigation of transboundary environmental crimes', *Exlegis: legal research*, iss. 3, pp. 16–19.

Evgeniy Vladimirovich Prys', PhD (Law), Professor, professor of criminal procedure and criminalistics department at the Institute of state and municipal employees' training, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: editor62@yandex. ru;

Natal'ya Vladimirovna Narutskaya, PhD (Law), associate professor of the department of civil law disciplines, National Institute of Business, Moscow, Russian Federation, e-mail: editor62@yandex. ru

INTERACTION OF JURY AND THE COURT IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Recommended citation

Prys', E. V. & Narutskaya, N. V. 2019, 'Interaction of jury and the court in criminal proceedings', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 4, pp. 510–519, doi : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.510-519.

Abstract. In the modern Russian State, the juror has a special place. This institution, which contributes to the restoration of justice, is one of the possible forms of realization of Russian citizens' constitutional right to participate personally in the administration of justice. The article is devoted to some problems of interaction between the jury and professional judges in the trial process and ways to solve them are suggested. According to the results of the study to optimize the process of interaction between the jury and the professional composition of the court in criminal proceedings the authors propose to make a number of changes to the current legislation:

in order to create an objective representation of the jury on charge brought against the defendant, we consider it appropriate to include in the content of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation the right of the jury to familiarize themselves with the indictment. This right of jurors can be fixed at the legislative level in Part 1 of Article 333 of the Criminal Procedure Code;

during the trial, jurors may have questions about certain circumstances that require professional clarification. In this regard, it is necessary to supplement the first sentence of Part 4 of Article 335 of the Criminal Procedure Code with the word «specialist».

it is necessary to simplify the procedure for jury questions to the participants in the process and in part 4 of article 335 of the Criminal Procedure Code stipulate the right of the jury to ask the accused, the victim, witnesses, experts, specialist.

Keywords: professional structure of the court, jury, interaction, parting word of the judge, verdict.

References

Golybina, M. N. & Yakovleva, Yu. V. 2015, 'Some problems of trial by jury: problems of legislation and practice of some problems application by trial by jury: problems of legislation and practice of application', *Territory of the right*, iss. 1, pp. 41–44.

Kleshchina, E. N. 2016, 'About some problems and approaches to improvement of production on the criminal cases considered by court with participation of jury', *Bulletin of the all-Russian Institute for advanced training of employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, iss. 4, pp. 87–92.

Razveykina, N. A. 2007, 'The parting word of the presiding officer as a means of undue influence on the jury', *Bulletin of Samara State University*, iss. 5-1, pp. 123–131.

Shidlovskaya, Yu. V. 2007, 'About procedural interaction of Board of jurors and professional structure of court in the Russian criminal process', *Bulletin of Tomsk State University*, iss. 298, pp. 171–173.

Dmitriy Borisovich Chernyshev, associate professor of criminal law department, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russian Federation, ResearcherID I-2819-2017, e-mail:sledstvient404@mail.ru

THE PROBLEM OF COERCION TO TESTIFY AS A CRIMINAL PROCEDURAL MECHANISM FOR OBTAINING EVIDENCE

Recommended citation

Chernyshev, D. B. 2019, 'The problem of coercion to testify as a criminal procedural mechanism for obtaining evidence', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 4, pp. 520–528, doi : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.520-528.

Abstract. The high public response, caused by regularly detected cases of coercion to testify during the investigation, determines the relevance of the scientific study of this problem. In the course of the present study, the author examines the motives that motivate law enforcement officers in the past and in the present to use violence against the interrogated persons, assesses the historical, legal, moral prerequisites of coercion as a criminal procedural method or means of obtaining evidence. The methodological effectiveness of coercion from the point of view of forensic tactics, as well as the reliability and value of the evidence obtained in this way are considered. As a result of the study, the author comes to the conclusion that the existing negative attitude to the evidentiary value of testimony, obtained under coercion, is based on a mistaken understanding of the motives for its application. While condemning the use of violence from the point of view of humanity and respect for human rights, the author appreciates the potential methodological significance for the interests of truth. The results of the study should be understood beyond the mere use of violence during interrogation. Abstracting from the formal idea of violence as a physical and moral torture, and assessing its purpose from an axiological point of view, the author believes that coercion to give truthful testimony in a form not related to causing

pain to a person is an effective means of achieving the goals of the criminal process – the establishment of the truth in a criminal case.

Keywords: torture, violence, confession, evidence, testimony, accused, coercion

References

- Ivan'shina, A. E. 2018, 'Torture as a means of inducing an accused to confess: a retrospective analysis', *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 2(42), pp. 299–303.
- Mal'tsev, G. V. 2012, *Revenge and retribution in ancient law*, Norma, INFRA-M Publ., Moscow.
- Anisimov, E. V. 1999, *The rack and a whip. Political investigation and Russian society in the XVIII century*, New literary review Publ., Moscow.
- Spasovich, V. D. 2000, *Selected works and speeches*, Avtograf Publ., Tula.
- Man'kov, A. G. (ed.) 1986, *Russian legislation of X–XX centuries*, in 9 vols, vol. 4, *Legislation of the period of formation of absolutism*, Juridical literature Publ., Moscow.
- Korf, M. A. 1993, *The Braunschweig family*, Moscow.
- Serov, V. V. 2005, *Encyclopedic dictionary of winged words and expressions*, Lokid-Press Publ., Moscow.
- Chel'tsov-Bebutov, M. A. 1947, *An accused and his testimony in the soviet criminal trial*, Ministry of justice of the USSR, Moscow.
- Vyshinskiy, A. Ya. 1950, *Theory of judicial evidence in Soviet law*, Juridical literature Publ., Moscow.
- Barabash, A. S. 2015, 'The evidentiary value of the guilty plea by an accused yesterday, today', *Bulletin of Volgograd state University, Series 5 Jurisprudence*, iss. 1(26), pp. 15–24.
- Naryshkina, N. I. 2018, 'Classification of torture practiced in prisons in Russia and Europe', *Bulletin of the Voronezh Institute of the FPS of Russia*, iss. 3, pp. 182–186.
- Shelegov, Yu. V. 2018, 'Torture as an extreme form of deviation in criminal proceedings at the stage of preliminary investigation', in *Deviation in modern Russian society. Its prevention and minimization: Materials of the all-Russian scientific and practical conference*, pp. 63–67, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk.
- Ivan'shina, A. E. 2019, 'Encouraging the accused to plead guilty: the problem of risks minimizing', *Legal technique*, iss. 13, pp. 678–681.
- Barabash, A. S. 2006, 'Improvement of the criminal procedure mechanism of citizens protection from illegal violence by law enforcement officers', in G. N. Chebotarev (ed.), *Ensuring human and civil rights and freedoms: Proceedings of the International scientific and practical conference, Tyumen, November 17–18, 2005*, in 5 vols, vol. 4, pp. 45–48, Tyumen.
- Gordeychik, S. A. & Egorova, N. A. 2012, 'Torture in pre-trial investigation: causes and prevention', *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 2(21), pp. 94–99.
- Kashnikov, B. N. 2013, 'Violence of justice and justice of violence', *Military law journal*, iss. 8, pp. 20–28.
- Shayo, A. 2001, *The self-limitation of power (a short course of constitutionalism)*, Yurist Publ., Moscow.
- Katkov, D. B. & Korchigo, E. V. 1999, *Constitutional law of Russia*, Jurisprudence Publ., Moscow.
- Vitruk, N. V. 2008, *General theory of the legal status of the individual*, Norma Publ., Moscow.
- Lukasheva, E. A. 1987, *Socialist law and personality*, Nauka Publ., Moscow.
- Il'in, I. A. 1993, *The path to evidence*, Respublika Publ., Moscow.
- Dikaev, S. U. 2014, 'Is it permissible to use torture in order to ensure national security?', *Criminology: yesterday, today, tomorrow*, iss. 2(33), pp. 25–30.

Emintseva, Yu. A. 2016, 'The place of torture prohibition in the system of universally recognized human rights', *NovaUm.Ru*, iss. 4, pp. 152–154.

Danilov, A. P. 2014, 'Comprehensive breach of communication secrecy as a security measure', *Criminology: yesterday, today, tomorrow*, iss. 1(32), pp. 41–47.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

Aleksandr Nikolaevich Pastushenya, DSc (Psychology), Professor, professor of psychology and pedagogy department at the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus; e-mail: anp-1308@ya.ru;

Tat'yana Aleksandrovna Simakova, PhD (Psychology), Associate Professor, leading researcher of the research department at scientific center, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: simakovatanea@yandex.ru

RESOCIALIZATION AS A PROCESS OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL AND SPIRITUAL-MORAL DEVELOPMENT OF CONVICTS' PERSONALITY

Recommended citation

Pastushenya, A. N. & Simakova, T. A. 2019, 'Resocialization as a process of socio-psychological and spiritual-moral development of convicts' personality', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 4, pp. 529–535, doi : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.529-535.

Abstract. The article is devoted to the content side of resocializing effect on convicts serving sentences in prison. Methodological reflection of the process of resocialization focuses on processes of inner world of convicts' personality transformation, which is a system hierarchy of processes, properties and states of personality. This is of fundamental importance, since in modern penitentiary practice one can observe a shift in activity towards improving conditions of detention due to the need to comply with European standards for the implementation of punishment in places of deprivation of liberty. This kind of practice, with a shortage of psychological support of convicts, causes negative results of serving a sentence, manifested in the enrichment of the convict's personality with new social vices, such as dependency, low social adaptability in the changing conditions of civil society, criminal contamination of the motivational and semantic sphere of the personality. According to the authors, potential possibilities of convicts' correction, transformation of their psychology, including legal consciousness and its realization in law-abiding behavior, are possible only under conditions of adequate combination of functions of punishment and correction. In this context, we propose a structural and functional model of the individuals' readiness development to a lawful way of life, including the main components of resocialization relating to cognitive, communicative, social-perceptual, value-semantic, motivational, emotional and volitional spheres of personality. On the basis of the model, the tasks of resocialization are formulated in relation to the main spheres of life of the convict after release: material support of life, interaction with other people, prudent behavior in the field of recreation and entertainment.

Keywords: resocialization of convicts, readiness for law-abiding lifestyle, anti-criminal stability of convict's personality, tasks of correctional process.

References

Sochivko, D. V. (ed.) 2009, *Crime and punishment from «A» to «Z» (dictionary of penitentiary psychology)*, Moscow Psychology-Social Institute, Moscow.

Pishchelko, A. V. 1995, *Psychological and pedagogical bases of convicts' personality resocialization*, Republican Institute of advanced training of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Domodedovo.

Pishchelko, A. V. 2002, *Fundamentals of penitentiary psychology and pedagogy*, Moscow.

Ushatkov, A. I. & Kazak, B. B. 2003, *Penitentiary psychology*, 2nd edn, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

Nina Alekseevna Tyugaeva, DSc (Pedagogy), Professor, Honored worker of higher school of the Russian Federation, professor of legal psychology and pedagogy department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: editor62@yandex.ru;

Boris Vladimirovich Aleksandrov, lecturer of the department of social psychology and social work, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: abv2712@rambler.ru;

Roman Mikhailovich Voronin, DSc (Medicine), Associate Professor, professor of the department of psychology of professional activity in the Penal system, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, ORCID 000-0001-9794-972X, e-mail: rmvoronin@mail.ru;

Vladimir Ivanovich Ogorodnikov, DSc (Law), Professor, professor of the department of management and organization of activities in the Penal system, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: ogorodnikov_v.i.@yandex.ru

DEVELOPMENT OF CONVICTS' PERSONALITY SENTENCED TO IMPRISONMENT IN THE PROCESS OF THEIR PHYSICAL EDUCATION: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT

Recommended citation

Tyugaeva, N. A., Aleksandrov, B. V., Voronin, R. M. & Ogorodnikov V. I. 2019, 'Development of convicts' personality sentenced to imprisonment in the process of their physical education: theoretical and methodological aspect', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 4, pp. 536–542, doi : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.536-542.

Abstract. The article defines the concept and reveals the essence, features, functions of physical education of prisoners sentenced to imprisonment in order to achieve their personal development in this process and prepare for resocialization. Special attention is paid to scientific directions within which the person's personality acting as an object of physical education and to psychological maintenance of physical education as process. According to the authors, the convicts have poor ideas about the importance of physical education and physical self-development. The work reflects a brief historical review of the problem, which indicates that physical education arose at the dawn of human civilization and is directly related to physical culture and sports work, including those carried out in prisons with convicts and contributing to the development of personality. The algorithm of actions and principles of physical education, which are

realized for the purpose of convicts' personality development, are considered, and also the approximate program of physical education, consisting of such blocks as: theoretical (educational), practical and control, is presented. Criteria of efficiency of these programs application are marked. The role of physical exercises, rules of personal and social, industrial and household hygiene, which are important means of physical education and formation of personal qualities of convicts, are also revealed.

Keywords: physical education, personal development, convicts, sports work, resocialization.

References

Tyugaeva, N. A. 2016, 'Realization of convicts physical education through physical culture and sports work with them', *Man: crime and punishment*, iss. 4(95), pp. 12–15.

Danilin, E. M. & Evdokimov, I. V. 2014, 'How to evaluate educational colonies' activities', *Journal of the penal system*, iss. 10, pp. 28–29.

Shishigin, V. 2014, 'Energy multiplied by purpose', *Crime and punishment*, iss. 10, pp. 16–19.

Grigoriy Viktorovich Shcherbakov, PhD (Psychology), Associate Professor, deputy head of the Academy on scientific affairs, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: gregoralt@yandex.ru;

Maksim Mikhaylovich Cherekhovich, postgraduate student, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation, e-mail: m.16.mm@mail.ru

METHODS OF QUESTIONNAIRE STUDY OF CONVICTS' OPINIONS ON EDUCATIONAL WORK WITH THEM

Recommended citation

Shcherbakov, G. V. & Cherekhovich, M. M. 2019, 'Methods of questionnaire study of convicts' opinions on educational work with them', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 4, pp. 543–553, doi : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.543-553.

Abstract. The article is devoted to the methodology of the conducted criminal-sociological research (questionnaire), stages of research tools preparation, collection, processing the results of the questionnaire survey; the main data obtained as a result of the study is presented. The object of the research is questioning as a method of collecting information about male convicts serving sentences in correctional colonies (except for life convicts), educational work with this category of convicts.

Keywords: questionnaire survey, convicts, imprisonment, correction, educational work, correctional institution.

References

Antonyan, Yu. M. 2015, *Science criminology*, Yurayt Publ., Moscow.

Antonov, G. V. 2013, 'Selective method in sociological research', *Scientific dialogue*, iss. 11(23), pp. 96–109.

Valeev, G. Kh. 2002, *Methodology and methods of psychological and pedagogical research*, Sterlitamak State Pedagogical Institute, Sterlitamak.

Gorbatov, D. S. 2000, *Methods of psychological research*, Samara.

Dembitskiy, S. S. n.d., *Fundamentals of sampling in different types of research*, viewed 19 November 2019, <http://soc-research.info/principles/6.html>.

Il'yasov, F. N. 2017, 'Algorithms of sociological survey sample formation', *Social researches*, iss. 2, pp. 60–75.

Il'yasov, F. N. 2011, 'Representativeness of survey results in marketing research', *Sociological researches*, iss. 3, pp. 112–116.

Koychubekov, B. K., Sorokina, M. A. & Mkhitaryan, K. E. 2014, 'Determining the sample size when planning a scientific study', *International journal of applied and fundamental researches*, iss. 4, pp. 71–74.

Kokoreva, N. A. 2015, 'Application of the questionnaire method in practical psychology on the example of efficiency use research of scientific and laboratory equipment in primary classes', *Bulletin of the Samara humanitarian Academy. Series Psychology*, iss. 1(17), pp. 180–187.

Koshevoy, O. S. & Karpova, M. K. 2011, 'Determination of the sample size during regional sociological research', *Proceedings of higher educational institutions. Volga region*, iss. 2(18), pp. 98–104.

Orlov, A. I. 2004, *Non-numeric statistics*, MZ-Press Publ., Moscow.

Tikhova, G. P. 2014, 'We are planning a clinical trial. Question # 1: how to determine the required sample size', *Regional anesthesia and treatment of acute pain*, vol. VIII, iss. 3, pp. 57–63.

Cochran, W.G. 1977, *Sampling techniques*, 3rd edn, New York.

Oksana Il'inichna Il'yanova, PhD (Law), senior lecturer of theory and methodology of public administration department, Academy of management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: ilyanova_oksana@mail.ru

PROBLEMATIC ISSUES OF NEGATIVE INFORMATION SPREAD ABOUT ACTIVITY OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE INTERNET

Recommended citation

Il'yanova, O. I. 2019, 'Problematic issues of negative information spread about activity of employees of Internal Affairs bodies in the Internet', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 4, pp. 554–560, doi : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.554-560.

Abstract. Spontaneous and uncontrolled dissemination of information on the Internet creates prerequisites for dissemination of false and negative information about the activities of Internal Affairs officers and thereby contributes to reduction of the police image in the eyes of citizens. The article analyzes the most effective, from the point of view of perception, media sources from which citizens draw information about the activities of Internal Affairs officers. A variant of leveling the impact of negative information on public opinion through organizational and technical measures, carried out by departmental public relations services, is proposed.

Keywords: police officer image, public relations, media, Internet.

References

Berger, J. 2014, *Contagious. Psychology of word of mouth. How products and ideas become popular*, AST, Mani, Ivanov and Ferber Publ., Moscow.

Berkut, K. A. 2011, 'Creating a positive image of the regional police with the help of Internet sites', in *Modern research and innovation*, pp. 154–158, Moscow.

Kadantseva, N. P. 2012, 'Image of employees of Internal Affairs bodies of Russia: history and directions of development', *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 3, pp. 183–186.

Round table "Public opinion as a criterion for assessing police activity: issues of formation and measurement" n.d., viewed 19 August 2019, <https://cyberleninka.ru/article/v/kruglyy-stol-obschestvennoe-mnenie-kak-kriteriy-deyatelnosti-politsii>.

Mazaev, Yu. N. 2004, 'The role of the media in shaping public opinion about the police', *Sociological researches*, iss. 2, pp. 106–115.

Mayorov, V. I. & Dunaeva, O. N. 2017, 'Formation of strategic priorities of image policy of the Russian police in the context of efficiency increase of its work', *Bulletin of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*, iss. 2, pp. 144–151.

Rusakov, A. 2013, *Public relations in public authorities*, Mihailova V. Publ., St. Petersburg.

PERSONALIA

**UNIVERSITY AND PROFESSOR: CONNECTION OF FATES
(TO THE 85TH ANNIVERSARY OF THE ACADEMY OF THE
FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA AND THE 70TH
ANNIVERSARY OF PROFESSOR N. G. SHURUKHNOV)**

Научное издание

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Научный журнал

Редактор *А. Ю. Пертли*
Корректор *Т. Н. Русакова*
Перевод *О. Р. Белозерова*
Компьютерная верстка *С. В. Ануфриев*
Ответственный за выпуск *П. Н. Нестеров*

Подписано в печать 27.12.2019. Формат 70x100 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Arial.

Печ. л. 10,5. Усл. печ. л. 9,77. Тираж 1500 экз.

Заказ № _____.

Редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Отпечатано: Отделение полиграфии РИО Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1